

альманах

№1 (29) 2004

Издается с 1995 года

УЧРЕДИТЕЛИ:

Новгородский
Государственный
Университет
им. Ярослава Мудрого,
Администрация Новгородской
области

САДЫ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Борис Александрович Колчин
(К 20-летию со дня смерти)

«...На раскопках, в слоях всех веков,
было найдено несколько тысяч
косточек вишен. ...Хотя вишневых
деревьев на территории Новгорода
археологи пока еще не обнаружили,
у нас есть основание считать вишню
местной новгородской культурой».

*Статью Бориса Колчина, найденную
доктором исторических наук Пет-
ром Гайдуковым в архивах, журнал
печатает впервые. Читайте ее на
стр. 17.*

СОДЕРЖАНИЕ:

НОВГОРОД

Валентин ЯНИН —	
Тридцать лет спустя	3
Людмила ФИЛИППОВА —	
Утраченный храм	6
Людмила СЕКРЕТАРЬ —	
«Высочайшие рескрипты» митрополиту Гавриилу	8
Татьяна ДАНЬКО —	
Трактиры Новгорода	12

ЭХО

Петр ГАЙДУКОВ —	
Памяти Бориса Александровича Колчина (1914—1984)	16
Борис КОЛЧИН —	
Сады древнего Новгорода	17
Виола ГУЩИНА —	
Кижский архитектурный ансамбль	19
Ирина САВИНОВА —	
Боровичский тупик Люблинской улицы	22
Сергей ВИТУШКИН —	
Его надежда умерла восточнее Штаргарда	26
Галия НАСУРДИНОВА —	
Звезда чекиста Михеева	29

EXTRANEА

Элизабет ЛЁФСТРАНД —	
Тихвинский архив в Стокгольме	32

АРХИВ

Александр АНТОЩЕНКО —	
Празднование 1000-летия России в Санкт-Петербурге	36
Татьяна БОГОМОЛОВА —	
Организатор типографии в Белозерске	39
Юрий МАРКИТАНОВ —	
Славные дети капитана Бородина	42

КАФЕДРА

Валерий СВОБОДОВ —	
«...Вы снова здесь изменчивые тени»	49
Нинель ДОЙНИКОВА —	
А.Н. Майков и Новгородский край	52
Наталья МОРЫЛЕВА —	
«Дорогой наш просветитель, Илья Федорович!»	54

ГОРЕНКА	
Ольга КУЗЬМИНА — Портрет русского скомороха	65
СТЕЖКИ-ДОРОЖКИ	
Леонид НИКОЛАЕВ — По Беломорью. Фотовернисаж	70
ПЕРО	
Елена БИАНКИ — «Я весь вырос из Блока»	78
Александр КИРИЛЛОВ — Стихи	80
Николай ЕФИМОВ — Стихи	82
Николай КАНЕВ — Хроники последней войны	83
МАСТЕРА	
Татьяна БОБРОВА — «Малая» театральная история	103
Владимир ЯРЫШ — Традиции надо беречь	108
EXLIBRIS	
Сергей ЯРОВ — Советизация как культурный феномен	114

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тамара СИГАЛОВА
(главный редактор)
Елена БАРКАНОВА
(ведущий редактор)

Марина БУРЬЯК
Сергей ВИТУШКИН
Татьяна ДАНЬКО
Виктор ДУДКИН
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО

Геннадий КОВАЛЕНКО
Наталья МОРЫЛЕВА
Людмила ПЕТРОВА
Владимир ПОВЕТКИН
Ирина САВИНОВА
Наталья САУКОВА
Людмила СЕКРЕТАРЬ
Павел ФОКИН
Владимир ЯДРЫШНИКОВ
Владимир ЯРЫШ

Валентин ЯНИН

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Открытие в Новгороде в 1951 году берестяных грамот и ежегодное пополнение их фонда привело к тому, что к концу полевого сезона 2003 года число новых текстов XI—XV веков достигло 950. За это же время 90 берестяных документов было обнаружено при раскопках еще десяти древнерусских городов.

О научном значении этого нового источника написано немало. Сейчас мне хотелось бы остановиться лишь на одном аспекте его возможностей. До сих пор фундаментом основных наших знаний средневекового прошлого Руси являются летописи. Древнейший летописный свод, сохранившийся до нашего времени, датируется концом XIII столетия. В его основе лежат более ранние летописные источники, но в результате многократного редактирования они кое-что утратили из достоверного материала, а кое-что приобрели из материала недостоверного.

Однако следует обратить внимание еще на одну особенность летописей. Внимание летописцев всегда было избирательным. Их интересовали события неординарные: началась или окончилась война, умер князь, на святительской кафедре появился новый владыка, произошел губительный пожар, началась эпидемия или эпизоотия, неурожай вызвал голод и дороговизну, наблюдалось затмение солнца или явление кометы... Повседневность, хорошо известная отцам, дедам и прадедам, оставалась, как правило, за гранью внимания летописцев, — также как и простые люди, не носившие высоких титулов. Листая страницы новгородских летописей, мы познакомимся с вереницами княжеских и епископских имен, узнаем, кто и в какое время был посадником или тысяцким, но лишь в исключительных случаях встретимся с человеком, не облеченным властью. А если и встретимся, то не узнаем, чьим он был сыном и внуком и чьим он стал отцом и дедом.

Между тем именно берестяные грамоты оказались таким источником, который содержит многие сотни имен неведомых прежде новгородских горожан и сельских жителей. Если грамота сохранилась полностью или от нее уцелела хотя бы начальная строка, то в ней, как правило, мы прочтем имя автора послания и его адресата. Однако и помимо адресной формулы текст берестяного документа часто называет имена других лиц, идет ли речь о каком-либо деловом или бытовом поручении к ним или же о взыскании с них долгов. Коль скоро в настоящем очерке речь пойдет о находках на Троицком раскопе в Людином конце Новгорода, сразу замечу, что только в слоях XII века на этом раскопе мы познакомились примерно с двумя сотнями жителей Новгорода того времени.

Иногда берестяная грамота называет имена известных из летописных рассказов лиц. Мы особо

ценим такие документы: они дают возможность подтвердить или уточнить датировку тех комплексов (культурных напластований, построек, усадеб), из которых были извлечены. Но чаще всего встречаются имена неизвестных ранее людей — бояр, ремесленников, дворовой челяди, простых горожан и крестьян. Находка каждого берестяного документа всякий раз вызывает не только радость от приращения знаний отдаленного прошлого, но и сильный эмоциональный стресс от сознания некоего происходящего на наших глазах «оживления». Шестьсот или восемьсот лет тому назад жил, радовался и горевал человек, имя которого еще помнили его внуки, а правнуки вряд ли могли знать, если оно не было записано в семейные синодики. Спустя какое-то время ни одна душа на планете уже не знала о его былом существовании. И вот сегодня мы читаем написанное им или адресованное ему письмо и проникаем в его сиюминутные заботы!

Стресс оказывается еще более сильным, когда, познакомившись однажды с таким человеком после его многовекового отсутствия в памяти человечества, мы снова и снова находим адресованные ему или написанные им письма. Но сначала мне следует рассказать коротко о Троицком раскопе, где минувшим летом произошла одна из таких замечательных встреч.

Работы на этом раскопе, расположенном на Софийской стороне Новгорода поблизости от кремля (Детинца), ведутся уже 31 полевой сезон. Первоначально этот раскоп имел площадь в 320 м². С каждым годом по исчерпанию исследованного участка к нему прирезались новые, и сейчас изученная им городская территория достигла 7200 м². В границах раскопа обнаружены многоярусные мостовые трех древних неоднократно упомянутых в летописи улиц — Пробойной, Черницыной и Ярышевой. По сторонам этих улиц исследованы раскрытые полностью или частично 15 средневековых усадеб, в напластованиях которых наряду с сотнями тысяч древних предметов найдено около 400 берестяных грамот.

...

Начало работ на Троицком раскопе в 1973 году ознаменовалось находкой восьми берестяных грамот. Семь из них (№ 502—508) были обнаружены в слоях рубежа XII—XIII столетий. С грамоты № 502 началось наше долгое знакомство с двумя выдающимися людьми средневекового Новгорода. Но сначала нужно воспроизвести ее текст:

«От Мирслава к Олисьеви ко Грициноу. А тоу ти вьнидьте Гавько полоцанино. Прашаи его, кодь ти на господь витаеть. Ать ти видьло, како ти было я Ивана яль, постави и пьрьдь людьми, како ти взмолвить» (От Мирослава к Олисею Гречину. Тут вой-

дет Гавко-полочанин. Спроси у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед свидетелями, которых он назовет).

Перед нами, как это очевидно, записка, посланная одним из участников судебного разбирательства другому по делу некоего Ивана, арестованного Мирославом. Мирослав советует Олисею Гречину задать вопрос некоему жителю Полоцка Гавке, в котором можно предположить истца по этому делу. И характер судебного дела, и перспективы его исчерпания остались далеко за гранью этого текста. Единственное, что проявилось достаточно быстро, — должностное положение автора и адресата записки. Оно сделалось несомненным после находки в 1982 году берестяной грамоты № 603, обнаруженной в тех же напластованиях рубежа XII—XIII столетий:

«От Смолигу къ Гречинову и к Мирославоу. Вы ведаета, оже я тяже не добыле. Тяжа ваша. Нынеча жена моя заплатила 20 гривнъ, оже есть посуилили Давыдови князю» (От Смолига к Гречину и к Мирославу. Вы знаете, что я тяжбы не выиграл. Тяжба ваша. Теперь жена моя заплатила 20 гривен, которые посулили князю Давыду)¹.

Снова судебное дело, вершителями которого оказываются те же Мирослав и Гречин.

Историки древнерусского права давно уже выяснили, что в рассматриваемое время в Новгороде существовал только «сместной» (совместный) суд князя и посадника, которому подлежали любые конфликтные — и гражданские, и уголовные — дела. Формально главой такого суда был князь, утверждавший решение суда своей свинцовой печатью и получавший за это «печатную пошлину», однако, согласно принятому еще в первой половине XII века порядку, князь не имел права «кончать суд без посадника», которому, таким образом, принадлежал не формальный, а действительный приоритет. Тем более что резиденция князя находилась в трех верстах от Новгорода на Городище, и его участие в разборе многочисленных мелких дел не было обязательным: он в «сместном» суде чаще всего бывал представлен княжеским доверенным лицом («биричем») из числа авторитетных новгородцев.

Если это так, то один из адресатов грамоты № 603 и участников переписки в грамоте № 502 был посадником, а другой — биричем. Вопрос «кто есть кто» решается просто. В конце XII века новгородским посадником был Мирошка (Мирослав) Несдинич, обладавший этой должностью с 1189 до смерти в 1204 году. Значит, в Олисею Гречине следует видеть бирича, княжеского представителя из числа знатных новгородцев.

Об Олисею Гречине нам довелось узнать очень много, поскольку в пределах Троицкого раскопа была полностью исследована принадлежавшая ему усадьба. Выяснилось, что он был сыном другого бирича — Петра (Петрока) Михалковича, действовавшего в середине XII века, и, таким образом, наследовал эту должность. Олисей был священником, а в 1193 году претендовал на должность новгородского епископа. Многочисленные адресованные ему грамоты раскрывают принадлежавший ему талант художника-иконописца (на его

усадьбе обнаружены остатки иконописной мастерской). Он также расписывал храмы фресками, о чем летопись сообщила под 1196 годом. Изучение связанных с ним материалов позволило прийти к выводу, что он был главой артели новгородских художников, создавших величайший фресковый ансамбль древней Руси в церкви Спаса Преображения на Нередице 1199 года².

Имена Мирослава и Олисея Гречина, таким образом, вырвались за пределы летописного рассказа. Их биографии пополнились сведениями берестяных грамот и многочисленных вещей, служивших им при жизни, сохранившихся в земле и ставших теперь достоянием науки. А что же Гавко-полочанин? И Иван, арестованный посадником Мирошкой Несдиничем? Стали ли известными подробности связанного с ними конфликта?

Этих подробностей довелось ждать ровно тридцать лет. Правда, еще в 1997 году в слоях последней четверти XII века на Троицком раскопе был найден обрывок берестяной грамоты, получивший номер 803. Начинался он словами: «Поклание отъ Братиле къ За(виду?)... (Мрь)тве ти Полоцкске Д(...)». Некий Братила сообщает, что в Полоцке умер какой-то человек, несохранившееся имя которого начинается на букву Д. Разумеется, никаких ассоциаций с грамотой № 502 тогда не возникло, кроме того, что автор письма Братила, подобно Гавке, каким-то образом связан с Полоцком.

И вот наступило лето 2003 года. В слоях рубежа XII—XIII столетий на Троицком раскопе, отметившем свое тридцатилетие, найдено десять берестяных документов. О трех из них надлежит рассказать подробно.

24 июня из земли была извлечена берестяная грамота № 934 — главная в сегодняшнем рассказе. Но ее прочитать и понять удобнее после ознакомления с двумя последующими находками...

25 июня была найдена берестяная грамота № 935: «У Фьдора 2. У Василя 10. У Фьдора 8. У Гавориле 4. У Сидора 4. У смьрьдо 4. У Соутимира 10. У Гюрьгева старости 10. А у Бориса 5. У Грицина 4. У Якима 29. У Григе со Радятою 30». На первый взгляд, мало интересный список то ли должников, то ли вкладчиков в какое-то общее дело. Однако привлекает внимание вторая часть документа, начинающаяся союзом «а» и включающая ряд имен, неоднократно промелькнувших в ранее найденных берестяных текстах. У Мирошки Несдинича, как об этом сообщает летопись, был сын Борис. Если в грамоте № 935 фигурирует не он, а какой-то другой Борис, то это имя встречено в грамотах № 581, 671, 819 (и, возможно, № 714, 806) Троицкого раскопа, найденных в напластованиях последней трети XII — 1-й четверти XIII века, что идентифицирует его как местного жителя. Гречин хорошо известен нам как житель исследуемого участка Новгорода. Яким — автор берестяной грамоты № 735, найденной на Троицком раскопе в слое второй половины XII века. Имя Радяты ассоциируется с Радятиной улицей, на которой расположена раскопываемая в 2003 году усадьба. Имя Радяты встречено в грамотах № 714, 719 и 806 XII века на Троицком раскопе. Многие улицы средневекового

Новгорода назывались по именам живших на них первопоселенцев. В этой связи уместно заметить, что Радятина улица в летописи впервые упоминается под 1211 (6719) годом³.

Если вторая часть документа этими именами прямо связана с той территорией, на которой уже тридцать лет ведутся раскопки, то перечень имен первой его части остается загадочным. Однако именно в этой первой части фигурирует некий «Гюргев староста», под которым возможно понимать только церковного старосту Георгиевского храма.

В Новгороде существовали три Георгиевские церкви. Одна из них расположена в Неревском конце, другая — около Торга; обе они никак не связываются с усадьбами Троицкого раскопа. Но третья, находящаяся в Юрьевом монастыре и бывшая его соборным храмом, стала в 1204 году местом почетного погребения Мирошки Несдинича. Не является ли грамота № 935 списком участников торжественного поминания умершего посадника и их вклада в этот поминальный обед? Даже если это предположение и не подтвердится, очевидно, что мы имеем дело с документом, происходящим из того же комплекса, что и другие грамоты, упоминающие Мирослава и Олисея Гречина.

2 июля была найдена фрагментированная грамота № 936 — начало письма:

«Отъ Ивана къ Мирошке же. То п(ерво)... вицахъ. А тое моне Лоуке...». Несмотря на отвратительную сохранность текста имеются основания догадаться, что автором письма, адресованного снова к посаднику Мирошке («къ Мирошке же»), является тот самый Иван, который фигурирует в грамоте № 502 как арестованный посадником. Основанием идентификации оказывается упоминание Луки. Человек, носящий такое имя и связанный с Мирошкой, упомянут в летописи под 1200 годом в рассказе о сражении новгородцев с литовцами. Среди погибших в этом сражении назван Лука «Мирошкинъ отрок»⁴. «Отроком» в средневековом Новгороде называли судебного исполнителя. Само присутствие Луки в цитированном тексте связывает автора этого текста Ивана с неким судебным делом.

Следует заметить, что в том же сражении погиб еще один человек из числа известных нам жителей Людина конца — того его участка, на котором тридцать лет ведутся раскопки. Имеется в виду «Страшко серебреник весец»⁵. В найденной в 1997 году грамоте № 780 (небольшом обрывке) упомянуты «графья» (т.е. абрис будущей фресковой или иконной композиции) и имена мастеров, среди которых фигурирует Страшко. Как показали раскопки усадьбы Олисея Гречина, в его иконописной мастерской работали не только живописцы, но и мастера по производству серебряных иконных окладов.

Зная подробности показаний грамоты № 936, мы можем вернуться к находке 24 июня. Вот текст берестяной грамоты № 934:

«+От Дьмашеке къ Братиле. Иди око стоя во гьродь. Выправили ти есмь сыно съ Гавошею» (От Домашки к Братиле. Иди в город немедленно. Я уладил [дело] сына с Гавшей).

Два персонажа этой грамоты нам уже хорошо

известны. Гавша — уменьшительное от Гавриила, Гаврилы — другой вариант такого же уменьшительного Гавка. Братила, как и Гавка (Гавша) — человек, каким-то образом связанный с Полоцком. Кто же названный здесь же «сын»? Очевидно, что он сын связанного с Полоцком Братилы. Логично отождествить его с Иваном, который выступает ответчиком по делу, возбужденному Гавкой, и вынужден писать посаднику Мирошке, ссылаясь на его судебного исполнителя Луку.

В этой связи любопытно будет выяснить положение автора грамоты № 934 Домашка. Почему этот человек имел возможность уладить конфликтное дело, рассматривавшееся в сместном суде князя и посадника? Его имя встретилось в грамоте № 657, найденной на Троицком раскопе в 1985 году в слоях второй половины XII в., и в грамоте № 926, найденной там же в 2002 году в слоях второй половины XII — начала XIII столетия. Наиболее значительна грамота № 657:

«+Покланяние от Пелаге ка Афимие. Съ святое дльа Варьвре вьверице твое въ городъ от Домацка, а оу Жирослава соуть. А потоснися въ городъ. А святое Варьварь тылица сторува ли» (Поклон от Пелаге Офимье. Вот, деньги твои от Домачка для монастыря святой Варвары в городе, а лежат у Жирослава. Поспеши же в город. А телка святой Варвары здорова ли?)⁶.

Монастырь святой Варвары находился в ближайшем соседстве с территорией, исследованной Троицким раскопом. Пелага (Пелагея) и Афимия (Офимья) — монахини, одна из которых (Пелагея) находится не в городе (Новгороде). Однако ей известно, у кого хранятся деньги, полученные от Домачка (Домашка) для Варварина монастыря. Очевидно, что Домашко был богатым и авторитетным человеком, к мнению которого могли уважительно прислушаться даже главные судьи Новгорода.

Домашко — уменьшительное от Домаслав, Доманег или Домажир. В слоях конца XII века на Троицком раскопе в 1989 году была найдена грамота № 705, написанная Домажиrom⁷, а в 1991 году грамота № 726, адресованная Домажиру⁸. Однако на Троицком раскопе во второй половине XII века в грамотах встречены имена и Домаслава, и Доманега, и Домана, и любой из них мог бы быть Домашкой, а не только Домажиром.

Так спустя тридцать лет мы узнали о благополучном завершении столь давнего судебного процесса.

Примечания

¹ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 66—67.
² Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
³ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 52, 250; Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок

1962—1976 гг.). М., 1978. С. 96—99.

⁴ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. С. 45, 239.

⁵ Там же.

⁶ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 50—51.

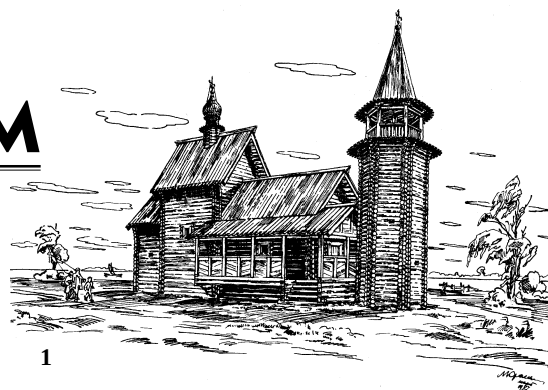
⁷ Там же. С. 95—98.

⁸ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000. С. 26—27.

Людмила ФИЛИПОВА

УТРАЧЕННЫЙ ХРАМ

«А в вопчем погосте
на великого князя половине,
что бывала владычня церковь
Велики Никола...»

1

На северо-восточном побережье озера Ильмень исстари стоит деревня Наволок. Она расположена близ устья реки Ниши на самом конце вытянутого мыса, образованного заливами-озерками, носящими названия Нильское и Ямно.

Первое упоминание о Наволоках встречается в писцовой книге Деревской пятины около 1495 года. Тогда это был Наволоцкий («Наволоцкий») погост (административно-торговый и религиозный центр), объединявший около шести десятков небольших в два-четыре двора деревень. В самом погосте насчитывалось 10 дворов и стояла деревянная церковь «Велики Никола». В это время большая часть селений Наволоцкого погоста принадлежала великому московскому князю, а до присоединения Новгорода к Московскому государству (1478) ими владел новгородский владыка.

Из письменных источников известно, что в 1624 году, в царствование Михаила Федоровича Романова в Наволоках был срублен новый Никольский храм, сменивший древнейшую церковь. Это время — 1620-е годы — самый начальный период восстановления разрушенного хозяйства Деревской пятины во время шведской оккупации 1611–1617 и польской интервенции. Район Приильмения, расположенный между реками Мстой и Ловатью, куда входил и Наволоцкий погост, также находился в разоренном состоянии, так как был «воеван» шведами. Согласно

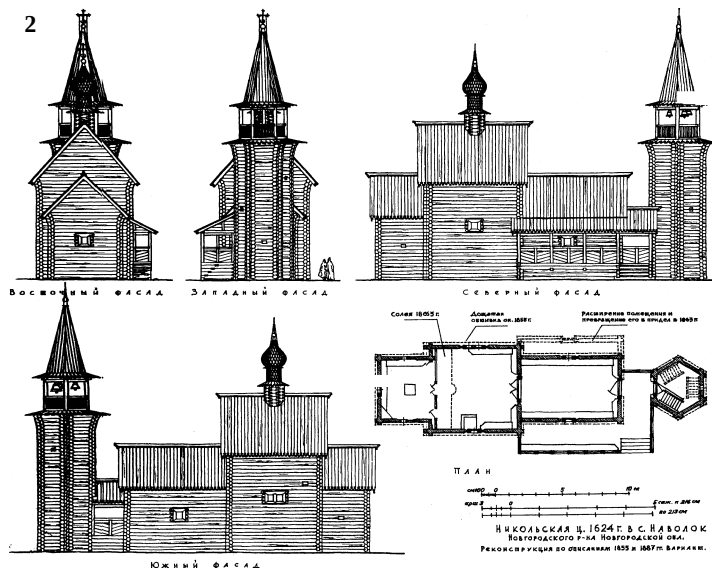
письменным сведениям, Никольский храм 1624 года сооружен на средства прихожан, а по народному преданию, которое тоже зафиксировано в документах, на средства помещика Арестова.

Интересно отметить, что Наволоцкий погост относился к тем редким населенным пунктам, которые оказались запечатленными на рисунках иностранных путешественников. В 1662 году в Наволоках останавливался австрийский посол Августин Мейерберг, проезжавший по водному пути в Великий Новгород, и в его альбоме в числе других селений есть изображение этого погоста. На рисунке, который выполнен условно, видно небольшое село, где среди рубленых домов возвышается купол церкви. Под рисунком следующая подпись: «Nawolusen ein Dorf in Rußland dem Großdürften in Moskau gehor er liegt am Illmen See funfmeilen von Großnaigarten» («Деревня Наволоки, которая принадлежит Великому Московскому князю и располагается на Ильмень озере в пяти милях от Великого Новгорода»).

И вот этот храм Николая Чудотворца 1624 года, изображенный на рисунке XVII века, еще сравнительно недавно стоял на краю деревни Наволок. Об этом стало известно летом 1980 года, когда сотрудники Новгородской специальной научно-реставрационной производственной мастерской — архитектор Т.С. Даценко (Силаева) и автор этих строк научный сотрудник Л.А. Филиппова, проводили обследование деревень северо-восточного Приильмения с целью выявления памятников народного деревянного зодчества.

Тогда старожилы деревни Наволок сообщили нам, что у них раньше стояла деревянная церковь Николая Чудотворца, которой было «триста лет», и что совсем недавно, где-то в начале 1970-х ее раскатали на дрова. И еще нам рассказали, что в предвоенные годы в церкви была устроена школа. Было показано и место, где стоял этот деревянный храм. Тогда там были еще видны остатки нижних венцов постройки, так как церковь поставлена (как это делалось зачастую в древности) прямо на землю («на подошву»).

Почему же так случилось, что древний памятник народного деревянного зодчества, находившийся столь близко от Новгорода, оказался вне поля зрения специалистов и

был утрачен уже в наше время?

Причина этого обстоятельства заключается в том, что Наволоцкий храм, как и большинство древнерусских памятников, претерпел такие перестройки, что они скрыли его первоначальный облик, и он, приобретя обычный стандартный вид, стал неузнаваемым. По

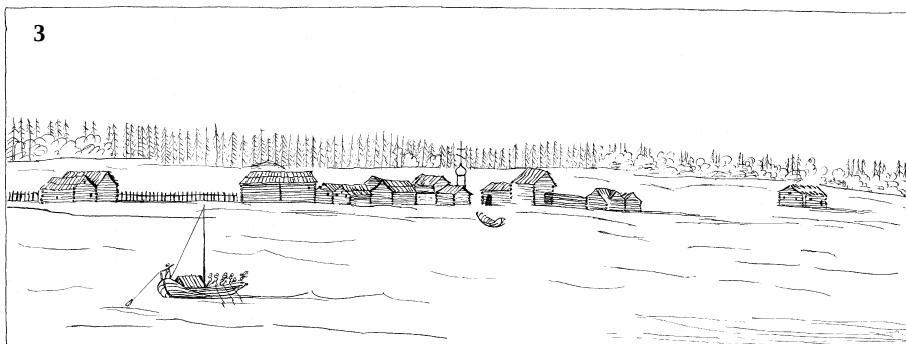
указу, изданному в 1826 году правительством Николая I, «О правилах на будущее время для строений церквей» постройка и починка храмов с того времени могла производиться только по проектам, составленным «согласно с правилами архитектуры» под надзором губернской администрации и консистории, и это было, фактически, началом конца народного деревянного зодчества. Этим указом в корне уничтожался самобытный творческий дух народной архитектуры. Особенно активно «обновление» древних церквей стало производиться с середины XIX века. Наволоцкий деревянный храм не избежал этой участи.

Судя по документам, обнаруженным в отделе письменных источников Новгородского музея и в архиве Института истории материальной культуры Российской академии наук, Никольский храм в XIX веке перестраивался дважды. Первый раз это произошло в середине XIX столетия, до 1855 года. Тогда бревенчатые стены обшили тесом. В 1863 году постройка претерпела более значительные изменения: на месте паперти устроили теплый придел большего размера, убрали галерею, переделали древние косячатые и волоковые окна, заменили покрытие...

Никольская церковь, несомненно, еще более изменила свой облик, когда в советское время ее приспособляли под школу.

Имея описание храма в XIX веке и зная о характере его перестройки, хотелось представить, как же он выглядел первоначально. В 1987 году, когда готовился материал для книги «По Приильменью», я обратилась к Леониду Егоровичу Красноречеву, опытнейшему архитектору-реставратору, одному из лучших знатоков народного деревянного зодчества, с просьбой сделать для будущей книги рисунок-реконструкцию Никольского храма. Л.Е. Красноречев, который к любому делу относился ответственно и выполнял его творчески, тщательно изучил архивные материалы по Никольской церкви, проанализировал указанные в них размеры и, используя свой огромный опыт реставрации деревянных храмов, сделал не только рисунок, но и пять чертежей реконструкции церкви: план и четыре фасада. Рисунок в качестве иллюстрации по истории Наволоцкого погоста был помещен в книгу «По Приильменью», изданную Лениздатом в 1991, а чертежи публикуются впервые.

Судя по реконструкции, Никольская церковь была типичной клетской постройкой с повышенным главным срубом, с прямоугольным алтарем и трапезной. К трапезной с севера и с запада примыкала откры-

тая галерея, которая соединяла церковь с высокой шестигранной колокольней, завершающейся шатром. Стены храма прорезали косячатые и волоковые окна.

Подобные клетские церкви возводили на Руси с древних времен, и они были распространены повсеместно. Обычно народные мастера, строя храмы, ориентировались на известные образцы, но в то же время, они учитывали пожелания заказчиков, особенности местности, внося в строение какие-то свои изменения, свои представления о красоте.

Поэтому, несмотря на общую объемно-планировочную композицию клетских церквей, каждая из них была по-своему неповторима. Неповторим по своим художественным качествам был и Наволоцкий храм. Поэтому графическая реконструкция Л.Е. Красноречева восполняет еще одну страницу истории народного деревянного зодчества. Кроме того, сами чертежи и рисунок, выполненные рукой талантливого архитектора-реставратора, являются собой образец высокого мастерства.

Иллюстрации:

1. Никольская церковь в селе Наволок Новгородского района Новгородской области. Рисунок Л.Е. Красноречева, реконструкция по архивным источникам на 1624 год.
2. Фотографии чертежей Никольской церкви в селе Наволок по архивным данным на 1624 год. Автор Л.Е. Красноречев.
3. Деревня Наволоки. Рисунок австрийского посла Мейерберга. 1662 год.

Библиография

Отдел письменных источников Новгородского музея (ОПИ НГМ) №10463. Историко-статистическое описание церкви, состоящей в Новгородской епархии Крестецкого уезда в Наволоцком погосте. 1856. Архив Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН), ф. 67, №5. 1919. Выписка из метрики Николаевской церкви села Наволока Крестецкого уезда. 1887 год (архивный материал любезно предоставлен Л.А. Секретарь). Архив УГК ОИПИК № Р-1646 Л.А. Филиппова. Отчет по обследованию села Наволок, деревень Чавницы и Войцы Нов-

городского района (бывшего Наволоцкого погоста Крестецкого уезда) 1982 год. Новгородские писцовые книги. Т. II. Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495. Вторая половина. СПб., 1862. С. 447–464. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века (1661–1662 гг.). Издание А.С. Суворина. 1903. С. 7, рис. 19. Дяктерев А.Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки исторического сельского расселения. Л. 1980. С. 74. Секретарь Л.А., Филиппова Л.А. По Приильменью. Путеводитель. 1991. С. 196–197.

Людмила СЕКРЕТАРЬ

«ВЫСОЧАЙШИЕ РЕСКРИПТЫ» МИТРОПОЛИТУ ГАВРИИЛУ

В отделе письменных источников Новгородского музея хранятся переплетенные в отдельный том письма и указы, адресованные известному церковному иерарху XVIII столетия Гавриилу Петрову. Ценность их в том, что написаны они собственноручно или продиктованы такими государственными деятелями как Екатерина II, Павел I, а также приближенными к ним лицами: князем Григорием Потемкиным, графом Григорием Орловым, Платоном Zubовым, второй женой Павла I Марией Федоровной, статс-секретарем Екатерины II Григорием Тепловым и другими.

Интересна коллекция подлинных автографов исторических персонажей XVIII века.

В документах отражены основные вехи служебной карьеры влиятельного церковного деятеля, его отношения с императрицей, государственной элитой времени ее правления и нескольких лет царствования Павла I¹.

Незаурядная личность Гавриила Петрова привлекала внимание церковных историков дореволюционного периода. Для выпускника Новгородской духовной семинарии Антония Знаменского, достигшего высокого сана архиепископа Ярославского и Ростовского, Гавриил Петров, постоянно покровительствовавший ему, был образцом просвещенного духовного деятеля. Антоний собирал документальные материалы о нем и написал биографический очерк, который хранился в Новгородской семинарии. Рукописи его использовал архимандрит Макарий при написании «Сказания о жизни и трудах Преосвященнейшего Гавриила, митрополита Новгородского и С.-Петербургского»². Биографические сведения о Гаврииле содержатся также в труде К.Я. Здравомыслова «Иерархи Новгородской епархии», работе В. Смирнова «История новгородской духовной семинарии», опубликованной в Новгородских епархиальных ведомостях, и в энциклопедических словарях, самым ранним из которых является Словарь духовных писателей, составленный в начале XIX века, т. е. вскоре после смерти иерарха, Евгением Болховитиновым³. Боль-

шое внимание уделил Гавриилу автор «Истории Российской Академии» М.И. Сухомлинов⁴.

В памяти современников и последующих поколений Гавриил остался человеком достойным всяческих похвал и уважения. По натуре своей он был молчаливым, покладистым, склонным к аскетизму.

Один из просвещеннейших деятелей XVIII века Н.И. Новиков так оценивал деятельность Гавриила: «Муж высокого ума, острого понятия, здравого рассуждения и великого просвещения, искусный в некоторых европейских языках и совершенный в своем природном, отличный в богословии, философии и красноречии»⁵.

М.И. Сухомлинов отмечал положительные человеческие качества Гавриила и его талант государственного деятеля: «И современники, и последующие поколения с большим сочувствием относятся к этому духовному писателю, соединявшему образованность с прямою характером и обширным государственным умом»⁶.

Известный писатель А.П. Сумароков считал Гавриила Петрова одним из достойнейших представителей российского общества XVIII века: «То только скажу я о нем, что красота плавного и важного его склада приносят ему пред всем преосвященным светом достойную любезного имени его похвалу, и что будет он всегда честию нашего века и в потомстве»⁷.

Ум и образованность Гавриила ценила Екатерина II. После одной из бесед, вскоре после знакомства, она отзывалась о нем следующим образом: «Муж острый и резонабельный»⁸ (разумный — Л.С.).

Когда Гавриил исполнял должность тверского епископа, императрица совершала путешествие по Волге и останавливалась в архиерейском доме в Твери. Во время путешествия Екатерина с ближайшим окружением — графом Андреем Шуваловым, Григорием и Владимиром Орловыми, графом И.Г. Чернышовым и другими — на досуге занималась переводом книги французского автора Мормонтеля «Велисарий» и посвятила его

Митрополит Гавриил Петров

Гавриилу. Текст посвящения составил граф Шувалов⁹.

Гавриил (в миру Петр Петрович Шаповалов) родился в 1730 году в Москве в семье священника. 12 лет — с 1741 по 1753 — обучался в славяно-греко-латинской академии. После ее окончания, с 1754 по 1788 год, трудился справщиком (корректором — **Л.С.**) в одной из московских типографий. После того, как в 1758 году Петр Петров принял монашество, а через неделю архиепископ Новгородский и С.-Петербургский Дмитрий Сеченов на Карповском подворье в Петербурге посвятил его в иеромонахи, началось быстрое продвижение по служебной лестнице¹⁰.

Его определили ректором духовной семинарии при Троице-Сергиевой лавре и наместником лавры. Вскоре, в 1761 году, Гавриила перевели ректором и учителем богословия в Московскую славяно-греко-латинскую академию. Одновременно он являлся и архимандритом Заиконоспасского монастыря, в котором размещалась академия¹¹.

В октябре 1763 года последовал указ Екатерины II о переводе архимандрита Гавриила епископом в Тверскую епархию на место Иннокентия¹². Обряд рукоположения в епископы в декабре того же года совершил митрополит Дмитрий Сеченов в С.-Петербургском Петропавловском соборе¹³.

20 февраля 1766 года Екатерина II отправила тверскому епископу письмо с предложением заняться реформированием духовных училищ. Подлинник письма сохранился: «Преосвященный владыко! Мы Вам чрез сие рекомендуем потрудиться обще с Преосвященным и вселюбезнейшаго нашего сына учителем Платоном (Левшиным — митрополитом московским, блестящим оратором, проповедником, известным деятелем — **Л.С.**) об учреждении полезнейших духовных училищ в епархиях...»¹⁴

Проект, составленный Комиссией о духовных училищах, понравился Екатерине II. Он преследовал цель — поднятие образовательного и нравственного уровня духовенства. Позднее, с 1775 года, для подготовки учащихся в семинарии, по инициативе Гавриила, в отдельных городах учреждаются специальные русские школы, в которых учили читать, писать и петь. Ученики, успешно закончившие их, поступали в семинарии. Русские школы открылись в Тихвине, Валдае, Старой Руссе и Боровичах. Такая школа появилась и при новгородской семинарии. Некоторых учащихся Гавриил взял на свое содержание. Русские школы просуществовали недолго — до 1785 года, когда их заменили народные училища — начальные учебные заведения¹⁵.

В 1769 году императрица назначила Гавриила членом Правительствующего Синода, а в 1770 году пожаловала бриллиантовую панагию, собранную из собственной звезды ордена Андрея Первозванного¹⁶. В 1770 году Гавриил получил новое назначение — архиепископом С.-Петербургским и Ревельским, а в 1774 году (по другим источникам в 1775) в его управление перешла и Новгородская епархия¹⁷.

В письме от 18 ноября 1774 года Екатерина

II поручила владыке Гавриилу «отныне навсегда главную дирекцию строения сего (Александрово-Невской лавры — **Л.С.**) и с находящеюся для производства онаго канторою...»¹⁸ Очень много сил отдал Гавриил строительству и благоустройству Александрово-Невской лавры и духовной семинарии, переведенной сюда в 1775 году. Он руководил сооружением Троицкого собора по проекту знаменитого зодчего Ивана Старова. Для семинарии был отстроен новый каменный флигель.

Оценив заслуги Гавриила по устройству лавры, Екатерина II повелела известному скульптору М.И. Козловскому исполнить мраморный погрудный бюст Гавриила и установить его в нише Троицкого собора напротив раки с мощами св. Александра Невского, перенесенными в новый храм¹⁹.

Лаконичную подпись под мраморным бюстом сочинила сама императрица, отклонив предложенные к рассмотрению тексты, в том числе Г.Р. Державина. Державин написал «пространный» стих:

Когда невидимо на брань незапну с шведом
С перуном Александр ходил к ним
в помощь с небом,

Тогда наставник душ — смиренный Гавриил,
Екатерининской щедротой храм построя,
В нем Богу мира сень возвысил, освятил,
И умолил почить святого в нем героя
Из первого жилища своего.

Страшись, Российский враг, не разбуди его.
Императрица написала просто, без затей: «Во имя святых живоначальных Троицы трудами преосвященного митрополита Гавриила Новгородского и С.-Петербургского, сей храм заложен в 30 день августа 1778 года, создан и освящен в 30 день августа 1790 года, в присутствии благочестивой Императрицы Екатерины II»²⁰.

Гавриилу Петрову принадлежала идея учредить в Александрово-Невской лавре главную духовную семинарию. 10 мая 1788 года Екатерина II издала указ об объединении Новгородской и С.-Петербургской семинарий в единое учебное заведение. В Новгороде были оставлены начальные классы, старшие — риторики, богословия и философии — переведены в С.-Петербург. Хотя статус новгородской семинарии был понижен, уровень обучения в целом повысился. Введена система публичных диспутов, расширен круг изучаемых предметов: введены высшее красноречие, физика, естественная история, логика, география. Таким образом, усилилась светская направленность в обучении. В новгородской семинарии Гавриил ввел преподавание живописи. Для этой цели в 1787 году он заключил договор с оставковским купцом Мануилом Учиным²¹. В новгородской семинарии Гавриил завел приходно-расходные книги, как это было принято в монастырях.

Первым ректором объединенной семинарии, преобразованной в 1797 году в академию, стал выпускник Новгородской и Александрово-Невской семинарий Антоний Знаменский²².

Большей частью Гавриил жил в Петербурге, бывая в Новгороде наездами. Тем не менее, за 25-летний период управления новгородской епархией, он успел сделать многое. При нем велось большое строительство: отремонтирован Софийский собор, реконструированы архиерейские покои, по проекту московского архитектора П.Р. Никитина, выстроены дома для священников Софийского собора в Детинце. В Антониеве монастыре был осуществлен комплекс ремонтных работ в соборе Рождества Богородицы, и сооружена каменная ограда. На ограду деньги пожертвовала Екатерина II, которая в 1780 году посетила Новгород и семинарию²³. На содержание семинарии ею было подарено 500 руб. Строительные работы велись при Гаврииле и в других монастырях: Кириллове, Хутынском, Савво-Вишерском²⁴.

Гавриил заботился об устройении в монастыре общежития и сам написал уставы для Иверского, Тихвинского, Вязицкого, Отенского и других обителей²⁵. По его указам были устроены новые раки для мощей св. Моисея в Сквородском монастыре, св. Феоктиста в Юрьеве монастыре. Мощи св. Арсения новгородского перенесены из Арсеньева монастыря в Кириллов²⁶.

Его заботам обязаны потомки сохранением многих рукописных книг, которые Гавриил приказал собрать в Новгородской епархии и поместить в Софийском соборе, понимая их ценность и необходимость спасения. Хранившийся в Софийском соборе Чиновник XVII века Гавриил указал переписать для собственного пользования²⁷. По благословению владыки была открыта и спасена древняя живопись (XII век) в Георгиевской церкви Старой Ладogi²⁸.

Будучи человеком образованным в широком смысле этого слова, Гавриил пытался ввести в практику семинарского обучения широкий круг предметов светского содержания. Он знал толк в книгах, о чем свидетельствует перечень литературы, купленной по его заказу для новгородской семинарии. Это азбуки: российская, итальянская, греческая; словари: Лексикон немецкий с латинским Вейсмана, изданный в 1782 году, Ботанический подробный словарь или травник, сочиненный Андреем Мейером, изданный в 1781—1783 годах; исторические сочинения: «История российская» Михаила Щербатова в 4-х томах, напечатанная в Петербурге в 1781 году; географические атласы; литературные произведения М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова и других российских авторов²⁹.

В 1776 году Академия наук избрала Гавриила почетным членом, а в 1783 году при основании Российской академии он стал «первенствующим» членом ее, замещая на заседаниях при отсутствии председателя президента Академии Е.Р. Дашкову³⁰. Совместно с известными учеными и литераторами митрополит участвовал в составлении многотомного словаря Российской Академии. В 1786 году за академическую деятельность он был награжден золотой медалью³¹.

Много времени у владыки занимало постоянное присутствие в Правительствующем Синоде, где он участвовал в деятельности дирекционной (законодательной) Комиссии. В разработке законов, уложений Гавриил проявил государственный ум, глубокое знание социальных проблем. Прославился он в свое время и как глубокий знаток русского языка, хороший стилист, умевший грамотно излагать свои мысли. Как подметил Сумароков, ему больше удавались «философические диссертации», нежели «фигуры риторические» — т. е. письменное изложение, а не ораторское искусство. Гавриил писал панегирики, поучительные слова. Приведем текст из его сочинения, в котором проявилось сочувственное отношение к людям, чьим уделом был тяжкий труд.

«...Представим себе сто или тысячу человек, которых счастье, имение, словом сказать, все решит одна карта, или которые, изливая пот чрез все течение года, должны ожидать, чтоб сей труд оценен был частию минуты. Боже праведный, сие ли есть цена добродетели и трудов?»³²

Гавриил представил на рассмотрение Синода доклад, в котором предложил освободить священников от телесного наказания³³.

После смерти Екатерины II отношения Гавриила с ее наследником Павлом I складывались сложно. Вопреки желанию митрополита, в соответствии с его рангом, пришлось совершать обряд коронации вместе с Платоном Левшиним и Амвросием Подобедовым, к которому был расположен новый император³⁴. Придя к власти, Павел I осыпал Гавриила своими милостями. Сохранился Указ императора о пожаловании митрополиту командорства вместе с земельными владениями в Бутковском, Дремянском и Щирском погостах Лужского уезда³⁵. Павел наградил Гавриила орденами Андрея Первозванного и Александра Невского. А вот мальтийский орден из его рук митрополит не принял. В 1799 году он отбыл в Новгород в качестве митрополита Новгородского и Олонцкого, отказавшись от управления С.-Петербургской епархией³⁶. Большинство исследователей высказывали на этом основании мысль о том, что Павел I не любил Гавриила, который в конце своей служебной карьеры оказался в опале. Из сохранившихся писем и указов Павла I представляется, что инициатива отъезда из Петербурга, а значит и отказа от важных государственных дел, исходила от Гавриила, которому, скорее всего, была не приемлема политика императора на сближение католицизма и православия, почему он и отказался от мальтийского ордена. Во всяком случае, Павел I написал Гавриилу в феврале 1798, что он с сожалением принимает его прошение об отпуске в Новгород³⁷.

Здоровье владыки было к тому времени подорвано, о чем свидетельствует его прошение Екатерины II отпустить в Новгород для «поправления» здоровья еще в 1796 году³⁸.

Приехав в Новгород в 1799 году, Гавриил решил вернуть новгородской семинарии прежний

статус, но завершить это дело ему не удалось.

Все годы пребывания в Новгороде верным помощником ему был викарный епископ Антоний Знаменский³⁹.

В 1800 году владыка получил отставку, а 26 января 1801 года скончался. Похоронили его в

Иоанно-Предтеченском приделе Софийского собора. Доход от имений, доставшихся в 1797 году, и деньги в сумме 2138 рублей владыка завещал Александро-Невской и Новгородской семинариям. Часть вещей и денег по его желанию пожертвовали храмам и нуждающимся⁴⁰.

Примечания

¹ ОПИ НГОМЗ. КП. № 34844-19 (инв. № 11311).

² Макарий, архим. Сказание о жизни и трудах Преподобнейшего Гавриила, митрополита Новгородского и С.-Петербургского. СПб., 1857.

³ Здравомыслов К.Я. Заботы новгородских владык о семинарии в 1745—1806 гг. и созданные ими семинарии. Новгород, 1877. С. 105—127; Смирнов В. История Новгородской духовной семинарии // Новгородские епархиальные ведомости. 1897. № 21. С. 1898. № 24. С. 1677—1684; 1346—1355; № 22. С. 1426—1432; Митрополит Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русский церкви. М., 1995 (переиздание). С. 59—61.

⁴ Сухомлинов М.И. Исто-

рия Российской Академии // Сб. ОРЯС АН (Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук). Т. 11. Вып. 1. СПб., 1874. С. 58—137.

⁵ Русский биографический словарь. Изд. Имп. рус. Истор. Общества. М., 1914. С. 45.

⁶ Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 58.

⁷ Там же. С. 101—102.

⁸ Макарий, архим. Указ. соч. С. 26.

⁹ Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 117—118.

¹⁰ Макарий, архим. Указ. соч. С. 8—10.

¹¹ Там же. С. 11—14.

¹² ОПИ НГОМЗ. КП. № 34844-19. Л. 5—5об.

¹³ Макарий, архим. Указ. соч. С. 20.

¹⁴ ОПИ НГОМЗ. КП. № 34844-19. Л. 7.

¹⁵ Смирнов В. История Новгородской духовной се-

минарии // НЕВ. 1897. № 21. С. 1350—1352; Макарий, архим. Указ. соч. С. 40.

¹⁶ Макарий, архим. Указ. соч. С. 32—33.

¹⁷ Там же. С. 37, 46.

¹⁸ ОПИ НГОМЗ. КП. № 34844-19. Л. 13.

¹⁹ Макарий, архим. Указ. соч. С. 39—40, 60.

²⁰ Там же. Приложения. С. 61, 134.

²¹ Смирнов В. Указ. соч. 1897. № 21. С. 1355.

²² Там же. С. 1429.

²³ Смирнов В. История Новгородской духовной семинарии // НЕВ. 1898. № 24. С. 1682—1683; ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1615. 1779. Смета на ремонт главы на храме Рождества Богородицы в Новгородском Антониево-римском монастыре.

²⁴ ОПИ НГОМЗ. инв. № 11834. Л. 7—8; инв. № 11850. Л. 1об—2; инв. № 12087. Л. 229.

²⁵ Макарий, архим. Указ. соч. С. 69.

²⁶ Там же. С. 71; Амвросий. История Российской иерархии. Т. 3. М., 1813. С. 298.

²⁷ Макарий, архим. Указ. соч. С. 47.

²⁸ Там же. С. 81.

²⁹ ГАНО. Ф. 384. Оп. 1. Д. 2. Л. 281об—305.

³⁰ Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 58, 125.

³¹ Там же. С. 127, 135.

³² Там же. С. 78—79, 95, 101—102.

³³ Там же. С. 93.

³⁴ Макарий, архим. Указ. соч. С. 99.

³⁵ ОПИ НГОМЗ. КП. № 34844-19. Л. 41—42.

³⁶ Там же. Л. 55.

³⁷ Там же. Л. 54.

³⁸ Там же. Л. 40.

³⁹ Здравомыслов К.Я. Указ. соч. С. 112.

⁴⁰ Макарий, архим. Указ. соч. С. 114—117.

Татьяна ДАНЬКО

ТРАКТИРЫ НОВГОРОДА

Питейные заведения Новгорода всегда приносили значительный доход в городскую казну. Так было до и после 1861 года, когда принято единое Положение о трактирном промысле для всех городов Российской империи. В 1870—1880-х годах цифра поступлений сборов в доход города с питейных домов составляла от 13 до 17 процентов. Вопрос об открытии новых питейных заведений и месте их расположения решался при этом достаточно просто: желающие предоставляли аттестаты о своем поведении и неподсудности: купцы и мещане от городских голов, цеховые от ремесленных, крестьяне от своего начальства, а разночинцы от полицейских управлений.

Однако в 1875 году городская управа всерьез озаботилась «нравственным состоянием питейных заведений» и их численностью. В списке лиц, получивших патент на владение питейными домами, представленном в управу Акцизным управлением, насчитывалось 67 фамилий. Только на Торговой стороне города действовали 33 трактира различных категорий и разрядов, таким образом, на одной улице насчитывалось по три—четыре трактира. Гласные думы подсчитали, что на каждые 250 душ всякого возраста приходилось по одному питейному заведению. Такое число мест «раздробительной продажи» крепких напитков явно превышало действительную потребность в них и к тому же «служило к распространению пьянства, буйств и всевозможных видов разврата». Кроме того, наибольшая часть питейных домов размещалась «в грязных, неприличных и даже опасных для жительства домишках, которые по своему наружному и внутреннему устройству нисколько не соответствовали правилам и по своему безобразию крайне неблагоприятно влияли на посетителей, изображая собою не заведение для торговли, как бы желательно было нанимать их, а в полном смысле и значении «кабак».

Поэтому специальная думская комиссия занялась определением мест для питейных домов и их количеством. Все новгородцы, в том числе и те горожане, которые собирались арендовать помещения под размещения трактиров в 1876 году, были оповещены публично.

Борис Кустодиев. Московский трактир. 1919 год

Такое решение городской думы и неоднозначное толкование статей Устава о питейных заведениях, в частности об определении их числа в городе, привели к тому, что Новгород был буквально наводнен слухами о дальнейшей «судьбе» новгородских питейных домов. Особое волнение выказывало Новгородское акцизное управление, поскольку сокращение численности трактиров «влияло на ход акцизного дела» и было «сопряжено с ущербом казенного интереса». Писали прошения-жалобы почти все владельцы питейных домов, которые предчувствовали крах своего доходного промысла.

Страсти накалялись, и в октябре 1875 года первый Округ акцизного управления, ссылаясь на циркулярное предписание министра финансов, уведомлял городскую управу, что «патенты на раздробительную торговлю питей» в Новгороде ни по каким разрешениям управы выдаваться не будут до тех пор, пока постановление городской думы о сокращении питейных домов в Новгороде, не будет официально отменено.

Прецеденты подобного рода — конфликт между местными акцизными управлениями и городской властью — имели место и в других городах империи. Губернаторы не могли своей властью снять разногласия. Поэтому разрешалось дело в Правительствующем Сенате.

В октябре 1875 года департамент исполнительной полиции МВД направил циркуляр начальникам губерний следующего содержания:

«...Правительствующим Сенатом безусловно признано за Городскими Общественными Управлениями право:

1) определять в черте города местности, где питейная раздробительная продажа совершенно не может быть допущена

2) ограничивать число питейных заведений

3) разрешать питейную торговлю на землях принадлежащих собственно городу и отказывать в разрешении частным лицам производить подобную торговлю на местах, составляющих их личную собственность.

В последнем случае, плата в пользу города должна взиматься только за пользование местом или помещением, принадлежащем городу и уступленном частному лицу, но отнюдь не за право производства во взятых от города помещениях питейной торговли»¹.

По Высочайше утвержденному в январе 1876 года мнению Государственного Совета только городская дума получала право рассчитывать необходимое для города число и места расположения питейных домов, руководствуясь при этом соображениями общественного благоустройства и попечением о народной нравственности.

Однако главный противник таких перемен, управляющий Новгородским уездным акцизным правлением статский советник Михаил Александрович Языков категорически настаивал на пересмотре всех решений и постановлений думы за 1875 год по «питейному» вопросу.

Кроме того, в канцелярию новгородского губернатора Лерхе каждый день поступали многочисленные жалобы бывших содержателей питейных домов. Поэтому на 16 марта 1876 года Эдуард Васильевич назначил заседание губернского по городским делам присутствия для того, чтобы расставить все точки над «і». Городская дума, равно как и глава акцизного управления, отстаивали свои права решительно. О серьезных разбирательствах, разгоревшихся в заседании присутствия, можно судить по письму М.А. Языкова от 19 марта 1876 года, адресованному губернатору:

«Уважаемый Эдуард Васильевич!

...считаю обязанностью подтверждение того протеста, который был прочитан в заседании присутствия.

Порядок выдачи разрешения на открытие заведений действительно Законом прямо не установлен (что служит поводом к спору между сторонами), но он указывает нравственные границы, из пределов которых Городские Управления не должны выходить.

В новом законе от 1 января 1876 года и в 3 примечании 310 статьи указывается на возможность со стороны думы посредством составления расписаний и выдачи разрешений на питейные заведения, достигать косвенных целей во вред, как казны, так и частных лиц. Поэтому, для сохранения силы нового закона и по долгу справедливости, Дума обязана избрать такой способ

к дозволению открытия питейных заведений, который не нарушал бы прав частных лиц, и в тоже время, не представлял бы окольных путей для обхода Закона, в подрыв казенного дохода.

Если Дума желает провести дело чисто, честно, гласно и открыто, то она и должна избрать один из таких способов, как, например, жеребьевкой. Между тем, раздача заведений лицам ею заранее избранным, есть дело с одной стороны обидное для большинства самих граждан, а с другой ведет к невольному подозрению относительно чистоты действий Думы. Акцизное управление жалобами частных лиц и ответственностью за допущение монополии в питейной торговле, поставлено было в необходимость представить Присутствию со своей стороны со всей откровенностью свои взгляды и заключения.

Без сомнения Ваше Превосходительство, по врожденному Вам чувству справедливости, не пожелает одобрить такого действия как, например, предоставление питейных заведений гласным и устранения от этой торговли людей бедных, для которых она составляет, быть может, единственный способ к существованию. Без сомнения так же Вам не может не показаться странным, что те гласные, которые так сильно вопиют против открытия кабаков, называя их вертепами всякого безобразия и зла, те же самые гласные настойчиво домогаются быть содержателями этих вертепов. Кроме того, в списках являются отчасти и лица подставные, под именем которых хозяйничать будут питейною торговлей люди совершенно другие.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять уверение в глубочайшем уважении и искренней преданности. Подписал Языков»².

Направляя это письмо в городскую думу, Эдуард Васильевич напоминал гласным, что «в Законах гражданских есть общее правило, по коему никто не может быть судьей в собственном деле, а в городском положении относительно членов городской управы сказано, что те лица, о коих постановляется решение, не могут принимать в нем участия и должны оставлять собрание».

На следующем заседании городской думы были опровергнуты все претензии и жалобы по «питейному вопросу» со стороны акцизного управления и губернской администрации. Было снято обвинение в адрес думы о том, что большинство питейных мест получили гласные думы, поскольку только три депутата из 41 получили право на владение питейными домами в Новгороде; определение владельцев питейными домами жеребьевкой, как это предлагал Языков, было отвергнуто, потому что при этом «исключалась всякая возможность оценки нравственных качеств соимателей». Последнее замечание думы гласило: «Подозрение, что городское общественное управление домогается достигнуть косвенных целей обойти Закон в подрыве казенного дохода, провести дело в потемках и бесчестно, вы-

ведено акционерным управлением, по меньшей мере, не осторожно... Совершенно неуместно акционерное управление принимает на себя классификацию людей на бедных и богатых и озабочивается об участии большинства граждан, которые будут обижены распоряжением городского общественного управления, заботы по всем этим предметам принадлежат городской думе и нисколько не касаются до акционерного уп-

равления, которое лучше бы сделало, если бы позаботилось о государственных интересах, и ускорило возможность к открытию питейной торговли в нашем городе, потому что третий месяц город не имеет питейных домов и казна несет вероятно громадные убытки»³.

Словесные сражения и перепалки завершились тем, что в 1876 году в Новгороде были все-таки открыты только 14 питейных заведений «для раздробительной продажи крепких напитков распивочно и на вынос». По семь на каждой стороне Новгорода. На Софийской стороне трактиры остались на известной уже Троицкой улице, на Сенной площади, у Санкт-Петербургской и Псковской застав, на Веселой Горке, на берегу Волхова и напротив Газона. Четыре ренсковые (винные) погреба при магазинах и лавках с колониальными товарами служили для потребности той части новгородцев, которая «потребляла водку и вино только в домах, и для которой посещение питейных домов было не мыслимо».

Городская дума справедливо полагала, что простое сокращение числа питейных домов без приведения их в «возможнейше приличный и облагороженный по наружному и внутреннему устройству вид, не может служить полным обеспечением к прекращению развивающегося пьянства и к устранению допускавшихся возможных безобразий и темных проделок, содействующих возможности к приобретению средств на пьянство». Поэтому было предложено привлечь к заведению питейными заведениями лиц, «наиболее известных своей безукоризненной нравственностью и пользующихся особым доверием и вниманием в обществе, независимо от формальных удостоверений о не состоянии их под судом и следствием».

Таким «лицом», например, был Иван Петров, который обратился в управу за разрешением на

открытие трактира. Трактирным заведением в собственном доме он владел с 1870 года. Место расположения этого питейного дома по Зверинской улице не соответствовало Уставу питейных заведений: недалеко от монастыря, в 13 саженях от монастырской башни и в 36 — от ворот. Здесь же вблизи располагалась и воинская часть — Губернский военный батальон. Однако управление губернского воинского начальника и настоя-

тельница Зверинского монастыря заверили письменно, что не имеют препятствий к открытию трактира. Сам Петров предоставил удостоверение о добросовестном содержании им прежнего заведения. И дело разрешилось в его пользу. К тому же воинский начальник в письме выразил «необ-

ходимость открытия питейного заведения, потому что за неимением такового вблизи казарм необходимо будет посылать в дальние заведения».

Изданное в 1893 году новое Положение о Трактирном промысле вводилось в действие с 1 января 1894 года. Заведения трактирного промысла разделялись на категории «с отдачей или без отдач в наем покоев». К последним отнесли трактиры, рестораны, харчевни, фруктовые лавки и ренсковые погреба с подачей закусок и кушаний, столовые, буфеты при театрах, на пароходах, пристанях, станциях железных дорог, на гуляньях, пивные лавки с продажей горячей пищи, кондитерские и пирожные «с продажей припасов для потребления на месте», кофейные, съестные и закусочные лавки. Гостиницы, постоялые дворы, меблированные комнаты относились к заведениям «с отдачей в наем помещений».

В Новгороде, равно как и в уездных городах губернии, разрешение на питейную продажу рассматривала городская дума, чиновники полицейского и акцизного управлений.

Прошения желающих открыть трактирные заведения поступали в городскую думу, затем управляющему акцизными сборами и утверждались губернатором. Далеко не всегда заявители получали «добро». Так случилось в 1897 году с заявлением Новгородского купца потомственного почетного гражданина Новгорода Николая Сидоровича Федорова. В отказе значилось: «...Имея ввиду, что по собранным сведениям содержимое г.Федоровым трактирное заведение является приютом разгула и разврата... полагаю нужным купцу Николаю Сидоровичу Федорову в просьбе отказать»⁴. Из 36 прошений на открытие новых трактирных заведений в 1898 году положительные ответы получили только четыре просителя. Среди них был Иван Егорович Китаев, владелец буфетов на пассажирских пароходах «Кокетка»,

«Красотка» и «Андрей Забелин» Общества пароходства по реке Волхов, поскольку «содержал он буфеты на пароходах в навигационное время с 1888 по 1898 годы и замечаний за все время со стороны местного судоходного надзора сделано не было»⁵.

В 1894 году городская дума Новгорода на основании ст. 24 Положения о трактирном промысле составила правила «Об устройстве разного рода заведений трактирного промысла»⁶, одобренные Новгородским губернским по питейным делам Присутствием. В правилах прописывались внешний вид трактиров, состояние помещений, лестниц, устройство и размеры кухни, буфетной и посетительской комнаты... Определялись улицы — «местности в городе», где размещение трактиров было запрещено, а именно: «во внутренности кремля, на всей площади Торговой стороны, на всем протяжении Знаменской улицы, по Ново-Николаевской, Мало-Михайловской и Мало-Ильинской улицам на всем их протяжении».

В правилах предписывалось не размещать трактиры в подвальных помещениях, обязательными были три комнаты — кухня, буфет и помещение для посетителей; «вход и лестницы с сумерек до закрытия заведения должны быть освещаемы фонарями», лестницы «должны быть отлоги и снабжены перилами». Правила предъявляли строгие требования к обслуживающему персоналу трактиров: «Трактирная прислуга должна быть всегда опрятно одета, иметь приличные передники при услугах посетителя... Хозяевам заведений вменяется в особую обязанность следить за вежливым и предупредительным отношением прислуги к посетителям и заявления о заведомой грубости или нерадении прислуги не оставлять без должных взысканий». В соответствии с

санитарными нормами обустраивалась кухня, где размещались русская печь, плита с вентиляционным колпаком, деревянные кадки с крышкой для воды, и пр. Напитки, съестные припасы и чайная посуда хранились в буфетной комнате в специальном шкафу. Закуски на буфетных стойках защищались «от мух стеклянными или металлическими сетчатыми колпаками».

Как в буфетной, так и в общей посетительской комнатах «воспрещалось иметь на окнах горшки с цветами, а так же шторы и вообще всякие предметы, затрудняющие наблюдение с улицы». Наружный порядок и чистоту при трактирах контролировали дворники.

На 1901 год в Новгороде действовали 53 трактирных заведения⁷. Делились они на 12 разрядов. Наибольший доход в казну города — 2500 рублей, поступал от заведения на Московской, где в собственном доме Александра Александровича Соловьева располагалась гостиница с продажей крепких напитков. Новгородцы посещали рестораны и буфеты Федора Яковлевича Богданова в Дворянском собрании, Ивана Антонича Белякова в Клубе соединенного общества и Александра Яковлевича Малахович на железнодорожном вокзале. Пять пивных лавок «распивочно и на вынос» продавали пиво заводов «Богемия», «Новая Бавария» и Калинкина.

Примечания

¹ ГИАНО. Ф.104.Оп.1.Д.209.Л.141.

² Там же. Л. 153.

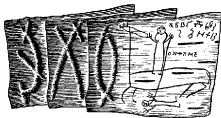
³ Там же. Л.163.

⁴ Ф.138.Оп.1.Д.3353.Л.22.

⁵ Там же. Л.26.

⁶ Ф.104.Оп.6.Д.14.

⁷ Ф.104.Оп.1.Д.1129.

Петр ГАЙДУКОВ

ПАМЯТИ БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА КОЛЧИНА (1914–1984)

11 января 2004 года исполнилось 20 лет со дня смерти Бориса Александровича Колчина — выдающегося исследователя древностей, доктора исторических наук, профессора, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР. Ученик и соратник А.В. Арциховского, Б.А. Колчин очень много сделал для становления Новгородской археологической экспедиции и превращения ее в выдающийся научный коллектив.

В 1935–1941 годах Б.А. Колчин обучался на историческом факультете МГУ. Через неделю после начала Великой Отечественной войны был призван в армию. В звании младшего лейтенанта он служил на Украинском фронте. В ноябре 1941 года попал в Киевское окружение и больше месяца был за линией фронта. В декабре с группой бойцов вышел из окружения. В октябре 1942 года Б.А. Колчин был арестован и за пребывание на оккупированной немецкими войсками территории осужден на пять лет. Наказание отбывал в Интинском Исправительно-трудовом лагере, на руднике «Большая Инта».

В Москву Борис Александрович вернулся осенью 1945 года, через год он был принят в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР (сейчас Институт археологии РАН). Под руководством А.В. Арциховского написал и в 1950 году защитил диссертацию по истории древнерусской металлообработки.

Начиная с 1947 года Б.А. Колчин становится одним из организаторов и непременным участником проведения раскопок в Новгороде. До самой смерти жизнь Новгородской экспедиции оставалась частью его жизни. Особенно велик его вклад в организацию и проведение масштабных работ на Неревском раскопе — крупнейшем новгородском объекте, работы на котором проводились в 1951–1962 годах.

С конца 1950-х годов Б.А. Колчин начал цикл исследований по проведению дендрохронологического изучения средневековых памятников Восточной Европы. Именно Новгород стал для него тем уникальным полигоном, где отработывались приемы изучения ископаемой древесины, и были получены первые результаты массового дендрохронологического датирования деревянных сооружений. В 1964 году Б.А. Колчин защитил докторскую диссертацию по дендрохронологии средневекового Новгорода, которая заложила основы изучения этой новой дисциплины у нас в стране.

С 1967 года и до последнего дня жизни он был руководителем им же созданной лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР.

Велик вклад Б.А. Колчина в дело изучения древностей средневекового Новгорода. Его капитальные труды по классификации и датировке

массовых бытовых изделий из черного металла и дерева остаются настольными для всех археологов-медиевистов и поныне.

В Институте археологии РАН хранится большой архив Б.А. Колчина. Несколько лет тому назад в нем была выявлена машинопись неопубликованной научно-популярной статьи «Сады древнего Новгорода». Она была написана Борисом Александровичем в конце 1950-х годов для какого-то научно-популярного журнала (типа «Природа» или «Наука и жизнь»), но по неизвестной причине так и не увидела свет. Публикация ее сегодня будет хорошим поводом лишний раз помянуть добром выдающегося археолога Великого Новгорода — Бориса Александровича Колчина.

Статья впервые была прочитана 28 января 2004 года на ежегодной конференции Новгородского музея «Новгород и Новгородская земля: История и археология».

Борис Александрович Колчин

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ Б.А.КОЛЧИНА:

1. Черных Е.Н., Янин В.Л. Памяти Бориса Александровича Колчина // Советская археология. 1984. № 4. С. 313—314.
2. Памяти Бориса Александровича Колчина // Временные и пространственные изменения климата и годовые кольца деревьев. Каунас, 1987. Ч. 3. С. 4—5.
3. [Черных Е.Н.] От редактора // Естественные научные методы в археологии. М., 1989. С. 3—5.
4. Список печатных работ Б.А.Колчина / Составитель П.Г.Гайдуков // Там же. С. 6—13.
5. Колчин Борис Александрович (1914—1984) // Институт археологии: История и современность. Сборник научных биографий. М., 2000. С. 126—128.
6. Колчин Борис Александрович (1914—1984) // Археологи Великого Новгорода: Биографический справочник. Великий Новгород, 2002. С. 48—49.
7. Гайдуков П.Г. Артемий Владимирович Арциховский и Борис Александрович Колчин (1935—1950 гг.) // Российская археология. 2003. № 4. С. 147—155.

Борис КОЛЧИН

САДЫ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

История садоводства в древней Руси до последнего времени оставалась областью очень мало изученной. Объяснялось это неограниченным интересом к данной теме, ибо вопросы земледелия в широком плане давно стоят среди важнейших тем истории русского народного хозяйства, а почти полным отсутствием источников по древнерусскому садоводству. Летописные сведения ограничиваются лишь несколькими упоминаниями о яблонях или яблоках. В письменных источниках XV века и позднее — материала встречается несколько больше. Здесь мы находим уже упоминание о вишневых и яблоневых садах, но все же этого совершенно недостаточно. Очень малочислен и случаен был и археологический материал.

Но в последние годы Новгородская археологическая экспедиция Академии Наук СССР, руководимая профессором А.В. Арциховским, среди огромного количества всевозможных находок собрала и материал по истории новгородского садоводства.

В Новгороде на Неревском раскопе в слоях почти всех веков, начиная с древнейшего X века, были найдены семечки яблок и сами яблоки. Три целых яблока были найдены в слоях X и XIII вв. Размеры плодов и ряд иных морфологических признаков позволяют отнести наши яблоки к плодам так называемой лесной яблони¹. Это довольно мелкие плоды, не превышавшие размера 2,5—3 см. Интересно отметить, что древние новгородцы, говоря о сильных дождях с градом, часто сравнивали размеры града с яблоками. Например, новгородский летописец в 1157

году писал: «На ту же осень зело страшен бысть гром и молния, град же яко яблока больши». Археологам удалось найти в Новгороде не только плоды и семена яблок, но и впервые в науке — сами сады. В 1956 году на площади раскопа были вскрыты два древних яблоневых сада. Сады росли в усадьбах на углу древних Великой и Кузьмодемьянской улиц, почти в центре города, недалеко от стен Новгородского Кремля. Они росли на участках, где жили новгородские ремесленники. Ряд археологических наблюдений позволяет говорить, что здесь жили кузнецы.

Один сад был вскрыт почти полностью, а другой — лишь частично. Площадь первого сада равнялась около 0,03 гектара. Эти два сада были посажены одновременно в середине XII века и росли около 20—25 лет. По неизвестной нам причине (может быть пожар или заморозки), в 70-х годах XII века они были вырублены, и на их месте воздвигли постройки. Позже на этом участке сады так и не сажали.

На площади первого сада были вскрыты четыре яблони. На раскопе они представляли собой пни с широко разветвленными корнями². Отстояли они один от другого на несколько метров, располагаясь в разных концах почти квадратного сада. Вероятно, в этом саду росло еще несколько яблонь, пни которых во время сооружения построек выкорчевали. Во втором саду, вошедшем в раскоп лишь частично, вскрыта только лишь одна яблоня.

Цвели в Новгороде и вишневые сады. На раскопках, в слоях всех веков, было найдено не-

¹ Определение сделано сотрудниками Московской областной плодово-ягодной опытной станции.

² Определения сделаны доктором биологических наук В.Е. Вихровым (Институт леса Академии наук СССР).

сколько тысяч косточек вишен. Новгородские вишневые косточки имеют большое морфологическое сходство с косточками современного сорта владимирской вишни. Хотя вишневых деревьев на территории Новгорода археологи пока еще не обнаружили, у нас есть основание считать вишню местной новгородской культурой. В Новгородских писцовых книгах XV века имеются неоднократные записи, например, «да тут же сад а в нем 60 яблоней без трех, а 20 дерёв вишневых».

Среди русских садоводов имеется мнение, что культура нашей вишни и, в частности, знаменитой владимирской, уходит в глубокую древность. Это была лишь гипотеза, еще не подтвержденная тем или иным историческим документом. Находки вишневых косточек в Новгороде в древнейших слоях позволяют теперь утверждать, что сорт так называемой владимирской вишни произрастал на Руси уже в X веке.

Росли ли в Новгороде и другие фруктовые деревья, нам пока неизвестно. Но имеются находки, говорящие о том, что новгородцы уже в XI веке ели сливы. На раскопе, в слоях этого века, было найдено несколько косточек слив.

Из ягодных кустарников новгородцы разводили малину и черную смородину. Находки семян малины и черной смородины встречаются в слоях всех веков.

В заключение следует упомянуть, что новго-

родцы очень любили и привозные южные плоды. В X и особенно много в XI веках в Новгород привозили грецкие орехи. Несколько сот таких орехов (в основном скорлупа и 2 раза ядро) найдено в слоях X, XI и XII веков. Следует упомянуть, что скорлупа грецких орехов найдена в усадьбах рядовых горожан-ремесленников. В это же время с юга привозился в Новгород и миндаль. В XIII веке в Новгороде появляются кедровые орехи, которые доставлялись сюда по волжско-камскому пути. Среди находок встречаются не только орехи, но и целиком кедровые шишки. Следует еще заметить, что новгородцы любили и в изобилии потребляли, начиная с X века и позже, обычные лесные орехи (орехи вологодские, плоды лещины). На раскопе встречено огромное количество скорлупы — от сотен тысяч орехов.

Наши находки говорят о том, что в русских средневековых городах с их очень узкими улицами (ширина улиц не превышала 6 метров) и плотной застройкой, на территории городских усадеб иногда разбивались небольшие фруктовые сады. Они озеленяли и украшали древние города, делая городские ансамбли более красивыми и нарядными.

Эти находки говорят, что фрукты — яблоки, вишни, сливы, а также привозные грецкие орехи и миндаль были доступны рядовым горожанам и входили в их обычный пищевой рацион.

КИЖСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ

Кижский архитектурный ансамбль — памятник высочайшего, всемирного, ранга — требует, естественно, досконального изучения и ответа на вопрос об истоках его формирования.

Продолжается многолетнее накопление материала и более глубокое его осмысление, расширяется регион исследований, изучается выявление локальных этнических особенностей в культовом зодчестве на примере малоизвестных церквей и архитектурных комплексов, способствовавших его созданию, предпринята попытка классификации основных типов культовых строений и их разновидностей¹.

Каждый народ создает свою национальную культуру и искусство в соответствии с конкретными историческими условиями, при-сущими его национальному развитию, проявляясь и заявляя о себе теми или иными особенностями.

На обширной территории совместного проживания финно-язычного и славянского населения (Карелия, Ленинградская и Вологодская области) исследователи деревянного зодчества этих северных окраин России уже давно и явно ощутили, что при тождестве основных архитектурных приемов, ряд характерных черт отдельных памятников свидетельствует о несомненном их отличии². Об отдельных, особо ярко выраженных элементах местной, вепско-карельской, архитектуры можно, прежде всего, судить, познакомившись с шатровыми и многоглавыми церквями «Прионежской школы».

К шатровым церквям Прионежья обычно относятся церкви с последовательным расширением верхних частей сруба с помощью «повалов» (от одного до трех) и устройству «фронтонных поясов» (от одного до двух) по периметру восьмериков, а также чрезмерно выраженной высотностью.

Период существования таких шатровых церквей был довольно длительным и, естественно, со временем они стали подвергаться различным изменениям.

Особенно существенные изменения претерпели шатровые завершения на острове Киж.

Рассмотрим это на примере эволюционных изменений внешнего образа Покровской церкви в стадии ее существования в шатровом варианте. Уничтожение шатра и замена его девятиглавием в данной ситуации не были случайным явлением. Находясь рядом с 22-главой Преображенской церковью, шатровое завершение Покровской церкви, как видимо, не устраивало зодчих. Тогда они решили совместить отдельные элементы двух совершенно разных видов церквей (шатровой и многоглавой) в одной («два в одном») и достигли этим нового, свежего дыхания в

Киж

ансамблевом звучании.

Такое дерзкое, смелое решение с полным поправлением всех уже давно устоявшихся традиций, могло возникнуть лишь у особо одаренной творческой натуры — зодчего, сумевшего осуществить свой необычный замысел, и добиться дивной гармонии двух многоглавых церквей.

При всем этом, отдельно взятая Покровская церковь особой ценности собой не представляет: слишком явно проступают ее конструктивные и художественные просчеты: изысканная, 9-главая «шапка» наверхия не соответствует грузному бревенчатому основанию; фронтонный пояс — деталь, присущая только шатровым церквям прионежского типа, по соседству с многоглавием выглядит довольно чужеродной деталью и мысленно «требует» не успокоения «хороводом» куполов, а стройного шатрового завершения.

В таком варианте Покровская церковь «не спела своей песни», а «пожертвовала» чистотой своего стиля («стильностью») в угоду безупречной красоте 22-главой Преображенской церкви, став лишь достойной ее репликой, почти продублировав девятиглавое наверхие своей знаменитой «соседки». Иной другой вариант здесь, кажется, был бы просто неуместен. Преображенская церковь словно передала свою эстафету многоглавия Покровской церкви, уничтожив при этом ее шатер, низведя его до уровня восьмискатной, пологой крыши («купола съели шатер»); но одновременно и утвердила шатер своим 22-главием в его силуэтном исполнении («купола возродили шатер»). Кроме того, шатер здесь изначально представлен в ее пирамидальной конструкции, состоящей, как известно, из трех постепенно уменьшающихся сверху восьмериков с прирубами, «усеянными» разновеликими куполами.

Таким образом, на примере формирования Киж-

ского архитектурного ансамбля в истории деревянного зодчества России произошло знаменательное событие: уничтожение шатра — излюбленной в народе формы церковного завершения — живописным девятиглавием (Покровская церковь) с одновременным его возрождением 22-главием (Преображенская церковь). В связи с этим можно утверждать, что кижский архитектурный комплекс является своеобразной концентрацией церквей с шатровым и многоглавым завершением, как результат многовекового эволюционного развития культового зодчества Российского Севера; он вершина в преломлении традиционных устоев в деревянном зодчестве северной России, на примере церквей Прионежского типа и утверждение незыблемости пирамидальной конструкции — самой устойчивой в мире.

Рассмотрим предысторию формирования всех трех сооружений этого северного погоста с выявлением их локальных особенностей, на примере сопутствующих им по времени создания церквей, расположенных в пределах бассейна Онежского озера.

При изучении церквей данного региона возникает довольно интересное наблюдение: левобережье Онежского озера по преимуществу было «заселено» деревянными церквями с шатровым завершением:

1. Лычный остров. Петропавловская церковь. 1620. Кондопожский район;
2. Линдозеро. Никольская церковь. 1634. Кондопожский район;
3. Яндомозеро. Варваринская церковь. 1650. Медвежьегорский район;
4. Гимрека. Церковь Рождества Богородицы. 1659. Ленинградская область;
5. Деревянное. Никольская церковь. 1683. Прионежский район;
6. Горнее Шелтозеро. Ильинская церковь. 1685. Прионежский район;
7. Согинцы. Никольская церковь. 1696. Ленинградская область;
8. Пидьма. Преображенская церковь. 1696. Ленинградская область;
9. Рыбрека. Варваринская церковь. 1697. Прионежский район;
10. Кижь. Покровская церковь, до 1752. Медвежьегорский район;
11. Космозеро. Церковь Александра Свирского. 1768. Медвежьегорский район;
12. Кондопога. Успенская церковь. 1774. Кондопожский район.

Самой ранней из них является церковь на Лычном острове (1620), а самой поздней — Успенская церковь в Кондопоге (1774). Потребовалось 154 года, чтобы достичь высочайшего совершенства среди шатровых церквей. Зодчие подготавливались к своему будущему шедевру — церкви Успения в Кондопоге — неторопливо, с каждым новым объектом все более совершенствуя свое мастерство. Совсем наоборот, в отличие от шатровых церквей, развивались события между многоглавыми прионежскими церквями, «заселившими» другой — правый берег Онежского озера:

1. Анхимове. Покровская церковь. 1708. Вологодская область;

2. Клименецкий монастырь. 1712. Медвежьегорский район;

3. Кижь. Преображенская церковь. 1714. Медвежьегорский район;

4. Палтога. Богоявленская церковь. 1733. Вологодская область;

5. Шуя. Предтеченская церковь, до 1752. Кондопожский район;

6. Кижь. Покровская церковь, до 1752. Медвежьегорский район;

7. Девятины. Успенская церковь. 1770. Вологодская область;

8. Шустручей. Ильинская церковь. 1781. Ленинградская область;

9. Щелейки. Дмитриевская церковь. 1783. Ленинградская область;

10. Ошта. Никольская церковь. 1791. Вологодская область.

В связи с этим, следует отметить, что многоглавые церкви, появившиеся в данном регионе значительно позднее шатровых, которые, не торопясь, а постепенно (как уже было отмечено, на протяжении 154 лет), достигли своего высочайшего взлета (Успенская церковь в Кондопоге); многоглавие здесь заявило о себе сразу же каскадом звучных куполов. Это наблюдение убедительно подтверждают 21- и 22-главые церкви в Анхимове и на острове Кижь. Именно на этот период приходится пора расцвета России, устремившейся к европейской цивилизации, к праздничности и свободе в разных видах творчества.

Вот когда приспела пора непревзойденного Мастера Нестора!

Все другие церкви, построенные значительно позднее этих многоглавых церквей, стали только их отдаленными репликами, но со своими локальными особенностями: резкими, ломкими контурами бочек, совершенно не соответствующих изящным, плавным силуэтам глав. Такое своеобразное решение, по всей вероятности, было вызвано присущим вепско-карельскому населению, издавна проживавшему на данной территории, тяготению к полюбившейся им подчеркнутой геометризацией форм, как в народном деревянном зодчестве, так и в других видах местного искусства, что явно проявляется с давних пор и четко прослеживается в настоящее время.

Ломкие контуры бочечных завершений, характерные для многоглавых церквей Прионежского типа, хорошо прочитываются и на Покровской церкви в Анхимове, являющейся ближайшей предшественницей Преображенской церкви в Кижях. Именно на кижской церкви Преображения ломкость бочечных завершений была устранена полностью, что и позволило создать в «содружестве» с ними такое гармоничное взаимодействие с плавными, певучими линиями многочисленных разновеликих куполов и добиться новых форм, легко переходящих и вытекающих друг из друга.

Удача сопутствовала Зодчему!

Необходимо принять во внимание то, что первые православные церкви, возникшие в конце X века, были многоглавыми. Вновь многоглавие воспряло, достигнув 22- и 25-главия, в самом начале XVIII века.

Архитектор М.В. Красовский по этому поводу

писал: «Многоглавие, кажущееся одним из новшеств начала XVIII века, представляет, в сущности, возврат к старине, и притом к своей собственной, чисто народной, так как из летописей известно, что первоначальный соборный храм Новгорода, Святая София, построенная из дубового леса, имела 13 верхов, а некоторые киевские церкви, правда каменные, имели 15, 25 и даже 30 верхов. Нам неизвестно, каков был общий облик новгородской Софии, но во всяком случае, мы вправе утверждать, что идея многоглавия жила в народе и, быть может, поддерживалась другими многоверхими храмами, служившими звеньями цепи, в начале которой стоит София Новгорода, а в конце — церковь Вытегорского посада. К сожалению, звенья эти исчезли с лица земли и поэтому остается только надеяться, что какое-нибудь счастливое архивное открытие даст нам о них хоть какие-либо сведения.»³

Считаю, что по прошествии почти 90 лет со времени высказывания данного предположения, возможно, и не следует уповать на какие-либо новые открытия многоглавых церквей: просто во времена расцвета Российского государства при Петре Великом воспарил душа и мысль зодчих, и накопленный ими опыт позволил достичь совершенства в создании церквей многоверного стиля.

Так же архитектор М.В. Красовский отмечает: «Хотя в вытегорском храме идея многоглавия нашла, как мы уже заметили выше, свою окончательно вылившуюся форму, но все же в нем еще чувствуется некоторая неуравновешенность масс, причина которой кроется в тяжеловестности основного восьмерика и в непропорционально с ним малых размерах верхней главы. Эти недочеты композиции совершенно отсутствуют у другого памятника многоверного стиля, а именно, у церкви Преображения в уже знакомом нам Кижском погосте. Она построена на шесть лет позднее, то есть в 1714 году..., но тонкое художественное чутье подсказало зодчему Преображенского храма ввести незначительные, по существу, детали, превратившие его произведение в шедевр, который смело можно назвать венцом деревянного зодчества, и который в истории русского деревянного зодчества должен занять такое же место, какое заняла московская церковь Василия Блаженного в истории каменного зодчества.»⁴

Не избежала участи взаимодействия с локальными особенностями, необычного для колоколен данного региона пропорционального соотношения бревенчатых срубов (четверика и восьмерика), и кижская колокольня, как утверждают некоторые исследователи, — единственная в Карелии колокольня с необычайно высоким четвериком основания и низким восьмериком, в отличие от всех других известных колоколен. Именно такие пропорциональные соотношения характерны для шатровых храмов Прионежья.

Высокий четверик колокольни в данном случае

оправдал стремление зодчих к достижению ее единства с уровнями оснований главных частей двух соседних с нею церквей, что способствовало соблюдению единства и гармонии в ансамблевой застройке.

Таким образом, все три строения Кижского архитектурного ансамбля, расположенного в самом «центре» (между правым и левым берегами Онежского озера), явились своеобразными аккумуляторами идей, выработанных на сопредельных землях местными зодчими, но творчески переосмысленных на каждом из рассматриваемых объектов.

Исследователи, как известно, давно, еще с дореволюционных пор, отмечали необычные особенности шатровых и многоглавых церквей на данной территории, не связывая это с какими-то национальными признаками. И лишь с недавнего времени довольно четко стали проявляться вепско-карельские различия в виде отдельных элементов в их конструктивно-архитектурных построениях.

Отмечено, что именно на землях сопредельного обитания разных народностей проявляются ярче всего их самые лучшие проявления во всех видах творчества и искусства. Именно здесь возникают шедевры!

Рассматриваемый регион, на землях которого возросли уникальные памятники деревянного зодчества, общепризнанные мировым сообществом: церковь Успения в Кондопоге и Кижский архитектурный ансамбль, включенный в Список ЮНЕСКО — лучшее подтверждение этому.

Примечания

¹ Гуцина В.А. Кижский архитектурный ансамбль (К вопросу об истоках его формирования). Петрозаводск, 1992. Архив музея «Киж». Рукопись.

² Красовский М. Энциклопедия русской архитектуры. Деревянное зодчество. Петроград, 1916; СПб., 2002. С. 232–233, 241–243; Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942; Ополонников А.В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., 1955; Смирнова Э.С. По берегам Онежского озера. Л., 1969; Орфинский В.П. Логика красоты. Петрозаводск, 197; Рыбаков А. Устюжна. Череповец. Вытегра. Л., 1981; Гуцина В.А., Гуцин Б.А. К вопросу о церквях Прионежского типа

(Вепско-карельские элементы в архитектуре Кижского ансамбля) // Кижский вестник № 4. Заонежье. Петрозаводск, 1994. С. 133–143; рис. 34 а, б, в, г, д, е; 35 а, б, в, г, д, е; Орфинский В.П. Архитектурный идеал русского православия и его локальные этнокультурные варианты в традиционном храмостроительстве Карелии и сопредельных территорий // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 19–33; Савандер К.Ю. Ступенчатые покрытия в деревянной архитектуре Российского Севера // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 33–39.

³ Красовский М. Энциклопедия русской архитектуры. С. 279.

⁴ Там же. С. 280–286.

Ирина САВИНОВА

БОРОВИЧСКИЙ ТУПИК ЛЮБЛИНСКИЙ УЛИЦЫ

Трагедии Второй мировой войны

— Всегда ли Люблинская улица вела на запад?

— Почему польские жолнежи (солдаты — польск.) оказались в боровичском лагере?

Советские танки уже грохотали по германским мостовым, когда неподражаемый Леонид Утесов напутствовал солдат словами бодрой песни «Люблинская улица на запад нас ведет...» Вряд ли ее авторы использовали название польского города с политической подоплекой — просто Люблин был одним из первых крупных городов Европы, освобожденных нашей армией. А между тем в Люблинском воеводстве разворачивались такие события, эхо которых отозвалось через полвека... на новгородской земле.

ЗАПРЕТНАЯ ТЕМА

Долгие годы старшее поколение жителей Боровичей и округа — Еглы, Устья, Шиботова знали, но предпочитали помалкивать о немецких военнопленных, особенно — об интернированных поляках, которые находились в местных лагерях и работали под охраной в шахтах, на лесоповале. Трудно было понять, за что же граждане освобожденной страны оказались в нашем плену.

Но сколько бы ни проходило времени, тайное всегда становится явным. В начале 90-х годов историки получили доступ ко многим засекреченным фондам наших архивов. Более открыто заговорили и о высланных поляках. Спешно привели в порядок захоронения, установили крест. Архив УВД стал получать запросы из московского информационного центра МВД о судьбе того или иного поляка. В пользование специалистов поступило несколько рассекреченных дел со списками интернированных граждан Польши.

Вполне вероятно, мне не пришлось бы столкнуться с этой темой, если бы несколько запросов не пришли в архив Новгородского УВД, минуя московскую инстанцию. Это были частные письма, написанные на польском. Знание этого языка

оказалось востребованным, и я впервые прикоснулась к судьбам поляков.

В чем же состояла их вина? Только ли в принадлежности к Армии Крайовой, называемой в документах для краткости «АК»?

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ НА ФОНЕ БОЕВ

Во Второй мировой войне участвовало несколько польских армий. Государственная приняла на себя 1 сентября 1939 года первый натиск гитлеровских войск на Европу. В начале октября она была разбита окончательно. Часть оставшихся в живых жолнежей «просочилась» в Европу и воевала с фашистами в составе армий антигитлеровской коалиции.

В конце 1941 началось формирование польской армии и на территории Советского Союза. Командовать ею стал генерал Владислав Андерс. По достигнутой договоренности армия должна была воевать на германско-советском фронте. Однако в 1942 году Андерс увел свою армию через Иран на

Ближний Восток — под покровительство английских союзников. Чтобы больше не возвращаться к ней, скажу, что в мае 1944 года англичане бросили эту армию на взятие итальянской крепости Монте-Кассино, которая преграждала им дорогу на Рим. Зажатая между гор, армия оказалась под ураганным огнем немецких войск и 18 мая была почти полностью разгромлена.

По инициативе польских коммунистов в СССР вновь началось формирование польской армии — пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко. Командовал ею генерал Зыгмунт Берлинг, не пожелавший уйти с Андерсом. После успешного сражения под белорусским селением Ленино в октябре 1943 года дивизия была реорганизована в 1-ю Польскую армию. В это же время в оккупированных районах Польши сражалась Армия Людова, организаторами которой были польские коммунисты.

Одновременно с нею с февраля 1942 года нача-

Крепость Монте-Кассино

ла действовать еще одна подпольная организация — Армия Крайова. В нее вошли не только уцелевшие в сентябрьских боях солдаты и офицеры, но и гражданские лица, пожелавшие оказать сопротивление врагу. Командовал ею генерал Тадеуш Бур-Комаровский. Эта армия подчинялась прежнему польскому правительству, эмигрировавшему в Лондон. Действия Армии Крайовой походили на партизанские — диверсии, саботаж, сбор разведданных для англичан, освобождение арестованных подпольщиков.... Совместных действий с Армией Людовой она не предпринимала.

Тем временем в грохоте сражений подошел 1944 год. В июле советские войска вместе с 1-й Польской армией вступили на территорию Польши. Был освобожден крупный центр Люблин. 21 июля здесь создан Польский комитет национального освобождения, который принял манифест, определивший перспективы демократических преобразований в стране. Эмигрантское правительство в Лондоне объявлялось незаконным. Основой внешней политики, заявлялось в документе, будут прочный союз и дружба с Советским Союзом.

Поляки, испытавшие все ужасы фашистской оккупации — голод, разруху, массовое уничтожение населения в концентрационных лагерях (печально знаменитый Майданек находился вблизи Люблина) — с радостью восприняли освобождение. Однако политическая активность народа лишала надежд на будущее прежнее правительство страны, все еще пребывавшее в Лондоне. Боясь окончательно потерять власть в стране, оно поставило перед собой заманчивую цель — при поддержке определенных сил в США и Англии во чтобы то ни стало захватить Варшаву до вступления в нее Красной Армии и провозгласить свою власть, не допустив установления народно-демократического строя.

Для осуществления этого плана Армия Крайова 1 августа 1944 года подняла в Варшаве восстание. С первых же часов обнаружилось, что оно не подготовлено. В спешке организаторы не успели известить многие отряды АК о времени выступления. Не были предупреждены и другие подпольные организации. Не хватало оружия и боеприпасов. Повстанцы сразу же оказались в тяжелых условиях. Им не удалось захватить командные пункты города — вокзалы, мосты, поэтому немецкое командование подтянуло в Варшаву крупные силы. Началась кровопролитная оборона.

Население Варшавы, большинство рядовых членов АК не знали, что их, практически, предали, использовали средством в политической игре. Они

сражались с ненавистным врагом за освобождение своей столицы, своей родины. Это восстание могло завершиться успехом при одновременном выступлении Красной Армии за Вислу. Однако его

Юные участники Варшавского восстания

организаторы не уведомили о своих планах ни Советское правительство, ни командование 1-го Белорусского фронта. Маршал К.К. Рокоссовский узнал о восстании от своих разведчиков, когда на улицах Варшавы уже гибли тысячи польских патриотов.

Могла ли Красная Армия стремительно начать наступление на Варшаву? Не могла — она вышла на территорию Польши после тяжелейших сорокадневных боев в Белоруссии, западных областях Украины и Литвы, потеряв при этом около 300 тысяч солдат и

офицеров. Необходимо было перегруппировать силы, перебазировать авиацию, подтянуть тылы. Видный немецкий историк, генерал Типпельскирх впоследствии писал об этом — «Восстание вспыхнуло 1 августа, когда силы русского удара уже иссякли.»

Тем не менее, стараясь поддержать сражавшихся варшавян, советское командование предприняло наступление на предместье столицы — Прагу. Его удалось захватить, но дальше продвинуться наши войска не смогли. Варшаву они освободили только 17 января 1945 года. Выполняя приказ Гитлера, фашисты варварски уничтожили город — сравняли его с землей. Тысячи польских патриотов заплатили жизнью за политическую авантюру. Второго октября сопротивление повстанцев полностью прекратилось, а дальше началась трагедия Армии Крайовой.

СЕКРЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ НКВД

Куда может направиться солдат разбитой армии на исходе войны? Конечно же, к родному дому. Уроженцы Люблинского воеводства с радостью отправились в свои края, расположенные неподалеку от Варшавы и уже освобожденные от фашистов. За ними потянулись и те, чьи дома еще находились на оккупированной территории. Уже к середине октября Люблинское воеводство было переполнено бывшими «аковцами».

А дальше развернулись события, о которых не рекомендовалось говорить до 90-х годов. Сведений о них мне не удалось обнаружить ни в наших, ни в польских исторических источниках минувших лет. Всезнающий Интернет сумел предложить всего лишь одну статью варшавского историка Владимира Павлива, опубликованную в международном общественно-политическом еженедельнике «Зеркало недели» №12 за 2002 год.

Ничего нового для себя я в ней не нашла, разве что несколько статистических данных. Например, общая численность АК летом 1944 составляла 380 тысяч человек. В это число вошли все польские отряды, группировки, воевавшие на западе.

Что же происходило в октябре 1944 года в Люблинском воеводстве Польши?

Просматриваю одну за другой кратенькие характеристики на интернированных, которые хранятся в архиве Новгородского УВД, и делаю неожиданный вывод — почти все они воевали в составе Армии Крайовой и что против них начались организованные репрессии. Массовые аресты прошли в последние дни октября, первую неделю ноября и особенно широко — 20 ноября 1944 года.

Чем же была вызвана такая ожесточенность со стороны Сталина? Ведь правительство СССР при первых же шагах его армии по польской земле опубликовало заявление, в котором уверяло, что оно «не намерено устанавливать на территории Польши органов своей администрации, считая это делом польского народа».

Причин можно предположить несколько. Конечно, Сталин не мог простить уход армии Андерса. Конечно, его возмутило неподготовленное и начатое без его ведома восстание в Варшаве, из-за которого наши войска понесли большие потери в людских ресурсах и технике.

Но больше всего Сталина и советское командование встревожило образовавшееся в тылу значительное скопление армейских людей. Кто мог поручиться за их лояльность к новому порядку вещей? Ведь с первых же дней установления власти комитета национального освобождения в его активистов стали стрелять из-за угла. Гибли партийцы, гибли офицеры Войска Польского и Красной Армии. Это стали активно действовать группы «аковцев», которые сохранили приверженность польскому правительству в Лондоне и противились победе прокоммунистических сил. Об этом говорит и польский историк в упоминавшейся статье.

Противодействие, видимо, вынудило Главкомандующего приказывать органам армейской безопасности интернировать без разбору всех бывших «аковцев» и сомнительных обывателей Люблинского воеводства. По данным В.Павлива, всего было арестовано 50 тысяч человек, включая и тех, кто попал в руки НКВД при дальнейшем освобождении Польши. Решено было обойтись силами ОКР «СМЕРШ»а 1-го Белорусского фронта и 2-й и 16-й танковых бригад. В некоторых случаях аресты проводили уездные оперативные группы. Несколько тысяч арестованных были высланы в Новгородс-

кую область, где под Боровичами был создан специальный лагерь.

ТРУДНАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

Уже через несколько месяцев стало ощущаться бремя содержания нескольких тысяч поляков в области, большая часть хозяйства которой была разорена войною. К тому же следовало налаживать добрососедские отношения с новой Польшей. В лагере № 270 прошла своеобразная переоценка ценностей, в ходе которой все «аковцы», не замеченные в активных боевых действиях против партизан и советских частей, в пособничестве гитлеровцам, получили разрешение отправиться на родину. Список был утвержден 29 декабря 1945 года. В нем значилось 3 473 человека. Отправка, конечно, затянулась, началась она уже весной 1946 года

и продолжалась несколько месяцев. Добралось до родного порога значительно меньшее число — кто-то не дожидаясь отъезда, кто-то надолго попал в лазарет. Сотни поляков скончались за колючей проволокой, не узнав даже о предстоящем возвращении. Их имена и фамилии с указанием номера могилы и квадрата на кладбище хранятся в архивных документах. Навсегда остались лежать в боровичской земле Шимон Мартынюк, Владислав Вычулковский, Александр Олесеюк, Юзеф Маголь, Станислав Вильчак... Всего 534 имени.

Конечно, были среди интернированных и такие, из-за чьих действий пострадала основная масса «аковцев». Юлиан Саямоник, 1911 г.р., был арестован 18 ноября 1944 года. Являлся активным членом АК, принимал участие в облавах на советских партизан и евреев. Этот задержанный 5 июня 1946 был переведен в лагерь 531, находившийся под Свердловском. Вместе с ним отправлялся Владислав Дуда. Но таких явных недругов в общей массе оказалось незначительное число.

Основной состав интернированных представляли крестьянские парни 1924-1928 годов рождения, с семилетним, а то и начальным образованием, многие из них даже не служили ранее в армии. По сведениям архивного управления нашей области, среди интернированных находились «чины полиции и тюремных учреждений, чиновники государственных и муниципальных органов, представители польской интеллигенции». По всей видимости, сведения о них находятся еще в состоянии секретности.

Основной состав интернированных представляли крестьянские парни 1924-1928 годов рождения, с семилетним, а то и начальным образованием, многие из них даже не служили ранее в армии. По сведениям архивного управления нашей области, среди интернированных находились «чины полиции и тюремных учреждений, чиновники государственных и муниципальных органов, представители польской интеллигенции». По всей видимости, сведения о них находятся еще в состоянии секретности.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

Поток запросов о судьбах высланных поляков стал поступать в архив УВД в 1990-е годы. Ранее

Эти жолнежи Войска польского дошли до Берлина

они были одиночны и редки. И за пять прошедших лет их количество дотянуло до сотни. А ведь только в январе 1945 домой отправилось не менее тысячи человек. При внимательном изучении неожиданно понимаю — почти все запросы присланы из Люблинского воеводства. Чем можно объяснить такую географическую очерченность? Скорее всего тем, что люблинцев арестовывали в родных домах, и родственники с самого начала знали, что их отправили в Россию. Судьба же уроженцев запад-

Руины Варшавы

ных областей Польши долгое время для их близких оставалась неизвестна — находясь в оккупации, они могли только предполагать, что мужья и сыновья где-то воюют с фашистами, а живы или нет — кто знает? Когда же уцелевшие мужчины стали возвращаться домой из «русского плена», то предпочитали держать язык за зубами. Пройдет не одно десятилетие, прежде чем новые российские власти снимут с архивов печати секретности, а в польском обществе вспомнят о своих земляках, проводивших молодые годы за колючей проволокой в чужой стране.

Престарелых «аковцев» остаются десятки. В середине 80-х в Польше создается Союз сибиряков, подобный российскому обществу жертв политических репрессий. Цель и задача одна — реабилитировать невинно пострадавших когда-то людей, предоставить им какие-либо льготы, чтобы хоть такой малостью скрасить их старость. Определенные льготы получают и члены их семей.

Как и следовало ожидать, запросы пришли от сыновей и дочерей. Болеслава Кушинская спрашивалась об отце Казимире Вонсовском, который вернулся на родину в марте 1946 года, однако родные так и не знают, сколько времени он работал на шахте в Боровичах. Наталья Ковальчик разыскивала следы отца Юзефа Маека, который еще в апреле 1945 года был захоронен на кладбище в Устье. Отец Гражины Марчук вернулся домой в январе 1946 года, но теперь ей необходимо иметь документ с подтверждением его работы в борович-

ском лагере.

Несколько запросов в 1999 году пришло от самих «аковцев» — Марьян Осяк, 1926 г.р., Антон Рыпинский, 1918 г.р., Вацлав Милянчук, 1918 г.р., просили подтвердить их нахождение в лагере № 270 возле Боровичей.

Грустное письмо прислала Юлия Тонкель, навоя справки о муже Станиславе — «...пережила с ним много страшного во время войны. Его вывезли, а я осталась одна с тремя детьми. Тяжелые события, которые выпали на нашу долю, наложили отпечаток на всей нашей жизни, сказались на здоровье. Мой муж умер, будучи больным человеком, так и не дождавшись к себе никакого внимания. Я лично перенесла тяжелую операцию, находясь у черты своей жизни, хочу все-таки узнать правду, о которой нельзя было громко говорить в течение долгих лет...»

Чем следует закончить это печальное повествование? Наверное, надеждой, что со временем дети и внуки прежде всего тех, кто покойся в боровичской земле, смогут приехать и поклониться этим безымянным могилам. Лучшим памятником над ними станет человеческая память о тех, чьи судьбы сокрушил молох Второй мировой войны.

Возрожденная Варшава

Источники

1. Архив УВД Новгородской области. Ф-74 «Управление лагеря № 270 НКВД-МВД военнопленных и интернированных». Оп. 1. Д. 11, 19, 62.
2. Владимир Павлив. Армия Крайова и Армия Людова — государственная или народная? Международная общественно-государственная или народная? Международный общественно-политический еженедельник «Зеркало недели». Киев, 2002. № 12.
3. В. Кардашов. Покощовский. Москва, 1973.
4. Polska. Informator. Wydawnictwo interpress. Warszawa, 1974.
5. Polska w latach II wojny swatowej (1939—1945). S. 80—84.

Сергей ВИТУШКИН

ЕГО НАДЕЖДА УМЕРЛА ВОСТОЧНЕЕ ШТАРГАРДА

Любовь на войне... Сколько людей, столько ассоциаций вызовет это словосочетание. Для одних — святыне и чистые страницы юности, забываемое время влюбленности в мир, в любимых, служения добру и ощущение счастья, скажочно неправдоподобное в переживаемый страшной период войны, несчастий, смертей, разрухи и голода. Для других — чистая физиология. Что-

то на уровне животных инстинктов, таких же как голод, ощущение холода, жажды и т. п. А также — платоническая любовь мальчишек, прежде женской любви открывших счет мести, ППЖ¹, случайные, ничем не закончившиеся, но памятные встречи. О любви можно говорить долго, но вряд ли исчерпашь все ее оттенки, глубину и многообразие.

Сергей Павлович Шпуняков (к глубокому сожалению ушедший из жизни 2 января с.г.)² рассказывал мне, что в их знаменитом 402-м истребительном авиационном полку, летчики которого сбили в годы Великой Отечественной войны больше всех самолетов противника, сражался летчик Дмитрий Николаевич Ащаулов. Человек необыкновенной судьбы. Жаль, что о жизни его сохранилось так мало свидетельств. Родился в Первую мировую войну в 1915 году, в г. Глухове Черниговской губернии³. Окончил знаменитую авиационную школу в Каче. Гвардии капитан, командир эскадрильи, он не дожидаясь Победы совсем чуть-чуть — погиб 6 марта 1945 года. Интересно и вот что: Ащаулов имел более 500 боевых полетов (!) и 24 сбитых самолета на своем счету. В списке самых результативных летчиков-истребителей страны его имя должно стоять в первой сотне⁴. Достаточно сказать, что у дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана было 603 полета и 105 боев⁵, в которых он сбил лично 30 и в группе — 19 самолетов. Однако напрасно вы будете искать имя Ащаулова среди Героев Советского Союза, хотя звание Героя присваивалось в начале войны за 10 сбитых машин противника, а в конце ее — за 15. Причем ему было сложнее других: начинал он войну бомбардировщиком, а погиб истребителем. Истребитель — это характер. Истребителем надо родиться, говорят летчики.

Я, разумеется, заинтересовался, почему летчик не был награжден по справедливости? Сергей Павлович призадумался: стоит ли ворошить старые дела, тем более что не свои, а потом решился и рассказал мне историю роковой любви, которая стала причиной столь неординарной ситуации.

Дело в том, что два командира эскадрилий полка — Р. (назовем его так, позднее я поясню, почему не называю фамилии) и Д.Н. Ащаулов — почти одновременно попали в 402-й в апреле 1944 года и полюбили одну и ту же девушку Валентину. У них было много общего. Окончили одну и ту же летную школу, только Р. был на три года моложе. Р. служил на Дальнем Востоке, а затем, с апреля

1943 года, в 402-м полку. Ащаулов же воевал с декабря 1941 года. Произвел более 50 ночных вылетов на самолете СБ⁶. В середине 1943 года он — в 1-м гвардейском истребительном авиаполку 5-й Воздушной армии⁷. Оба были командирами эскадрилий. Р. только на Кубани освоил ночные полеты — патрулирование. Наконец, оба имели судимости, т. е., запятнанные биографии.

Разница была только в том, что Ащаулов окончил школу летчиков на три года раньше и везде шел на шаг, на полшага впереди Р. Не стало препятствием и то, что Р. был женат и имел детей.

Валентина служила в полку начальником вооружения самолета. Между Дмитрием и ею проявилась заметная симпатия. В свободное время они в коллективе чудесно напевно исполняли любимые песни. Знавший хорошо девушку Валентину и сочувствующий ей Сергей Павлович говорит, что у нее было сложное положение. Став в сентябре 1944 года командиром полка, Р. перевел ее в экипаж своего самолета. (Тогда же он был представлен к званию Героя Советского Союза.⁸) Так Р. вырвался вперед в этом любовном споре. На войне командир подразделения царь и бог. Он распоряжается всем. Даже жизнь подчиненных в его руках.

Вот пример из боевой биографии Шпунякова: «30 апреля 1944 года штаб дивизии поставил задачу... отражать массированные удары бомбардировочной авиации противника по наземным войскам... наскребли десять экипажей со всех эскадрилий. Меня согласился взять ведомым дальневосточник Павел Гаврилин...

Нашу сборную группу подняли с опозданием. Немецкие истребители с Анапы подошли к аэродрому на большой скорости, попарно свалились на нас со стороны солнца. Мы с Гаврилиным оказались отбиты от группы и отбивались за счет маневра с набором высоты... Один «месс» (вероятно, молодой) оказался точно надо мной, не видел меня, и плавно, имея большую скорость, выходил вперед по курсу. Я разглядел пузо, забрызганное маслом и даже увидел заклепки капотов, чуть подправил свой самолет, поймав в прицел противника и из

всех точек «влупил» свою долю пуль и снарядов вместе с ненавистью к врагу... От моих трасс он резко перевернулся на 180 градусов и в плоском штопоре стал падать... на бетонку аэродрома станции Крымской...

Гаврилин вышел из боя и взял курс на свой аэродром... Я... обратил внимание на то, что от хвоста его «Яка» вырвался дымный след. Я был совсем рядом уже. Осмотрелся. Нас не преследовали. Вижу, Гаврилин сбросил фонарь кабины, в горизонтальном полете отстегнул привязные ремни и выбросился из кабины. Он благополучно раскрыл парашют...

На аэродроме Р. не стал выслушивать мои откровения, обозвал меня трусом и закончил свою тираду так: «Если Гаврилин завтра не прибудет в полк, сам тебя расстреляю». Отобрал мой пистолет, вызвал адъютанта эскадрильи старшего лейтенанта Чередниченко, чтобы меня покараулил... Признаться, такого оборота я не ожидал. Настроение было отвратительное, меня душила обида... О том, что я сбил «месса», никому не докладывал. В 12 часов ночи поисковая группа привезла Гаврилина с парашютом. Он сразу узнал про мою беду... В гневе на Р. за «такой разбор полета» Гаврилин принес мне обратно пистолет. Мы поужинали с «боевыми ста граммами», поплакали и уже под утро 1 мая 1943 года уснули».⁹

Понятно, что девушка колебалась в выборе, была не свободна в нем, она не смела его сделать, так как неверный шаг грозил слишком большими осложнениями. Окончательный выбор собиралась сделать после Победы.

Однако Р. шел напролом. Он бросил семью. Девушке вариантов не предлагал. Более того, жутко ревновал Валентину. Случалось, даже бил. Именно по этой причине я не считаю себя вправе называть фамилию Р., хотя для посвященных это не является тайной. Поверяя потом иногда свои размышления Шпунякову, она считала себя в какой-то степени виноватой в бедах Дмитрия.

Р. не раз говаривал, что пока ему не присвоят звание Героя, Ащаулову не бывать Героем. И просто не делал представление на звание. А при случае говорил, что дисциплина у комэска хромает, много о себе думает. Командиры понимающе переглядывались, и все шло как шло. Не все с этим соглашались. Летчик Федоров пострадал из-за своего мнения, что так себя вести нельзя — это позорит самого командира. Его представление к званию Героя было оттянуто насколько возможно.

Некоторый дополнительный свет на это проливают строки из книги Н. Г. Бодрихина «Советские асы»: «Суд Военного трибунала в 1943 году осудил его (Ащаулова) на 10 лет, «предоставив возможность искупить свою вину на фронте». Его вина состояла лишь в том, что он был нужен как жертва недобросовестным командирам, пытавшимся переложить ответственность за свои просчеты на подчиненных и скрыть свое служебное несоответствие».¹⁰

Что ж, для желавшего удачи в любви соперни-

ка это обстоятельство было подарком небес. Какое может быть представление к званию Героя при такой строке в биографии? Хотя Шпуняков говорит, что и Р. тоже был под судом. Может быть, именно из-за этого от представления до награждения его прошло пять военных месяцев. 23 февраля 1945 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР.¹¹

Через десять дней погиб Ащаулов. Погиб, так и не представленный к званию Героя. Чтобы не быть голословным, и не возводить напраслину на командира Ащаулова, я решил обратиться к архивам. Запросил из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, расположенного в г. Подольске Московской области, сведения о наградах Ащаулова. Может быть, все же его представляли? Ведь в годы войны из 400 тысяч представленных к званию Героя получили звание только немногим менее 12 тысяч...¹² Но нет. Сергей Павлович не обманул меня. Строки документа говорят об этом бесстрастно, не упоминая, конечно, никакого соперничества в любви.¹³

Гвардии капитан Дмитрий Николаевич Ащаулов, в Красной Армии служил с 1932 года, в 1936 году окончил Качинскую военную авиационную школу, в боях Великой Отечественной войны на Волховском и Калининском фронтах с 9 декабря 1941 года. К 30 июня 1943 года, являясь командиром авиаэскадрильи 1-го гвардейского истребительного полка, произвел 50 ночных вылетов на самолете СВ, бомбардировал города, аэродромы, уничтожил семь вражеских самолетов. С ноября 1942 года летал на самолете Як-7В, в должности командира эскадрильи — с 11 декабря 1942 года, на его счету имеется еще один лично сбитый самолет врага, а летчики эскадрильи сбивали семь самолетов противника. Приказом по 5-й Воздушной армии он награжден орденом Красного Знамени. Сведений о вручении награды нет. В наградном листе к приказу 16-й Воздушной армии в январе 1945 года, когда Ащаулов был награжден очередным орденом Красного Знамени, указано: «...гв. капитан, командир эскадрильи 402 иап представляется к ордену «Красное Знамя»..., 1915 г. р., в Отечественной войне с 01.01.1942 г. (так в документе), ранен 28.04.1944 г. в ногу, в Красной армии с 1932 года, ранее награжден орденом Красного Знамени, приказ 3 Воздушной армии № 0339, орден вручен 01.01.1944 г., орденом «Отечественной войны» 1 ст. приказом 2-го иап № 0131 от 06.08.1943 г.

Тов. Ащаулов с 01.01.1942 г. лично сбил 12 самолетов..., будучи в 1-м гв. иап награжден орденом Отечественной войны 1 ст. 06.08.1943 г. и орденом «Красное Знамя» 10.12.1943 г. После последнего награждения, будучи в 1 гв. иап, сбил 3 самолета противника. В 402-м иап с апреля 1944 г., совершил 40 успешных боевых вылетов, провел 11 воздушных боев, в результате которых лично сбил 4 самолета».

Второй орден Красного Знамени был вручен, и летчику, согласно справки, выдали временное удостоверение.

Завершается справка словами: «В имеющихся на хранении документах 1 гв. иап и 402 иап, а также 265 истребительной авиационной дивизии за 1941—1945 гг. сведений о представлении Ащаулова Д.Н. к званию Героя Советского Союза нет.

Наградных документов 2-го истребительного авиационного корпуса за 1941—1943 гг. на хранении нет».¹⁴

Так подтвердилось то, о чем в минуту откровения рассказал мне однополчанин Дмитрия Николаевича Ащаулова Герой Советского Союза Сергей Павлович Шпуняков. Явная несправедливость по отношению к отважному летчику не была исправлена ни сразу после его гибели, ни в послевоенные десятилетия. Однако сводная таблица лучших асов советской авиации, составленная и опубликованная в последнее десятилетие (книга В. Швабедиссена «Сталинские соколы»¹⁵ и Н.Г. Бодрихина «Советские асы»¹⁶), высветили абсурдность такого положения. Восемь из первой сотни асов советских ВВС сбили столько же самолетов противника, что и Ащаулов: это Лавейкин, Гальченко, Горохов, Зеленов, Зудилев, Назаренко, Егоров и Осадчиев.¹⁷

А что же судимость? Слава богу, к тому времени летчиков уже не посылали в штрафные батальоны. Они воевали в летных спецподразделениях по принципу «до первой крови». В 1944 году судимость с него была снята. Восстановлен в звании. Направлен в 402-й Краснознаменный Севастопольский иап, который за время войны больше всех сбил самолетов противника, но гвардейским так и не стал. О командире 3-го авиакорпуса Е. Я. Савицком однополчане говорили, что он «скуп на награды и звания». Р. после войны стал командиром дивизии, генерал-майором. Умер в 1986 году. Супруга Валентина Михайловна все эти годы была с ним.

Что касается Ащаулова, то он особенно отличился на Штеттинском направлении, где сбил восемь вражеских самолетов. 21 февраля 1945 года был принят в партию, то есть по существовавшим в то время правилам, полностью реабилитирован. Политдонесение 265-й дивизии гласило: «показал себя умелым, мужественным командиром и воспитателем личного состава, не раз показывал отва-

гу... и дерзость в бою, являясь личным примером для своих подчиненных». О его гибели в боевых донесениях сказано скупое: «6 марта 1945 г. Ащаулов и его ведомый лейтенант Радчиков сбили по ФВ-190, а в следующем вылете «...в 19.25 в районе Штаргарда встретили 12 ФК-190, с которыми вели бой на высоте 3000 метров. В процессе боя лейтенант Радчиков вышел из боя вследствие того, что (у самолета) выпали шасси... Гвардии капитан Ащаулов один вел бой с численно превосходящим противником, был атакован тремя ФК-190 и сбит. Самолет Як-3 № 2319 упал в 5-6 км восточнее Штаргарда...»¹⁸

Жестокая действительность не дала Валентине сделать свой осознанный выбор между соперниками после войны. Восточнее города Штаргарда эта надежда умерла. Там же умерла надежда Дмитрия Ащаулова на справедливость.

А у меня еще теплится надежда, что Родина, которую Дмитрий Николаевич любил не меньше других летчиков, наконец-то оценит его подвиги и ему посмертно присвоит звание Героя России.

Примечания

¹ Полевая походная жена, как называли временных женщин, «прилепившихся» к офицерам
² Герой Советского Союза, уроженец д. Слутка Новгородского района Новгородской области.

³ Справка ЦАМО РФ от 2.04.2001. Архив рабочей группы Книги Памяти.

⁴ Н.Г. Бодрихин. Советские асы. С. 188, 190.

⁵ Там же. С. 190.

⁶ В тексте справки ЦАМО РФ написано СВ.

⁷ 29 иап 6 декабря 1941 г. стал 1-м гв. иап. С 1943 года — Красногвардейский ордена Ленина и Кутузова 3 ст. иап. Энциклопедический словарь «Великая Отечественная война. 1941—1954» М., 1985. С. 201.

⁸ За 123 боевых вылета, 51 воздушный бой и 16 сбитых са-

молетов.

⁹ Архив рабочей группы Книги Памяти. Воспоминания Героя Советского Союза С.П. Шпунякова.

¹⁰ Н.Г. Бодрихин. Указ. соч. С. 19.

¹¹ Там же. С. 175.

¹² Герои Советского Союза. Краткий биографический справочник. В 2-х томах. М., 1987. Т. 1. С. 7.

¹³ Справка ЦАМО РФ от 2.04.2001. Архив рабочей группы Книги Памяти.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В. Швабедиссен. Сталинские соколы. Мн., 1997.

¹⁶ Очерки о советских летчиках. М., 1998. С. 237, 19.

¹⁷ В. Швабедиссен. Указ. соч. С. 187—188.

¹⁸ Н.Г. Бодрихин. Указ. соч. С. 19.

ЗВЕЗДА ЧЕКИСТА МИХЕЕВА

Наступит погожая ясная ночь, и на темно-синем небосводе засветятся далекие и близкие звезды. Все они разом отразятся в спокойных водах широкого Волхова, что течет у самого

дома. Василий Петрович облокотится на перила балкона и будет пристально всматриваться в искрящиеся мириады. Где она, та звезда, далекая и такая родная?..

Телеграмма из обсерватории

«Уважаемый Василий Петрович. Научная коллегия международного планетарного центра, расмотрев Ваше предложение и пойдя навстречу пожеланиям жителей города Алейска Алтайского края, решила присвоить небесному телу № 2438 имя Вали Олешко».

Из сообщения в газете «Известия»

«Новой малой звездой, открытой советскими астрономами, присвоено имя бесстрашной разведчицы, отважной дочери России, комсомолки, истинной патриотки, действовавшей в тылу врага, Валентины Иосифовны Олешко, (1924-1943), уроженки Алтайского края».¹

Эти два документа хранятся в письменном столе новгородца Василия Петровича Михеева, Почетного чекиста СССР.

У астрономов стало традицией называть открытые небесные тела именами сыновей и дочерей Отчизны, жизнь и подвиги ушедших в бессмертие защитников Родины связывать с названиями планет и звезд. Так возник Космический мемориал. Сейчас в нем насчитывается около полусотни памятников. По предложению астронома Татьяны Михайловны Смирновой², открывшей малую звезду, она стала называться именем Вали Олешко. На фотографии, которую я нашла в архиве, изображена улыбающаяся девушка с непокорными вьющимися волосами. Что она сделала для того, чтобы ее имя засияло в космическом пространстве в созвездии героев?

В августе 1942 года разведывательный отдел штаба Ленинградского фронта забросил в Гатчинский район, оккупированный немецкими войсками, советских разведчиков-парашютистов. Руководителем одной из групп была 19-летняя Валя Олешко. И только через месяц стало известно, что все девять человек вычислены и схвачены фашистской контрразведкой 18-й армии группы войск «Север», блокировавшей Ленинград.³

Валя Олешко. Деревня Березняки, 1942 год

Попав в засаду, парни и девушки ждали допросов, истязаний, а потом и казни. Но их освободили из-под стражи и предоставили возможность спокойно жить в тылу у немцев. Видимо, немцы пытались их завербовать, и Валя первая это поняла. Итак, в течение полугода группа Вали Олешко в тылу врага вела радиоигру с асами немецкой разведки.

У молодой разведчицы возникает дерзкий и полуфантастический план: выкрасть у начальника контрразведки папку с документами, а его самого захватить на лесной дороге, когда он поедет на встречу с командующим 18-й немецкой армией. Затем шефа абвер-группы доставить к вызванному по радиации самолету и переправить через фронт к своим.⁴

Начальник отдела контрразведки штаурбанфюрер СС Детлев Леберехт Отто Эгон фон Вакербарт — выходец из богатой аристократической семьи, потомок старинного рода, член нацистской партии с мая 1938 года. «Проявил себя как способный военный в Греции, где жестко подавил народное восстание в горах. Выследил и уничтожил сильную афинскую партизанскую группу. Опытный контрразведчик, хладнокровный, хитроумно просчитывает предстоящие шаги противника как блестящий шахматист, при этом неустанно совершенствует самые разнообразные методы провокации...». С такой служебной рекомендацией он переводится на службу под Новгород. Именно фон Вакербарт становится одним из организаторов карательных действий на оккупированных территориях к северу и западу от Новгорода. Он инициатор провокаторского отряда ГФП-520, ягд-команд — 38, 46, особо карательной — латышской.⁵

Смелая и дерзкая операция была назначена на 5 марта 1943 года. Все было подготовлено — расчищена площадка в глуши леса для самолета, установлена связь с радистом, работающим в Нарве

на конспиративной квартире. По валиному сигналу нарвская радистка должна была вызвать самолет. Но сигнала не последовало. Кто-то предал, и по доносу все участники заговора были арестованы. Ранним утром молодых разведчиков вывели на расстрел. На груди — таблички с надписью «шпионы».⁶

...Десять лет спустя после той казни, Михеев, новгородский чекист, просматривая следственные дела на изменников Родины в годы Великой Отечественной войны, обнаружил копии приказов немецкого командования, в которых 19-летняя девушка Валентина Михеева значилась как резидент агентурной разведки НКВД. По просьбе Василия Петровича были подняты в то время секретные данные на нее. В учетной карточке, которая хранилась в Москве, в Центральном архиве КГБ⁷, стояла запись, сделанная в 1943 году: «Связь с группой не установлена. Судьба членов группы неизвестна. Предположительные данные: захвачены в плен контрразведкой 18-й армии». И была в ней еще одна особая отметка: «Не исключено, что совершено предательство. Проверить».

Наконец через месяц поступают сведения: разведчики захвачены абвером. Всё как бы сходилось: состав группы, явки, имя и возраст командира, не совпадала лишь его фамилия. У немцев Валя значилась как Олешко, а в учетной карточке в разведывательном центре — как Михеева.

Другой человек, наверное, не стал бы вдаваться в подробности — мало ли разведывательных групп было заброшено в тыл к врагу. Тысячи. Тем более у офицера оперативно-следственного отдела и так много работы. Где взять время заниматься исследованием архивных данных о рядовых бойцах? Но Василий Петрович решает установить истину. Ему на память приходит одно обстоятельство, связанное с судебным разбирательством в отношении изменника Родины Валентина Шилина.

*Валентин Шилин — агент немецкой разведки. На следствии он дал показания о том, что в тыл к немцам была заброшена советская разведчица Валентина Михеева, которая, якобы, сдалась добровольно немцам и начала на них работать.*⁸

Следователь Михеев решает поднять все архивные данные, связанные с разведчицей. Начинается переписка с военными архивами.

— Василий Петрович, скажите откровенно, в тот момент, наверное, вас беспокоило, что у преступницы ваша фамилия? — прямо спросила я.

— Да, это меня больно задело. Но тут сыграл мой принцип — везде и всюду доходить до истины. Я должен был снять завесу тайны над фамилией. Мне казалось, что здесь что-то не так, может быть заблуждение или даже ошибка писаря... Всякое могло быть.

Дальнейшие поиски вывели чекиста на следственное дело другого карателя, служившего в немецкой полиции, — Валентина Клочкова. Из архива было запрошено дело на его имя. Допрос проводил следователь военной прокуратуры Ленфрон-

та в 1944 году (Дело №1080).⁹

Оказалось, что Клочков был вовлечен Валею в группу по осуществлению своего дерзкого замысла. Он признался на следствии: «У группы был план захвата документов и майора Вакербарта. Этот план мне сообщил член нашей группы Михаил Лебедев и предложил мне принять участие».

Клочков сначала соглашается идти со всеми на рискованный шаг и даже помогает Вале. По поручению немецкого командования они вместе поехали в Нарву, где Валя должна была улучшить момент и незаметно пробраться на окраину, установить связь с нарвской радисткой, после чего вызвать самолет...

Но вернемся к следственному делу.

«Следователь: Из трофейных документов абвер-группы видно, что именно вы поставили в известность немецкое командование о предстоящем заговоре. Вот так и зафиксировано. Есть донесение, что группа пленных разведчиков ведет подпольную работу в деревне Лампово.

Клочков: Да, я предал. Но мне ничего не оставалось делать. Немцы уже знали о валином плане. Я увидел, как из комендатуры выходили наши девушки Мария и Женя. Когда меня привели на допрос, было ясно, что зондерфюрер уже осведомлен обо всем.

Следователь: Почему Вы не приняли мер, чтобы хоть как-то предупредить участников группы?

Клочков: Было уже поздно. Ведь если зондерфюрер уже знает, он немедленно примет меры. Я решил, что в моих интересах сообщить об этом заблаговременно».

Но в ходе следствия было установлено, что зондерфюреру ничего не было известно. Клочков сам явился в военную комендатуру и предал группу.

Василий Петрович путем сопоставления свидетельских показаний установил, что Михеева и Олешко — одно и то же лицо. Это молоденькая связистка, 1924 года рождения, уроженка Алтайского края. Она была взята в плен, находилась на свободном положении при отделе контрразведки группы армии «Север».

Но оставалось проделать еще огромную работу — установить дальнейшую судьбу Вали. Василий Петрович не отбрасывал и подозрения в том, что она перешла на сторону абвера.

И, наконец, в руках новгородского чекиста оказался секретный приказ¹⁰. Дата его подписания 5 декабря 1943 года. Из него следовало, что Олешко приняла участие в антифашистском заговоре и была расстреляна в марте 1943 года.

Михееву необходимо было доказать достоверность факта по отношению именно к этой радистке. Через Министерство обороны он установил место рождения Вали — деревня Плотова Алейского района Алтайского края.

Ну а какова же судьба Клочкова? По сообщению в Центр разведгруппы Вали Олешко, Клочков был произведен в обер-лейтенанты. К его фамилии немцы прибавили довесок Шварц. Клочков-Шварц щеголял в немецком мундире. Через ка-

кое-то время его переправили в знаменитую 5-ю партизанскую бригаду, где командиром был Карицкий, а комиссаром Сергунин. О миссии Ключкова партизаны уже знали: разведка получила необходимые сведения через внедренного в немецкую комендатуру своего человека — переводчика.¹¹

Валентин Ключков прибыл в отряд вместе с женой. Документы у них были в порядке. Встреча была уважительной. Их покормили и провели на посадочную поляну, где стоял самолет. И уже в самолете Ключков сообразил, что его «вычислили». Он, было, рванулся из салона, но вооруженный партизан преградил выход. Бывший полицай, как изменник Родины, был отправлен на Большую землю, чтобы предстать перед судом.

Долгие годы имя Вали Олешко находилось в черных списках предателей. Истинную информацию закрывала темная завеса... И только благодаря кропотливым поискам новгородского чекиста, честное имя Вали, имя разведчицы, было восстановлено.

— Василий Петрович, входило ли это в Вашу обязанность?

— В долг, — ответил он коротко.

За многие годы работы следователем, а потом и начальником следственной группы в УКГБ по Новгородской области Василий Петрович разыскал и установил имена и фамилии около полутора-ста изменников Родины. Предателей, служивших в карательных отрядах, батальонах, гестапо, полиции, жандармских и городских управлениях, за которыми тянутся преступления. Но самая большая его заслуга в том, что он восстановил не одно доброе имя настоящих патриотов, остававшихся в бесславии. Никто его за это не награждал, не поощрял. Он вел многодневные, а иногда и многолетние поиски, затрачивая свое личное время и считал это делом чести.

Чекистом он стал неожиданно для себя.

Молодым фронтовиком прошел всю войну в составе 7-го Гвардейского мотоциклетного полка и танковой армии, участвовал в боях на Курской Дуге, в Каменско-Подольской, Висло-Одерской операциях, принимал участие в освобождении Праги, взятии Берлина. После победы, в 1945, вернулся домой. Учился в Рижском военном политехническом училище. В 1947 был направлен на партийную работу в Новгород, восстанавливал разрушен-

ный город. Два года руководил одним из отделов горкома партии. Затем ему поступило предложение из Управления КГБ по Новгородской области перейти на чекистскую работу. Там оценили такие его личные качества, как выдержка, настойчивость, умение общаться с людьми.

Службу Василий Михеев начал младшим лейтенантом, ему поручили розыск государственных преступников. В ходе розыска преступников карательных батальонов №№ 654, 667, 668, отрядов ГФП-520, ягд-команды-38, особой истребительной латышской ягд-команды и других были восстановлены добрые имена патриотов Медведского, Шимского, Волотовского подпольного движения¹². Благодаря ставшей впоследствии легендарной тройке Почетных чекистов СССР — Василию Богову, Василию Михееву, Николаю Мистрову, коллег и друзей по жизни, — стали известны подлинные события, открылись новые страницы Великой Отечественной войны. Из небытия воскресла история борьбы в оккупации. Люди узнавали о подвигах своих соотечественников. Но имена самих чекистов оставались в тени.

Недавно Василию Петровичу Михееву исполнилось восемьдесят лет. Он и сегодня бодр, полон сил и энергии дружен с шахматами. Ухаживает за садом, много времени уделяет правнучке Варе. Не забывает и свою работу. Часто бывает в Управлении ФСБ по Новгородской области, делится опытом, помогает советом молодым чекистам, является председателем Совета ветеранов.

Примечания

¹ Известия. 1989. 10.3.

² Личный архив Почетного чекиста СССР В.П. Михеева.

³ Правда. 1974. 5. 8.

⁴ Архив УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 1086.

⁵ Чело. 2001. № 3.

⁶ Известия. 1974. 9. 8.

⁷ Центральный оперативный архив России. Д. Н-190944.

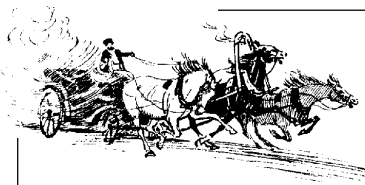
⁸ Архив УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 1086.

⁹ Там же.

¹⁰ Архив УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 49693.

¹¹ Из личного архива бывшего капитана разведотдела штаба Волховского фронта. 1941—1943 гг.

¹² Чело. 2003. № 3.

Элизабет ЛЕФСТРАНД

ТИХВИНСКИЙ АРХИВ В СТОКГОЛЬМЕ

В декабре 2003 исполнилось 100 лет со дня рождения Ксении Николаевны Сербиной, крупного ученого, известного специалиста по социально-экономической истории России. В своем фундаментальном исследовании «Очерки социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв.» она во всех аспектах осветила историю города и монастыря. Несмотря на то, что монография вышла в сталинское время, которое наложило на нее свой отпечаток, она до сих пор не утратила своего научного значения и в 1970 году переиздана в Париже.

Большое научное значение книги К.Н. Сербиной, ставшей классикой отечественной историографии, обусловлено не только исследовательским талантом автора, но и солидной источниковой базой, основу которой составляет Тихвин-

ский архив, хранящийся в Санкт-Петербургском институте истории РАН.

В конце 1990-х неизвестные исследователям тихвинские документы стали собственностью русской православной церкви в Стокгольме, откуда они были переданы в Государственный архив Швеции, где дополнили «Россику» — богатейшее собрание русских документов, благодаря которому этот архив снискал славу «золотой жилы для славистов».

Тихвинские документы Государственного архива Швеции представляют собой лишь небольшой фрагмент огромного монастырского архива, хранящегося в Санкт-Петербурге. На сегодняшний день они являются одной из самых крупных зарубежных коллекций монастырских документов допетровской Руси и ждут своего исследователя.

«Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и малыя и Белыя Руси самодержцу бьют челом богомольцы твои пречистые Богородицы Тихвина монастыря архимандрит Иона з братею. В прошлом, государь, в 181 году били челом тебе великому государю мы богомольцы твои на Петра Матфеева сына Арцыбашева и на сына его Григорей и на друзей их на Федора и Надежду Сиверицыных, что он Петр с сыном своим и с друзьями на Тихвинском посаде келаря Дионисия Путятина и казначея Пахомия безчестили и служек и крестьян били и секли и из пищалей по ним стреляли и застрелили монастырского нашего посадского человека Антошку Голубова до смерти да девочку ранили...»

Это ужасное событие случилось в Тихвине 6 апреля 1673 года. Далее в челобитной говорится о том, что Петр Арцыбашев после розыска на месте был препровожден в Новгород для суда, но ему удалось бежать и теперь он продолжает наводить страх на обитателей монастыря.

Петр Арцыбашев и его шайка часто упоминаются в документах так называемого Тихвинского архива, который в 1997 году передан в Государственный архив Швеции пастором православной Преображенской церкви в Стокгольме. В общей сложности он содержит около 1000 листов, разделенных на 8 книг и 51 столбец. Эти документы

Страница таможенной книги
из Тихвинского архива

составили еще одно звено в большом собрании русских документов XVII века Государственного архива Швеции, которое является самым большим за пределами России. Чаще всего такие документы попадали в Швецию в результате войны или торговли, но в данном случае их история частично скрыта во тьме веков.

Тихвинский монастырь был построен во второй половине XVI века по приказу Ивана Грозного как порубежная крепость для обороны от шведов. Монастырь рос вокруг церкви Успенья Богородицы, в которой с 1383 года находилась икона Тихвинской Богоматери, и монастырь получил свое название по имени Богородицы — Большой Тихвинский Богородицкий монастырь. Сюда со всей России стекались паломники для поклонения чудотворной иконе.

В XVII веке Тихвин стал важнейшим укреплением на северо-западной границе России. Болотистая местность в округе, богатая болотной железной рудой, стала базой экономического развития — железоделательной промышленности и торговли как сырьем, так и готовой продукцией. Но в городе, который рос вокруг монастыря, было много и других ремесленников — кожевников, сапожников, красильщиков, серебряников, иконописцев, свечников, хлебников. Посадские люди прикреплялись к монастырю, поэтому в монастырском архиве находились документы, которые касались жизни города, а также земельных владений монастыря.

Во время шведской интервенции начала XVII века Тихвин был захвачен шведами, в 1611 году. В 1613 году тихвинцы изгнали оккупантов из города и отразили все попытки шведов вернуть Тихвин. Память об этих событиях до сих пор жива в народе.

После Столбовского мира 1617 года Тихвин стал важным центром внешней торговли, которая процветала все столетие. В Стокгольме открылся Русский торговый двор, куда каждый год ездили торговые люди из Тихвина и других городов северо-восточной Руси. Связующим звеном между Тихвином и Стокгольмом была также чудотворная икона Богоматери из Стокгольма. Осенью 1670 года эту небольшую икону везли с собой тихвинские торговые люди, возвращавшиеся домой. В пути их застигла буря. Напуганные купцы стали молиться перед иконой о спасении, и буря прекратилась. С тех пор чудотворная икона была помещена в Преображенскую церковь в Тихвине, но после революции она была конфискована властями и пропала.

Тихвинский архив достался Русской Православной Церкви в Стокгольме в наследство от прихожанки Екатерины Кране, которая была вдовой норвежского дипломата Эйнара Кране (1883–1958). Когда и каким образом ему достались эти документы — неизвестно. Он служил в норвежском посольстве в Москве с 1921 по 1946 год. В это время он собрал ценную коллекцию икон, которые сегодня находятся в Национальном музее

Осло. Вполне вероятно, что в это же время к нему попал и Тихвинский архив.

У кого и как Кране купил тихвинские документы? Достаточно точно можно лишь определить их происхождение. На многих листах имеется штамп круглой печати с надписью «Архив Тихвинского Большого Богородицкого монастыря». Часть документов помещена в обложки, в качестве которых использованы бланки подписных листов пожертвований монастырю, отпечатанные в 1915 году. Поэтому, скорее всего, документы попали в архив до революции. Можно лишь предполагать, когда «шведские» документы отделились от основного комплекса.

Чрезвычайно большое значение для Тихвина имела деятельность одного из создателей краеведческого музея педагога, историка и этнографа Исаакия Петровича Мордвинова (1871–1925), свидетеля разорения монастырей, церквей, усадеб и других культурных ценностей. Он был убежденным революционером. В своем до сих пор неопубликованном дневнике он детально описал период с 1918 по 1925 год. В 1919-м Тихвинский монастырь превращен в коммуны. Вскоре последовала государственная конфискация церковного имущества. Дневник Мордвинова запечатлел уничтожение книг, рукописей и икон.

«Зашли в музей. Там творится что-то ужасное: всюду, начиная с коридора, раскиданы книги по грязным полам. Это валяется библиотека Дунова. Около стен по полу же груды образов, портретов, картин. Тут вся коллекция Буткевича... целый ящик столбцов, но посмотрел беголо и увидел много ценных неизвестных материалов для истории Тихвина.»

«В монастырской библиотеке я положительно опустил руки. Здесь больше сотни коробок со столбцами и в каждой коробке — тоже целые сотни. Навалены кучами. Несколько шкафов с архивными документами, в связках — сотни тетрадей. Зарегистрировать их — труд огромный, многолетний, а изъять ценное для печати сейчас невозможно. Библиотека в хаотическом беспорядке, все разбросано кое-как. Ценного очень много, особенно для истории. Есть часть книги Якова Ивановича Бередникова. В общем, один поверхностный осмотр занял несколько часов. Тут нужны годы упорной работы... Я ругаю монахов, зачем они не пустили меня сюда раньше.»

«В монастырской библиотеке было сделано много хищений. Сырость ужасная. В одном углу провалился потолок, течет на рукописи, они гниют. Столбцы целыми машинами высылаются в Устюжну кому-то на прочтение; были ли возвращены оттуда — неизвестно. Брал на дом рукописи Скородумов: все ли возвращены — неизвестно. Он описывал их, но описаний нет. Было рукописных книг много. Сохранился от 50-х годов их список, но по требованию архиерея все эти книги куда-то высланы... все утрачено.»

Таким образом, документы, которые сегодня хранятся в Государственном архиве Швеции, могли сбиться с пути уже в 1919 году. Но, к счастью, основная часть монастырского архива вывезена в Петроград прежде, чем она была рассе-

яна или уничтожена в разрушенной библиотеке.

Документы, переданные в Государственный архив Швеции, практически неизвестны русским исследователям. Они касаются управления Тихвинским монастырем и его собственностью. Среди них писцовые, таможенные, приходно-расходные книги, судебные выписи, челобитные и т.д. Книги (общим объемом 365 листов) — это чистовики или выписи из старых книг. Свитки (около 600 листов) — это оригинальные документы или черновики. Многие из них трудно читаемы, по причине многочисленных исправлений и небрежных почерков.

Документы архива охватывают период с 1624 по 1702 год. Исключение составляют две писцовые книги 1496-го и 1566-го, но в списках XVII века.

Интересны три таможенные книги архива 1624/25, 1631/32 и 1636/37. В них зафиксированы товары, которые день за днем везли в город. Таможенные сборы были привилегией монастыря с 1605 года. Каждая запись содержит имя купца или крестьянина, откуда он прибыл, у кого жил в Тихвине, какие товары какого качества и в каком объеме он явил в таможне. Перечень товаров конкретизирует повседневную жизнь 400

лет назад. Довольно часто встречаются продукты питания (мясо, рыба, лук, соль, огурцы, яблоки, пряники), вина (две бочки красного питья), пушнина (лиса, рысь, медведь), товары широкого потребления (мыло, гребни, рукавицы, шапки, кафтаны, ткани). Нередко упоминаются пистолеты. Возможно, их покупали местные дворяне, несшие военную службу и сами обязанные заботиться о своем вооружении. Типичным товаром были «черена карельские», которые комплектовались лезвиями в городе кузнецов Тихвине. Тихвинские ножи пользовались широким спросом на внутреннем российском рынке. Потребности монастыря в воске, свечах и ладане также получили отражение в таможенных записях. Несколько неожиданным товаром были «50 костей мощных». Мощи святых играли важную роль в православной обрядности.

Все упоминаемые персоны — мужчины. Однако документы позволяют заглянуть и в мир женщин (сделать некоторые наблюдения): «шапошник Гаврила Филиппов из каменного города в Новгороде явил два женских атласных колпака, шитых золотом, 6 бархатных колпаков, 6 узорчатых шелковых колпаков, 9 тафтяных колпаков, 30 бумазейных, 25 полотняных с бобровой опуш-

кой...». Производство шапок было хорошо развито в Новгороде, и только в 1650-х тихвинцы впервые составили конкуренцию новгородцам. В таможенных книгах встречается также косметика: «два лоскута румян». Русские женщины имели обыкновение сильно красить брови и румянить щеки.

В тот же день, 24 февраля 1624 года, в таможне была явлена «стопа бумаги». В России в то время не было своего бумажного производства, и всю бумагу импортировали, как правило, из Германии или Франции.

Единственным свидетельством торговых связей со Швецией является запись от 14 октября 1631 года. В этот день «явил» Василий Гробников 5 с половиной берковцов* свинца и 31 берковец шведского железа. Важнейшим продуктом шведского экспорта в XVII веке были металлы, прежде всего, железо и медь. Тихвинцы продавали в Стокгольме кожи, меха, мясо, сало и лен.

В феврале или марте в Тихвине проходила большая ярмарка. Она продолжалась четыре дня и совпала с Великим постом. В это время таможенная изба работала наиболее интенсивно. 24 февраля 1624 года ее посетили 58 торговых лю-

дей. Среди них — новгородец Сидор Федоров, который вез одежду: 23 «теплых» ферязи, 10 «холодных», т.е. бумазейных, 7 сарафанов, одна ферязь.

Тихвинский монастырь имел большие земельные владения в крае. Крестьяне и их земли регулярно переписывались светскими властями, результатом этих описаний были писцовые книги, которые отправляли в Москву для централизованного хранения. Монастырские власти всегда заказывали копии с этих книг, которые были нужны им, в частности, при решении поземельных споров. В Тихвинском архиве имеется копия писцовой книги Никиты Панина и подьячего Семена Копылова 1627–1629 годов по Заонежью — той части Восточной Карелии, которая никогда не была в шведском владении. Как и Тихвин, его оккупировали шведы, и некоторые священники указывают на привилегии, которые они получили от царя Михаила Федоровича, после того как шведы и русские воры покинули крепость.

Писцовые книги описывают погост за погостом по следующей схеме: церковь со всем инвен-

*Осада Тихвина шведскими войсками.
Из рукописной книги об иконе
Тихвинской Божьей Матери*

* Берковец — мера веса, равная 10 пудам.

тарем и убранством, затем села данного погоста, их жители, количество обрабатываемой земли, арендные платежи, лесные угодья, завершает описание сумма сборов.

Карельские церкви представляли собой деревянные шатровые храмы, некоторые из которых имели три или более куполов. Приоткроем дверь в храм Великомученика Георгия в Георгиевском Толвуйском погосте и посмотрим на иконостас:

«В церкви Божия милосердия образов в тьable Деисус с праздники с пророки у Вседержителя образа венец и гривна серебряны басмяни. Перед Деисусом паникадило медное о двенадцати шандалах под деисусом двери царские писаны краски, по правую сторону царских дверей образ Живоначальной Троицы. У него прикладу венец и гривны серебряны басмяни золочены, у него прикладу крест аспидной обложен серебром. Образ страстореппа христова Георгия обложен серебром басмы золочены венец и гривна резные с финифтом. В венец три вставки: два камешка червчатые да жемчужинка приклады две понагии серебряны золочены... — Образ Воскресение Христово, писан на золоте, венец серебрян. Перед образом свеча поставная восковая писало краски, на свечнике железное белое. Образ Воскресение Христово, во образе преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Образ Успенье Пресвятой Богородицы, образ чудотворца Николы образ Пресвятой Богородицы о тебе радуется. Все на золоте, перед ними по свече постановной поставной на свечники железное белое по левую сторону царских дверей образ пречистые Богородицы одегитрия, обложен серебром, басмы золочены. У пречистые Богородицы и у превечнаго мла-

денца венцы серебряны басмы золочены да на чепочке два креста серебряны один з жемчуги...»

«В олтаре за престолом образ Богоявление Господне, крест выносной, крест благословящей на золоте, хоругви на красках, евангелие на престольное... да книги устав писменой, две псалтыри: одна печать московская, а другая писменная, евангелие толковое писменное ж, два апостола печать московская, три трифолия писменные, минея обчая, часовник печать московская, два пролога писменные...»

Таким же образом описана боковая часть алтаря, посвященная Николаю Чудотворцу. На церковной колокольне находилось «два колокола, один весов в 5 пуд и другой в пуд».

Удивительно, что обычная сельская церковь так богато украшена. Возможно, что Заонежье в XVII веке было не таким бедным, как сегодня. Согласно писцовым книгам в погосте было еще две церкви поменьше, но тоже довольно богатых. В одной из них висел колокол весом в три пуда.

Столбцы Тихвинского архива все еще ждут тщательного исследования, что представляет собой большую работу. Как всегда, книги являются собой более доступный источник по сравнению со столбцами. Кроме разных документов, касающихся «дела Арцыбашева», в столбцах есть списки монастырских служителей с указанием их годового жалования, сведения о плате за различные виды работ, челобитные кузнецов, реестры городских дворов и их жителей, списки монастырских лошадей и инвентаризация монастырского движимого и недвижимого имущества.

Подготовил к печати и перевел с шведского Геннадий Коваленко

Александр АНТОЩЕНКО

ПРАЗДНОВАНИЕ 1000-ЛЕТИЯ РОССИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

*Все празднуют сей день единою толпою
Вельможа блестящий, и мирный гражданин,
И под одеждою невзрачною, простою,
Но с сердцем радостным довольный селянин...¹*

Приведенные строки взяты из стихотворения, преподнесенного императору Александру II в день торжественного освящения памятника 1000-летию России в Новгороде. О торжествах, состоявшихся в этот день в древней столице Русской земли, известно многое. Это оправдано и понятно, поскольку именно Новгород стал центром празднеств, оттеснив на короткое время столицу Российской империи на второй план. Однако Санкт-Петербург, в отличие от Москвы, где не было никаких значительных юбилейных мероприятий, не пожелал оставаться в стороне от все-российского торжества. Более того, еще задолго до юбилея, когда только начиналось сооружение монумента в Новгороде, на «высочайшее рассмотрение» было представлено описание памятника, который следовало возвести в Санкт-Петербурге. Его автор, вольнопрактикующий архитектор А.И. Ла-Дан, так обосновывал свою идею:

«Началом Руси полагается призвание первых ее правителей, венцом ее тысячелетия будет освобождение крестьян.

Поводом к первому событию была неуряди-

ца, к последнему привело Россию образование.

Начало порядка нашего в Новгороде, начало нашего образования в Петербурге. Далеко ушла Россия в последние сто пятьдесят лет, на пути просвещения. Не грех ей, в день своего совершеннолетия, сказать Русское «спасибо» и тем народам, которые ей в том помогали.

Вот начала, из которых возникла у меня мысль о том, не справедливо ли бы было, в день тысячелетия России, независимо от монумента возводимого в Новгороде, воздвигнуть другой в Петербурге. Монумент этот, будучи всенародным изъявлением признательности России к тем народам, которые споспешествовали ей на пути просвещения, послужит вместе с тем и несокрушимым памятником одному из самых славных дел России. Лучшая добродетель народа как и человека, чувство признательности. Монумент должен состоять из четырехгранного пьедестала, по углам которого поставлены четыре трубящих ангела. На пьедестале статуя Петра I в одежде Сардамского плотника. Пожатием правой руки благодарит он представителя Голландцев, а левой призывает небо в свидетели искренности. С четырех сторон пьедестала отдельные барельефы, изображающие Императрицу Екатерину II, Императоров Александра I, Николая I и Александра II в группах современных им представи-

Иллюминация 8-го сентября в Петербурге

телей тех европейских держав, которые чем-либо содействовали России к развитию в ней просвещения. Место для монумента я бы полагал на Знаменской площади, перед воксалом Николаевской железной дороги»².

Но воспоминания о роли западных держав в Крымской войне были, по-видимому, еще очень свежи, поэтому на проекте собственноручно «Его Императорским Высочеством» было написано: «Отвечать ему, что это вздор». Однако, понятно, что такая оценка никоим образом не могла повлиять на решение отмечать тысячелетие в Петербурге.

За несколько дней до праздника, 5 сентября 1862 года, «Северная почта» поместила императорское повеление:

«В день празднования открытия памятника тысячелетию России 8 сентября совершить в Санкт-Петербурге в Исаакиевском соборе торжественную литургию и после оной молебствие в присутствии генералитета, дворянства, должностных лиц, купечества и всех городских цехов; для народа же устроить праздник в Летнем саду и на Марсовом поле с музыкой, песенниками и эквилибристами. Вечером город иллюминировать, устроить главную декорацию, изображающую памятник тысячелетию России на Казанской площади». Средства на проведение праздника было решено взять из городской казны.

Торжественная литургия в Исаакиевском соборе, открывавшая торжества в Санкт-Петербурге, завершилась вскоре после полудня. После нее был отслужен молебен на Петровской площади, на которой было возведено обтянутое малиновым сукном возвышение (или «эстрада», как называл его в своем репортаже корреспондент «Сына Отечества») с расположенными по его углам золотыми паникадилами. На возвышении были «два налая и стол, покрытые золотою парчею», а на столе — серебряная чаша для святой воды. Представители ремесленных цехов «со своими значками» заняли места вокруг возвышения, на котором разместилось духовенство. «Ровно в половину первого, — описывал события корреспондент «Сына Отечества», — взвилась ракета, извещающая, что молебен в Новгороде начался (об этом дано было знать по телеграфу), раздались пушечные выстрелы и начался молебен с водосвятием и коленопреклонением. По окончании молебна взвилась вторая ракета, извещавшая об открытии памятника, и вслед затем снова раздались выстрелы. После многолетия духовенство, предшествуемое певчими и хоругвями, сошло с эстрады и возвратилось в собор»³. Народ же направился к Царицыну лугу, где располагались палатки «со съестными припасами», и были устроены «балаганные представления». В центре города также были устроены гулянья, о которых подробно повествовала «Северная почта»: «Для публики, которая желала погулять чисто по-русски, устроено было празднество на Марсовом поле и в Летнем саду. Обширное пространство

Марсова поля покрылось палатками из белой парусины, где посетители могли не только удовлетворить свой голод и жажду, но и найти разные простые забавы, как-то кукольную комедию, рапк, песельников и т. п. Были устроены также качели и в течение целого дня самые разнообразные, пестрые толпы народа во всех направлениях двигались по Марсову полю. По весьма удачному распоряжению полиции езда в экипажах по улицам, прилежащим к месту народного гулянья, за исключением экстренных случаев, была запрещена, и потому народ мог свободно веселиться, не опасаясь попасть под лошадей и колеса. Густыми массами двигались гуляющие по аллеям Летнего сада, хотя нет никакого сомнения, будь погода несколько лучше, то стечение народа было бы еще более»⁴.

Как сообщала «Северная пчела», публика веселилась и за городом: в Александрийском парке, на Крестовском и Петровском островах, в Павловске и Екатерингофе. Везде звучала музыка, устраивались фейерверки. Более других отличился изобретательностью в организации праздника И.И. Излер. Он представил своим посетителям «сиамский карнавал с большой конной процессией», изображающий торжественный въезд сиамского короля в свою столицу на ученом слоне, привезенном из Ост-Индии. «Кого и чего [только] не было в этой процессии, — восхищался корреспондент «Северной пчелы», — даже китайки путешествовали в ней с фонарями, группируясь около несгораемого рыцаря, пародирующего под залпами ракет, бураков и римских свеч»⁵.

Одновременно с народными гуляньями «в час пополудни» начались бесплатные театральные спектакли, билеты на которые были заблаговременно розданы в полицейских управлениях частей и кварталов. Так как билеты раздавались «без разбору», то театральная публика в этот день сама представляла собой весьма необычное зрелище. «Около франта со стеклушкой в глазу, — описывал ее корреспондент «Сына Отечества», — преважно разместились лихая борода, в соседстве с модною шляпкою и громадным кринолином сидел молодец — писарь или унтер, там красовалась баба, торговка или солдатская жена с семейкою и даже с крошечным ребенком. Разнообразная, самая разнокалиберная была эта толпа зрителей, с радостью воспользовавшаяся случаем побывать в театре бесплатно, и нужное только было внимательно всмотреться в сияющие от радости лица наших простолудинов, нужно было видеть с каким напряженным вниманием они следили за каждым движением актеров, чтоб удостовериться в том, что привлечь народ в театр задача вовсе не так трудна»⁶.

В Большом театре в этот день ставили балет «Метеора», а в Мариинском — «Жизнь за царя», что вполне соответствовало историческому характеру праздника. Правда, как признавался корреспондент «Сына Отечества», сложность восприятия балета и оперы определила то, что здесь

преобладала публика, относящаяся к «образованному классу». Зато в Александринке, где представляли историческую быль «Иголкин» и несколько водевилей, а также в Михайловском театре, труппа которого играла пьесу А. Н. Островского «Бедность не порок», много было «простонародья», живо реагировавшего на происходившее на сцене.

В семь часов вечера зажглась иллюминация, и был приостановлен проезд по улицам, привлекающим к Невскому проспекту. «Экипажное гулянье» было разрешено лишь в один ряд. Причем экипажи, доехав до Аничкова моста, должны были «отправляться, куда им угодно, но не опять на гулянье», — заметил корреспондент «Северной почты». По свидетельствам очевидцев, иллюминация представляла собой впечатляющее зрелище. «Огненным в четыре ряда полушарием обогнули Дворцовую площадь ярко освещенные здания Сената и Главного штаба», увенчанная шпилем башня Адмиралтейства освещалась двумя рядами огней, размещенных по верхнему и нижнему карнизам, иллюминированы были памятники Петру Великому, Барклаю де Толли, Кутузову, вокруг памятника Николаю I висели гирлянды из розовых огней. Разноцветными огнями сияли здания Думы, Гостиного двора, сквер

Александрийского театра. Противоположный берег Невы приковывал взгляды гуляющих иллюминацией здания Биржи и освещенным силуэтом Петропавловской крепости. Особенно выделялись украшенные разноцветными огнями декорации с транспарантами перед домами военного генерал-губернатора и обер-полицмейстера. На транспарантах видны были цифры 862 и 1862. Однако центром всего этого светового действия стала площадь перед Казанским собором. Здесь был воздвигнут освещенный макет памятника тысячелетию России, который как бы переместился на короткое время из древней столицы Русской земли в новую столицу Российской империи, символизируя тем самым связь времен.

Примечания

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1894. Л. 83.

² РГИА. Ф. 207. Оп. 3. Д. 10. Л. 1–2. Сохранена пунктуация источника

³ В Петербурге: листок первый // Сын Отечества. 1862. 10 сентября.

⁴ 8 сентября в Петербурге // Северная почта. 1862. 11 сентября

⁵ Петербургское обозрение // Северная пчела. 1862. 11 сентября.

⁶ В Петербурге: листок второй // Сын Отечества. 1862. 10 сентября.

Поддержка данного проекта была осуществлена АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

ОРГАНИЗАТОР ТИПОГРАФИИ В БЕЛОЗЕРСКЕ

В декабре 1917 года власть в городе Белозерске перешла в руки Исполнительного Комитета, Совета рабочих, солдатских и красноармейских депутатов. Перед исполкомом стояло много важных и наболевших проблем, а самая главная из них — продовольственная. Требовалось срочное решение и вновь возникавших вопросов. Исполкому был необходим свой печатный орган — газета. Выпуск листовок с обращениями, резолюциями, воззваниями помогал доносить до населения вердикты Советов. Но этот выпуск носил разовый характер. А для освещения всех дел, происходивших в уезде, требовалась газета. У новой власти типографии не было. Свои первые решения Уездный Исполнительный Комитет издавал в виде листовок в типографии М.Т. Череповской. Специальные машины и механизмы для выпуска газет в частных типографиях Белозерска отсутствовали. Организацию советской типографии поручили Василию Кузьмичу Огваздину. Из приведенной ниже автобиографии станет понятен выбор Уисполкома.

«Я, Огваздин В.К., рождения 1892, происхожу из граждан г. Белозерска из рабочей семьи, родился в доме по Коммунистической ул., д. № 122. По окончании Белозерского городского училища я поступил мальчиком в типографию к Андрею Михайловичу Ломиковскому... И поехал во вновь открытую им типографию в гор. Данилов Ярославской губ. в 1908 г. учиться типографскому искусству.¹ Таковое учение закончил осенью в 1910 г. Из учеников приехал к родителям в Белозерск и поступил в частную типографию в Белозерске наборщиком-печатником к Марии Тимофеевне Череповской и работал до призыва в царскую армию, т.е. до 20 октября 1913 года. В конце октября 1913 года был призван на военную службу и назначен в команду писарей Главного Артиллерийского склада в С.-Петербурге, что размещалась в Петропавловской крепости. После прохождения строевой учебы и принятия присяги я был определен

в Главную канцелярию писарем и одновременно, как наборщик, взят на особый учет.

С первых месяцев канцелярской работы я также был пользован в военных типографиях Петербурга, где стал пополнять свои знания по наборному делу и политически развиваться, читал разные газеты и уже в них разбирался. В начале первой мировой войны, в 1914 г., я уже был старшим унтер-офицером, т.е. старшим писарем и лучше разбирался в политических делах. Даже следил за газетами разных направлений и имел хороших друзей из солдат-революционеров... 25 февраля (1917 г.) мы в крепости сидели под большими замками, но предполагали, что в городе спокойно. В этот вечер первым выступил Волынский гвардейский полк... Утром 26 февраля весь гарнизонный состав офицеров был арестован и крепость была уже в руках революционной армии, где я принимал активное участие с другими товарищами-солдатами.

После созыва Первого Петроградского Совета Раб. и Солд. депутатов я был депутатом гарнизона Петроградской стороны

от крепости и введен был в военную секцию при политкомиссаре Позерне... Петроградский гарнизон был хозяином положения в Петрограде несколько дней. В эти дни все горело под ногами солдат и всюду пожары. Борьба была на смерть, полиция, жандармы, юнкера и дворянское офицерство не сдавались. На улицах повсюду трупы, Невский проспект завален убитыми. Марсово поле принимало убитых. Освобожденные из тюрем разные люди — голодные, в тряпье грабили магазины, склады, квартиры бежавшей буржуазии. Если кто читал «Пожар Московский» при Наполеоне — напоминал, подражал эту картину Петроград...

Я после Октября находился в охране Главного телеграфа вместе с матросами. Много видел ужасных картин...

После Октября или в начале ноября 1917 года я встретился с тов. Г.И. Васиновым, М.И. Заваль-

Василий Кузьмич Огваздин

*Коллектив типографии и редакции. Белозерск, 1918 год.
В первом ряду с гармошкой В.К. Огваздин*

невым, И.П. Завариным, Ф.И. Кириковым², которые, зная меня по работе, охотно пригласили меня как наборщика на работу в Белозерск, я согласился. Эти люди через Совет демобилизовали меня из армии в распоряжение Белозерского Уисполкома. Я с тов. Завариным остались в Петрограде закупать типографию для Белозерского Уисполкома³. И таковая была полностью закуплена у немецкой фирмы «Леман и Комп» на Звенигородской ул., д. № 20, упакована и сдана на вокзал, что заняло 4 вагона. Много трудностей было с перевозкой машин и шрифтов и вместе оружия⁴ с 4 вооруженными солдатами до г. Череповца. Где тоже с доставкой на лошадях до Белозерска много было неприятностей, ибо всюду гуляли дезертиры и солдаты, бежавшие с фронта. Обоз был в 45 подвод. Одни ночлеги в деревнях не давали покоя, но весь груз был доставлен полностью и в сохранности 23-го декабря 1917 года.

Вначале типография была открыта в полицейском управлении⁵..., а впоследствии, т.е. весной 1918 года была переведена в дом помещиков Паниных, где и сейчас находится.

Первая газета «Белозерские известия» вышла 2 февраля 1918 года и была ежедневной...

С началом выпуска газеты жизнь в Белозерске и уезде оживилась, печатались все местные, телеграфные и иностранные новости. Газета шла нарасхват и посылалась по уезду. Тираж был 4 000 экземпляров. Задача, поставленная Уисполкомом перед В.К. Огваздиным, была выполнена.

В архиве Белозерского историко-художественного музея хранятся три номера газеты выпуска 1918 года⁶. Познакомимся с названиями рубрик и статей.

«Известия Белозерского Совета Раб., Солд. и Крест. Депутатов» №14 от 6 апреля 1918 года:

-на 1 странице статья без подписи с рассуждениями о гражданском браке;

-Постановление правительственного комиссара по просвещению;

-последние известия : «Новые победы», «Война на Западе», «В Москве», «В Петрограде».

Местные новости:

-журнал заседания исполнительного комитета Совета Раб., Солд. и Крестьян. депутатов от 1 апреля 1918 г.;

-движение и перемещение по службе;

-отчет прихода и расхода денежных сумм Финансового отдела Белозерского исполнительного комитета Совета Р.С. и Кр. депутатов;

-корреспонденция комиссара продовольствия П. Свинцова;

-хроника, объявления.

Бесплатным приложением к этому номеру является настенный календарь на 1918 год по новому стилю.

«Известия Белозерского Совета Раб., Кр. и Кр.-арм. Депутатов» № 28 от 29 мая 1918 года.

Действия правительства:

-постановление об обязательном печатании декретов Комиссариатов по Военным делам;

-постановление о военных комиссариатах при местных Советах;

-декрет Совета Народных Комиссаров (о назначениях).

Действия Губернской власти:

-протокол заседания делегатов Новгородской губернии демократического съезда от пяти Северных уездов: Тихвинского, Устюженского, Череповецкого, Кирилловского, Белозерского в городе Новгороде 13 мая 1918 года;

-список представителей на демократическом съезде;

-телеграммы из Омска, Москвы.

Из действий и распоряжении местной власти:

-о помещении для Искома;

*Белозерск. Советский проспект. 1940—1950 гг.
На переднем плане здание типографии*

-о докладе комиссара продовольствия тов. Прокофьева...

В этом номере типография попала в хронику со следующим известием: «В кладовой при (Советской типографии произошел пожар 12 мая сего года, где хранились обрезки бумаги, только годные в переделку и предназначенные к отправке на фабрику. Пожаром уничтожена вся бумага из обрезков, и затем обгорел потолок, трои двери с косяками и 10 рам (стекла в последних лопнули) сложенных в кладовой. Рамы, потолок и косяки сильно обуглились, так что пришли в негодность. Убытков пожаром причинено до 1000 рублей. Пожар произошел от неизвестной причины, надо полагать от неосторожно брошенного не погасшего окурка папиросы.»

«Известия Белозерского Совета Раб., Кр. И Кр-арм. депутатов» № 78 от 23 ноября 1918 года.
Отдел Официальный:

-сообщение от управления Народными Сберегательными кассами;

-положение об единой трудовой школе.

Губернские новости:

-Постановление Комиссариата снабжения и распределения Северной области «Об общественном питании».

Иногородняя хроника:

-об организации образцового хозяйства в Петергофском уезде Петроградской губернии.

Местные новости:

-протокол чрезвычайного объединенного собрания уездного исполкома, партии коммунистов, водного транспорта и всех других организаций от 11 ноября 1918 года;

-постановление Белозерской ЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией (со списками оштрафованных и осужденных);

-об аттестационной комиссии Белозерского уездного комиссариата по военным делам;

-именной список кандидатов, предназначенных на инструкторские должности по всеобщему обучению;

-объявления уездного отдела народного образования;

-хроника.

Редактировали газету в 1918 году редакционный совет исполкома, редакционная коллегия Исполкома, Президиум Исполкома. Выпуск газеты оказывал большую помощь новой власти в деле разъяснений своих действий, действий центра. Все статьи газеты носят яркий политический характер и передают колорит эпохи.

Василий Кузьмич Огваздин руководил типографией до 1930 года. Затем обучался в Ленинградском полиграфическом техникуме, работал в «Ленинградской правде». В Великую Отечественную войну воевал, его семья жила в Ленинграде и погибла в 1942 году. В 1956 году В.К. Огваздин парализовало, и последние годы жизни он провел недалеко от своей родины, в Кирилловском районе в доме инвалидов, в Горицах. Умер он в 1976 году.

Созданная Василием Кузьмичом типография существует и сейчас. Машины, привезенные в 1917 году, работали долгое время, и лишь в середине 1950-х годов заменены на современные.

Примечания

Биография В.К. Огваздина печатается по его воспоминаниям, написанным 15.02.1963 года БИХМ Ф. 2 Оп. 1 Д. 16 ЛЛ. 2—15.

¹ Обучение проходило по договору с Белозерской городской управой. КБИАХМЗ ОПИ Ф. 3 Оп. 1 Д. 8 Л. 13

² Г.И. Васинов — активный участник установления советской власти в Белозерске, председатель Белозерского уездного исполнительного комитета; И.П.Заварин — член Белозерского уездного исполнительного комитета.

³ Типография была закуплена при содействии Н.Н.

Подвойского, с которым В.К.Огваздин был знаком по службе. Воспоминания П.П.Свинцова БИХМ 1721/12 вх.

⁴ Кроме оборудования, бумаги, краски от Совета Петрограда было получено оружие — один пулемет, винтовки, 20 ящиков патронов, а также деньги. Воспоминания И.П. Заварина БИХМ Ф.2 929 вх.

⁵ Для работы использовалось и оборудование типографий, конфискованных у частных предпринимателей Ломиковского, Череповской, Масленникова. БИХМ Ф. 2 Оп. 1 Д. 17 Л. 17об.

⁶ БИХМ 4557, 5359, 3706.

Юрий МАРКИТАНОВ

СЛАВНЫЕ ДЕТИ КАПИТАНА БОРОДИНА

В Новгороде, в 1847 и 1848 годах родились два брата, два замечательных русских ученых. Это ботаник Иван Парфеньевич и специалист в области железнодорожного транспорта Александр Парфеньевич Бородины.

«Мой папа и моя мама жили в Драгунском Штабу, а дедушка и бабушка жили в Новгороде», — так начинается дневник маленького Вани Бородина. Эти чудом сохранившиеся детские воспоминания были написаны незадолго до отмены в России крепостного права. Драгунский штаб — это и тогда, и ныне военный гарнизон Кречевицы (Кречевицкие Казармы) и назывался он Драгунским по имени квартировавшего в нем Лейб-Гвардии Драгунского полка. Отец Вани — Парфений Афанасиевич Бородин был капитаном этого полка.

Род Бородиных происходит из дворян Екатеринославской губернии. Дед Вани — Афанасий Иванович Бородин после окончания Пажеского корпуса служил в армии. За храбрость и отличие по службе он был назначен адъютантом к генерал-фельдмаршалу Ивану Федоровичу Паскевичу, графу Эриванскому, светлейшему князю Варшавскому, прославившему своими делами и подвигами наше Отечество и самого себя. (Паскевич — один из четырех полных кавалеров за всю историю Ордена Святого Георгия). Афанасий Иванович, дослужившись до звания полковника, уже было перешел на гражданскую службу, однако же, когда началась очередная русско-турецкая война 1828–1829 гг., он настоял на своем направлении в действующую армию и, увы, пал смертью храбрых при штурме крепости Ахалцах (ныне это независимая Грузия) в 1828 году. И.Ф. Паскевич, извещая семью убитого о смерти любимого адъютанта писал, что, глубоко восхищен его подвигом, и что из своих средств кладет в банк 50 тысяч рублей для обеспечения оставшихся малолетних сирот. Кстати, старшим из трех сыновей Афанасия Ивановича был Парфений, отец Вани. Он получил образование в том же Пажеском корпусе, однако не был такой воинственной натурой, как дед Афанасий Иванович и, не наделенный крепким здоровьем, был мало склонен к военному делу, служил лишь по семейной традиции. Человек скромный, нерешительный, склонный к глубоким

чувствам и некоторой сентиментальности. Женился Парфений Иванович в Новгороде, на дочери директора новгородской гимназии, в молодости блестящего гвардейского офицера Александра Ивановича Лыкошина (1842–1846 гг.) — Екатерины. Екатерина — девушка, которую отличали женское обаяние, энергия, активность, живость и здоровье. Современники подчеркивали в ней «самостоятельность суждений, живой ум и интерес к «высоким материям», строгость к себе и доброте к другим, часто мешающую разобраться в дурных качествах окружающих людей, богатство, разнообразие и веселость натуры». От брака Парфения Бородина и Екатерины Лыкошиной в 1847 и 1848 годах родились в Новгороде братья Иван и Александр Бородины.

Кстати, имя Ваня получил неслучайно. И по этому поводу он записал в своем дневнике: «На третий день меня крестили в церкви гимназии и назвали Иваном, в честь фельдмаршала князя Варшавского, который был заочно моим Крестным отцом».

К сожалению, Парфению Афанасиевичу не долго пришлось служить в Кречевицах. Он заболел тяжелой болезнью, его увезли лечиться в Петербург, где он и скончался в госпитале 16 сентября 1851 года. Екатерина Александровна, сделавшись в 23 года вдовой, до конца дней своих, с двумя маленькими детьми, при весьма скромном достатке, делала все, чтобы воспитать из мальчиков настоящих мужчин.

Из остатков от пожертвованных Паскевичем денег она купила участок земли с деревянным домиком в дачной местности за Нарвской заставой. Детям было восемь и шесть лет, когда они с мамой переселились жить в свой новый, вместительный дом с низкими потолками.

На чистом воздухе дети окрепли, а суровый и более чем скромный образ жизни, научил их довольствоваться малым и жить преимущественно умственными интересами.

Невозможно перечислить те трудности, лишения и невзгоды жизни, которые непонятно какими усилиями преодолевала молодая мать, чтобы вырастить и выучить детей.

Одним из самых ярких воспоминаний детства

И.П. Бородин

для детей стал их визит к Императору Николаю I, незадолго до его кончины. Никто и не ожидал такого поворота дел, но расскажем все по порядку. На юге России идет Крымская война. Мальчики, как истинные патриоты, готовы в трудную минуту прийти на помощь своему государству (наверное, сказала наследственная военная жилка) и пишут патристическое письмо самому царю. Что именно они там написали остается только догадываться, но, буквально через несколько дней, дети вместе с мамой были представлены Императору Николаю I в Зимнем Дворце и получили на память военную игрушку.

Теперь, пользуясь правилом старшинства, расскажем подробнее о старшем из сыновей Парфения Афанасиевича — Иване Парфеньевиче Бородине.

До 12 лет Ваня учился дома, занимаясь с мамой и студентом-юристом, который преподавал математику и естественные науки, и был подготовлен к поступлению в четвертый класс гимназии. Кстати, воспитывать детей помогала бонна немка, благодаря которой дети свободно говорили на немецком, а также на французском, которым с ними занималась мама. Мать могла пойти более легким путем — отдать детей на учебу в кадетский корпус за казенный счет, так как она была вдовой военного. Но она предпочла для детей гражданскую карьеру.

Ваня был послушным и примерным гимназистом, усидчив, любил книгу и уже на третий месяц учебы в гимназии стал первым учеником, уделяя много времени урокам и чтению. Интересно, что, побывав с матерью несколько раз в итальянской опере, он страстно полюбил музыку, выучил ноты и стал самостоятельно разбирать любимые арии, а затем заниматься музыкой с учителем. И преуспел в этом так, что когда с деньгами в семье стало совсем трудно, учитель, не желая терять способного ученика, давал ему уроки бесплатно. Однако денег в семье все равно не хватало, и уже в 14-летнем возрасте, будучи в шестом классе гимназии, Ваня начал сам давать уроки на дому. Здесь не обошлось без помощи директора гимназии, который с уважением и пониманием относясь к способному гимназисту, рекомендовал его в обеспеченные семьи. Кстати, попав репетитором к дочери сенатора Гедда, Иван, уже по рекомендации этой семьи, давал уроки и в других сенаторских семьях, зарабатывая на этом до 100 рублей в месяц. На свои первые заработанные деньги Ваня вместе с братом купили маме швейную машинку и другие самые необходимые вещи. Позже он смог купить для себя книги, ноты, микроскоп.

В 1863 году, окончив гимназию с серебряной медалью, Иван, не сразу определился с выбором своего жизненного пути. Было даже желание поступить в консерваторию, но под давлением матери он подал прошение о зачислении на юридический факультет Петербургского университета. Мать видела сына в будущем не меньше чем губернатором. Однако получив отказ о зачислении в студен-

ты — по молодости лет (ему не было еще 17 лет), он в течение года помогал родственнику, довольно видному историку и публицисту своего времени, Петру Карловичу Щербальскому (1810-1866), который был женат на одной из сестер матери. Иван работал вместе с ним в Публичной библиотеке по составлению истории цензуры.

Интерес к естественным наукам и, в частности, к ботанике у Ивана Парфеньевича начал проявляться еще в гимназии. Однажды гимназист Бородин увидел в витрине книжного магазина книжку с яркой надписью «Анатомия лягушки», которая его привлекла, и он с интересом ее прочел. Интерес к данной теме был подкреплен летом, когда он уехал преподавать в семью неких Банковских, где познакомился с двумя студентами, естественником и медиком. У этих молодых людей было много книг по анатомии и естественным наукам, и Иван Парфеньевич с удовольствием перечитал их. После летних занятий, осенью 1864 года, он уже без всяких колебаний поступил на физико-математический факультет, чтобы иметь возможность более тщательно заниматься ботаникой.

Никто и не мог подумать, что за год с Иваном Парфеньевичем произойдут такие перемены с выбором будущей профессии. Позже он сам вспоминал, что еще во время посещения подготовительных лекций юридического факультета в университете он увидел объявление, в котором студентам были объявлены темы на медаль. Среди других была одна ботаническая тема о «печеночных мхах». Придя домой, он рассказал об этих мхах матери, которая его полностью поддержала. И вот, через год, первокурсник физико-математического факультета Бородин присутствует на акте вручения студенту К.А. Тимирязеву золотой медали за сочинение об этих самых печеночных мхах. «Я смотрел на него как на героя, возбуждавшего во мне зависть», — написал в своей автобиографии Иван Парфеньевич.

Обучаясь на физико-математическом факультете, он очень быстро занялся научно-исследовательской работой. Сначала увлечение — анатомия, но вскоре, не без участия матери, — ботаника. Серьезно заняться ботаникой Ивану Парфеньевичу помогли замечательные русские ученые, профессора Бекетов и Фаминцын, лекции которых он посещал. Они быстро оценили способного интересующегося студента и позволили ему заниматься наукой вместе с ними на их квартирах. В тесной квартире А.С. Фаминцына была оборудована темная комната для опытов по влиянию света на водоросли, где днем и ночью горели керосиновые лампы в специально устроенном фонаре (так называемый фонарь Фаминцына).

Взяв пример с учителей своих, молодой студент завел на свои заработанные репетиторством деньги такой же фонарь и сжигал в нем на 15–20 рублей керосина в месяц (довольно большие деньги по тем временам), проводя уже собственные опыты. Вследствие этого была сделана на третьем курсе первая самостоятельная научная работа.

Осенью 1869 года, окончив университет со степенью кандидата, Иван Парфеньевич, не без помощи профессоров Бекетова и Фаминцына, избран преподавателем ботаники в Земледельческий институт, преобразованный в 1877 году, в Лесной институт. О том, как его выбрали на эту должность, хочется рассказать немножко подробнее. В 1869 году скончался замечательный русский ботаник Сергей Петрович Карельщиков, преподававший ботанику в вышеуказанном институте. Был объявлен конкурс на занятие этой кафедры, и профессора Института на своем заседании так и не смогли определить кому из кандидатов, заявивших свое желание в нем участвовать, отдать предпочтение. Уходя домой, они случайно проходили мимо аудитории, где временно приглашенный в помощь больному Карельщикову Иван Парфеньевич проводил занятие со студентами. Послушав, как молодой ботаник ясно и образно излагает свою лекцию, профессора переглянулись и вернулись обратно. На продолженном заседании было решено предложить вакантное место Ивану Парфеньевичу, даже не участвовавшему первоначально в конкурсе.

В 1876 году за работу «Физиологические исследования над дыханием листоносных побегов» Бородину присуждена ученая степень магистра ботаники, а в 1880 году, в возрасте 33 лет, после кропотливого исследования роли и значения аспарагина в растительном организме, Иван Парфеньевич защитил диссертацию и получил звание профессора.

Исключительно скромный по натуре, ученый до мозга кости, Иван Парфеньевич никогда не гнался за степенями и знаками отличия. В 1886 году он получил степень доктора от Новороссийского Университета за совокупность его выдающихся научных трудов.

За долгие годы профессорской деятельности, читая ботанику в специальных учебных заведениях, где она обычно являлась лишь вспомогательным предметом, Иван Парфеньевич воспитал целое поколение русских ботаников. Среди них: В.Н. Сукачев, В.Н. Любименко (кстати, женившийся на одной из дочерей Ивана Парфеньевича), А.А. Сапегин, Н.А. Буш и многие другие. И там, где ученый читал свои лекции, ботаника, благодаря Ивану Парфеньевичу, становилась важнейшим предметом.

Перу Ивана Парфеньевича принадлежат два знаменитых учебника «Курс анатомии растений» и «Краткий учебник ботаники» (так называемые «большой» и «маленький» Бородин), которые еще до 1917 года печатались более чем 10 изданиями. Кто только ни учился по этим учебникам? Ботаники, биологи, агрономы, врачи и множество просто образованных людей проходили «маленького» и «большого» Бородина.

Впервые в России Иван Парфеньевич предложил вести практические занятия по определению растений зимой по засушенным гербарным экземплярам и фиксированному в спирту материалу из

цветов и плодов. В те времена это было новаторством, и в 1878 году на Парижском Ботаническом Конгрессе Иван Парфеньевич сделал специальный доклад «О зимнем определении растений студентами», а Петербургский университет ввел этот метод для своих студентов. Для таких зимних занятий под руководством Ивана Парфеньевича в Ботаническом кабинете Лесного института был собран огромный гербарий.

С 1891 по 1899 годы И.П. Бородин состоял на должности помощника директора Лесного института, всегда, однако, тяготясь административной работой.

Не оставляя свою основную работу в Лесном институте, Иван Парфеньевич преподавал неоднократно в других высших учебных заведениях: в Военно-Медицинской Академии, где он был профессором с 1878 по 1880 и с 1893 по 1899; с 1887 по 1893 читал лекции по курсу анатомии и физиологии растений в Санкт-Петербургском университете, сначала в качестве приват-доцента, а потом — экстраординарного профессора.

Кроме того, Иван Парфеньевич много лет преподавал на женских курсах: Владимирских, Васильевских, Бестужевских, Медицинских и Фребелевских, а также как первоклассный популяризатор читал бесплатные публичные лекции и проводил ботанические экскурсии. На некоторые из таких экскурсий в последние годы собиралось более 200 человек. В плохую погоду лекции тоже проводились, но не на открытом воздухе, а на квартире Ивана Парфеньевича, что иногда вызывало сомнения в политической благонадежности этих собраний, так как в те времена естественные науки вообще были под подозрением.

Ивану Парфеньевичу неоднократно приходилось участвовать и в заграничных конгрессах по естественным наукам, садоводству и охране природы в качестве русского делегата и докладчика. Однако по своей скромности он не любил никаких парадов и церемоний, без которых такие мероприятия не обходятся. На конгрессе в Генуе он уклонился от участия в придворном балу. На другом конгрессе, в Кембридже, во время Дарвиновских торжеств, Иван Парфеньевич даже до некоторой степени испортил официальную программу праздника своим отсутствием на одной из церемоний, где он должен был выступать в парадном костюме в первой паре с французским ботаником Бонапартом: последнему пришлось идти одному впереди заранее построенных пар.

Бородин необычайно любил живую природу, особенно нашу родную северную. На каникулах он обычно уезжал вместе с семьей на дачу, в Новгородской или Тверской губернии и там тоже продолжал свою научную работу. Иван Парфеньевич часами бродил вместе с двумя дочерьми по лесам и полям, собирая растения для гербария. Кстати, будучи преподавателем Земледельческого Института, он женился на Александре Григорьевне Перетц, внучке декабриста Перетца Григория Абрамовича.

В 1894 году Иван Парфеньевич получил звание заслуженного профессора.

В 1896 году, вложив значительную часть своих личных средств, Иван Парфеньевич основал на берегу озера Бологое в Валдайском уезде пресноводную биологическую станцию (в 1908 она была перенесена на озеро Селигер). Он пожертвовал Станции свою научную библиотеку, администрировал общий строй ее работ и издал на свои личные средства три тома Трудов Станции. Императорское Петроградское Общество естествоиспытателей на заседании 7 апреля 1902 года постановило, по предложению своего президента профессора А.А. Иностранцева, назвать станцию Бородинской. Вот как Иван Парфеньевич мотивировал передачу Станции своей библиотеки: «Уж раз станция Бородинская, то где же и быть книгам Бородина, как не здесь! Да и не хочется мне, чтобы приобретаемая на трудовые деньги еще во времена студенчества и с юношескою жаждою прочитывавшиеся сокровища попали когда-нибудь за бесценок в руки букиниста, который взглянет на них лишь с меркантильной точки зрения. Если суждено Бородинской станции пережить Бородина, если суждено ей устроиться где-либо окончательно, осесть прочно, то, конечно, это будет не столица с ее общедоступными книгохранилищами, а какое-либо сравнительно глухое место, где книга вообще составляет отнюдь не редкость».

Будучи членом Ученого комитета Министерства земледелия, Иван Парфеньевич в 1897–1901 заведовал Бюро по прикладной ботанике.

Шестого апреля 1902 года Бородин был избран ординарным академиком и в том же году директором Ботанического Музея Академии Наук. Позже он состоял членом правления (с 1912 по 1917) Академии от Физико-Математического Отделения и исполнял обязанности вице-президента Академии (1917–1919). Главной работой Ивана Парфеньевича в Академии было издание «Флоры Сибири». В 1902 году он совершил путешествие в Прибайкалье и собрал гербарий, переданный им в Ботанический Музей Академии, а в 1908 году вышел его обширный труд «Коллекторы и коллекции по флоре Сибири».

В самом начале академической карьеры Ивана Парфеньевича с ним произошел инцидент, который мог коренным образом изменить дальнейшую его деятельность и по которому можно судить о его характере.

27 января 1905 года в газете «Русь» была опубликована «Записка 342 ученых», в которой они

требовали полного и коренного преобразования государственного строя. Среди 16 подписей академиков одна принадлежала Ивану Парфеньевичу. Но 4 февраля 1905 года в Академию было прислано письмо, которое подписал лично президент Академии, великий князь Константин Константинович. В нем содержалось порицание академиком за участие в политике и предложение, прежде чем заниматься политикой, отказаться от казенного содержания. Кроме того, такие же письма были разосланы всем академиком лично. Иван Парфеньевич

А.П. Бородин в центре, среди преподавателей и студентов Лесного института

отреагировал на это письмо, как на личное оскорбление, и немедленно написал прошение об отставке (не предупредив своих коллег), которое подал лично президенту на заседании Академии. «Может быть, это было не по товарищески, признавался потом Бородин, но, чувствуя себя глубоко оскорбленным, я должен был реагировать немедленно». Поступок Ивана Парфеньевича произвел большую сенсацию среди ученых. Иван Парфеньевич просил товарищей примириться с его уходом. Но академики потребовали личных объяснений от президента Академии по поводу разосланной академиком бумаги. Великий князь, очень раздраженный, был готов дать ход отставке Бородина и грозил всякими неприятностями Академии, вплоть до ее разгрома. Но, убедившись в твердом настроении ученых, он на следующем заседании произнес, неожиданно для всех, речь извинительного характера, после чего академики тут же обратились к Ивану Парфеньевичу с просьбой забыть об инциденте и не уходить в отставку. После некоторого колебания И.П. Бородин согласился, и президент вернул ему обратно прошение об отставке.

В 1904 году Иван Парфеньевич, после 35 лет педагогической деятельности, оставил преподавание в Лесном институте. Совет института учредил премию его имени за лучшие работы по ботанике

студентам института, которые, кстати, назначал сам Иван Парфеньевич.

С 1910 года в Русском географическом обществе Иван Парфеньевич возглавлял комиссию по охране природы и явился одним из пионеров этого нового важного начинания в России.

В 1916 году под непосредственным руководством И.П.Бородина создано Русское Ботаническое Общество, которое объединило русских ботаников. На собрании Общества он был избран Президентом и почетным его членом. В начале декабря 1916 года под его редакцией вышли первые два номера «Журнала Русского Ботанического Общества».

Когда свершилась Октябрьская революция, Ивану Парфеньевичу было уже 70 лет. Несмотря на различные трудности и недопомогания, об оставлении Родины не было и речи. Кроме голода и других материальных лишений, ему пришлось перенести почти полную потерю зрения, частичное восстановление которого было достигнуто лишь после трех операций. Никто из окружающих в эти годы Ивана Парфеньевича не слышал от него ни жалоб, ни ропота на судьбу.

Материальные лишения он переносил с улыбкой, так как со времени спартанского воспитания своей матерью сохранил полное равнодушие к житейским благам. К тому же, овдовев в первый год войны и давno выдав замуж дочерей, он был освобожден от материальных забот о своих членах семьи.

В 1917–1919 годах он был вице-президентом Академии наук, с 1918 года состоял почетным членом Главного Ботанического Сада, в 1920 был избран президентом Ленинградского Общества естествоиспытателей,

В 1919–1920 годах Иван Парфеньевич преподавал ботанику в Красноармейском институте. Надо было видеть, как трогательно относились к Ивану Парфеньевичу его ученики-красноармейцы. Когда он, почти слепой, начинал писать мелом вместо доски на стене, ни одной улыбки не появлялось на лицах. Те, кто видел, как красноармейцы бережно и любовно вводили своего учителя в аудиторию, были до глубины души тронуты этим зрелищем.

У Ивана Парфеньевича был редкий дар привлекать к себе все сердца. Он говорил: «Всякая ссора предполагает наличие, по крайней мере, двух участников; я ссориться не хочу, вот и не удастся никому со мной поссориться».

И.П. Бородину принадлежит более ста печатных работ, целый ряд переводов, он редактировал научные журналы.

Ученые-ботаники в честь своего уважаемого коллеги называли некоторые виды и роды растений.

И хотя следующая информация будет понятна в большей степени специалистам, добавлю, что именем Ивана Парфеньевича названы роды: *Borodinia* Busch (сем. *Cruciferae*), *Borodinella* Miller (*Algae*) и виды: *Acantholimon Borodini* Krasn., *Astragalus Borodini* Krasn.

Умер Иван Парфеньевич 5 марта 1930 года на 83 году жизни и похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге, через несколько лет был перезахоронен на Богословское кладбище, уже в Ленинграде.

Начиная рассказ о младшем из братьев — Александре Парфеньевиче, хочется сказать о том, что он тоже оставил заметный след в истории России и, выражаясь словами одного уважаемого киевского исследователя его деятельности, «он многое сделал впервые».

А.П. Бородин родился 29 сентября 1848 года в Новгороде. После окончания гимназии один за другим закончил два ВУЗа — Петербургский технологический институт в 1870 году и Институт инженеров путей сообщения в 1872 году.

В 1872–1874 годах он служит инженером по подвижному составу и водоснабжению на строительстве Ряжско-Вяземской железной дороги (линия Вязьма-Елец), а с 1874 года становится управляющим этой дорогой. В 1877 году Александра Парфеньевича назначают управляющим Киево-Брестской железной дорогой.

Когда началась Русско-турецкая война 1877–1878 годах А.П. Бородин участвовал в организации мобилизационных перевозок войск железнодорожным транспортом в зимнее время (впервые в практике военных действий), а также принимал участие в строительстве железных дорог на театре военных действий.

При его участии за короткий срок построена новая железнодорожная линия Бендеры — Галац протяженностью 300 км, а вслед за ней — железнодорожная рокада Франтешти — Зимница, длиной около 90 км.

Кстати, во время перевозок войск на Балканы, по предложению Александра Парфеньевича, впервые в мире, решен вопрос о питании войск горячей пищей в пути. Сначала были созданы на станциях так называемые «постоянные кухни», которые впоследствии преобразованы в военно-продовольственные пункты, каждый из которых имел уже не только кухню и столовую, но и «дом для офицера и нижних чинов», хлебопекарню, кладовые, и др. Вроде бы ничего удивительного, но именно по предложению Александра Парфеньевича был произведен опыт отапливания вагонов с помощью установленных в них небольших печей. Опыт оказался настолько удачным, что сразу был распространен по всей железной дороге.

А.П. Бородин. Из личного архива А.Е. Грабовской-Бородиной

В 1878 году А.П. Бородин назначают управляющим Юго-Западными железными дорогами, они образовались от слияния Одесской, Киевско-Брестской и Брестско-Граевской железных дорог. На этой должности он проявил себя как одаренный инженер и организатор.

Вот как сказал об Александре Парфеньевиче его коллега Н.А. Белелюбский: «Да что там толковать! Ведь он достиг совершеннейшего чуда: его поезда стали ходить по расписанию. Представляет ли? По рас-пи-са-нию! Минута в минуту. У него за водочкой в станционном буфете не засидишься».

Новое назначение не совсем устраивало А.П. Бородину, так как работа была, в основном, административная, а он хотел инженерной, поэтому начал хлопотать об отставке с поста начальника дороги. И добился своего. В 1879 году Александр Парфеньевич был назначен главным инженером службы подвижного состава, тяги и мастерских этих же дорог.

При непосредственном руководстве А.П. Бородин на Юго-Западной железной дороге была усовершенствована система водоснабжения, он осуществил централизацию и механизацию ремонта подвижного состава, в 1879 году открыл механические и химические лаборатории, в которых впервые в России были проведены исследования воды, топлива, смазки и других материалов. Александр Парфеньевич внедрил статистический учет всех повреждений подвижного состава в процессе эксплуатации, систему премирования работников службы за экономию эксплуатационных расходов. В 1880—1889 годах, несмотря на рост перевозок, на Юго-Западной железной дороге экономия в эксплуатационных расходах составила 40 процентов, средний пробег паровозов между двумя капитальными ремонтами увеличился с 74,6 тыс. до 139,3 тыс. верст. В 1881—1882 годах в Киевских мастерских Юго-Западной железной дороги Бородин открыл первую в мире паровозоиспытательную станцию, где начал опытное научное исследование локомотивов. Подобные лаборатории были созданы только в 1891 году в США, в 1903—1904 годах — имени Бородина на Путиловском заводе в Петербурге, в 1905 — в Великобритании.

Александр Парфеньевич разработал новый мощный тип паровоза системы тандем-компаунд, который испытал в киевской лаборатории. Применение новой системы давало почти 20-процентную экономию в расходе пара.

Работая над этим паровозом, А.П. Бородин трудился, не покладая рук. Он находился в лаборатории целыми днями и, не стесняясь никакой работы, мог заменить любого специалиста. Александр Парфеньевич мог сам управлять паровозом, работал машинистом, кочегаром, смазчиком. По этому поводу он писал своим родным:

«В моем «паровозном» обличье меня решительно никто не узнает, я весь в масле, угольная пыль и сажа покрывают меня толстым слоем с ног до головы. В таком виде, забыв, как я выгляжу, я направился однажды в буфет. Какой-то купец, от-

скочив в сторону, побранил меня: «Куда ты, шут гороховый, лезешь, тут для чистых господ, а ты с суконным рылом да в калашный ряд...» Худо бедному человеку, куда ему деваться...».

Работы А.П. Бородина по испытанию паровозов типа «компаунд» имели мировое значение. После успешного внедрения таких паровозов в эксплуатацию в России Александра Парфеньевича не раз приглашали за границу поделиться опытом. Его книга «Опытные исследования над применением систем компаунд» и доклады о ней во Франции и в Англии получили высокую оценку во всем мире. За это изобретение Общество гражданских инженеров в Париже присудило А.П. Бородину золотую медаль. Кстати, только в 1889 году такой тип машин появился в США и сразу же получил там большое распространение.

Нужно сказать, что сослуживцы, подчас, считали Александра Парфеньевича излишне требовательным и сухим, и он знал об этом. Уходя с поста управляющего дороги, он в своей прощальной речи сказал: «Я не скрывал ни от себя, ни от вас, что предъявлял иногда к своим сотрудникам слишком большие требования, но и счастлив был видеть, как успешно наши инженеры справлялись с самыми трудными задачами. Никто меня не упрекнет в несправедливости, ущемлении свободы собственного мнения и самостоятельности в своей деятельности. Я воспитывал лишь чувство ответственности».

Занимая высокий пост А.П. Бородин, оставаясь скромным и простым, много внимания уделял улучшению условий жизни рядовых работников железной дороги. В 1889 году его снова назначают управляющим Юго-Западными железными дорогами и он предпринимает различные меры, направленные на улучшение условий труда и быта рабочих, повышение их жизненного и культурного уровня.

Александр Парфеньевич организовал образцовые столовые для рабочих, комнаты отдыха паровозных бригад, требовал строительства больниц, детских домов для сирот. Обличая отцов города и высокое начальство, обвиняя их в создании варварских жилищных условий, высокой смертности в рабочей среде, он писал в журнале «Инженер»: «Неужели же нет возможности предупредить хотя бы часть смертей, неужели все они нормальны? Ничуть не бывало! Надо улучшить гигиенические условия города, дать ему хорошую воду, устроить правильную канализацию, дать возможность рабочим иметь здоровые, дешевые помещения, а не притоны князя Вяземского...».

«Порядочность и благородство Бородина, — вспоминал его близкий друг и помощник во всех инженерных задумках Людовик Маврикеевич Леви, — характеризуется и таким штрихом: уходя на пенсию с должности управляющего дорогами, Александр Парфеньевич пожертвовал пожизненно выслуженную им пенсию на усиление существующих на линии библиотек и устройство новых».

И еще об инженере Бородине, как человеке: ни

капли тщеславия, своекорыстия, ни тени самоуспокоенности — естественность и даже несколько простодушная открытость и непосредственность во всем — в манере поведения, в отношении к людям в деловых ситуациях.

До всего Александру Парфеньевичу было дело, ничего не ускользало от его внимания. Так, на одном из инженерных совещаний в Управлении дороги, на котором обсуждался вопрос о Главных дорожных мастерских, Бородин сказал: «Наш общий позор, что люди в мастерских глохнут при клепке котлов. Мы обязаны приобрести приборы, чтобы избавить людей от такого увечья...».

С 1882 года в Киеве стал выходить журнал «Инженер», одним из инициаторов издания которого был и Александр Парфеньевич. Он был его постоянным автором, редактором отдела механики и механической технологии, а с 1885 года — главным редактором.

Александр Парфеньевич был активным членом Русского технического общества (с 1891 — его почетным членом), которое, между прочим, учредило золотую медаль «имени А.П. Бородина». Медаль выдавалась за крупные изобретения, усовершенствования, исследования «по механическому делу или устройству железных дорог вообще, а подвижного состава в особенности». На медали значилось: «Премия имени Александра Парфеньевича Бородина».

К сожалению, прожил Александр Парфеньевич совсем мало. Умер он 26 марта 1898 года в Италии, где проходил курс лечения. Умер в полном расцвете творческих сил, когда ему не исполнилось еще и пятидесяти лет. Смерть талантливого инженера потрясла все слои общества. Киевская газета «Киевлянин» в те дни писала: «Давно уже Киев не видел ничего подобного. Улицы, по которым двигалась печальная процессия, были забиты народом. Над многочисленным людским потоком плыли венки...».

После панихиды во Владимирском соборе протоиерей Златоверхов сказал речь, слова из которой хочется привести:

«...Александр Парфеньевич был деятелем, который своим трудом приносил пользу Отечеству... Мог бы я еще многое сказать о нравственном образе Александра Парфеньевича, этого светлого, честного и благородного человека, но звание духовного отца заставляет меня быть сдержанным в отношении к любимому духовному сыну...».

А вот слова выдающегося ученого В.Л. Кирпичева, которые он сказал, выступая на заседании Русского технического общества, посвященного памяти А.П. Бородина:

«Он... представляет нам совершенный тип на-

стоящего инженера, в истинном смысле этого слова, т. е. человека-гения, человека, который должен придумывать и создавать. Это определение предполагает, во-первых, солидное научное образование, обширные и разнообразные знания, а во-вторых — способность придумывать новое и воплощать — реализовывать свои идеи, т. е. творческую способность. Деятельность инженера есть в значительной мере творческая деятельность, и у кого нет этой способности, тот, несмотря на высокое научное образование, никогда не будет инженером»...

Похоронили А.П. Бородин в Киеве, на Аскольдовой могиле, в живописном месте на берегу Днепра. К сожалению, до настоящего времени могила не сохранилась, так как в 1935 году кладбище закрыли и вместо него разбили парк. А после Великой Отечественной войны это место стало одним из воинских кладбищ, которое просуществовало до 1957 года. Сейчас там просто зона отдыха.

Литература

1. Александр Парфеньевич Бородин // Инженер. Киев, 1898. № 4, 5. С. 131—154.
2. Житков С.М. Бородин Александр Парфеньевич. // Биографии инженеров путей сообщения. СПб, 1902. Вып. 3. С. 24—37.
3. Леви Л.М. Еще по поводу железнодорожной опытной станции имени А.П. Бородина // Инженер. Киев, 1911. № 8. С. 228—239.
4. Леви Л.М. Основания для установления однообразной программы испытания новых паровозов на русских железных дорогах // Инженер. Киев, 1913. № 2. С. 33—37; № 3. С. 79—85; Торжество идей. Там же. № 2. С. 63—64.
5. Романов В.М., Ткаченко Ф.Д. Бородин Александр Парфеньевич. М., 1949. 32 с.
6. Солозубов В.Н. Бородин Александр Парфеньевич. // Ученые и изобретатели железнодорожного транспорта. М., 1956. С. 140—147.
7. Н.А. Зензинов, С.А. Рыжак. Выдающиеся ученые и инженеры железнодорожного транспорта. М., 1978. С. 108—119.
8. Статьи И. Ветрова из газеты «Рабочее слово». Киев, 1992 г.
9. Солозубов В., Выдающийся русский инженер А.П. Бородин // Железнодорожный транспорт. 1950. № 1.
10. С.Ю. Липиц. Словарь «Русские ботаники» М., 1947. Т. 1. С. 248—254.
11. Юбилейный сборник, посвященный И.П. Бородину / Под ред. А.А. Ячевского. Л., 1927. С. 1—30.
12. В.Л. Комарова. И.П. Бородин. Президент Русского Ботанического Общества // Природа. Февраль. 1971 г. Кол. 227—238).
13. Памяти Ивана Парфеньевича Бородина (18/1 1847—5/III 1930) // Журнал русского ботанического общества Т. 15. № 1—2. М.-Л., 1930. С. 2—5.
14. Ленинградская правда. № 65. 7 марта 1930 г. С. 4.
15. Домашний архив А.Е. Бородиной.
16. Венгеров С.А. Словарь русских ученых. Пг., 1915.

Валерий СВОБОДОВ

«...ВЫ СНОВА ЗДЕСЬ, ИЗМЕНЧИВЫЕ ТЕНИ»

Валерий Свободов

Прежде, чем познакомить читателей журнала со своим переводом фрагмента поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» и стихотворениями Гейне, а таковое намерение я искренне имею, хотелось бы сказать несколько слов в защиту искусства стихотворного перевода, которое, на мой взгляд, сродни жанру портрета в живописи и инструментальной транскрипции в музыке. Художник-портретист преломляет в своем сознании черты внешнего сходства позируемого персонажа с его внутренним миром, инструментальная транскрипция есть преломление музыкального образа, заимствованного из уже состоявшегося произведения, в иной тембровой сфере, ну, а стихотворный перевод — попытка адекватного озвучивания на своем родном языке поэзии иных языковых систем. Но именно в этом-то и заключается основное отличие произведений национального языка литературы от интернационального живописи и музыки.

Нельзя согласиться с тем, что прозу легче переводить, чем поэзию. В прозе, как и стихах, есть свой ритм, артикуляция, динамика и так далее, которые, к сожалению, в переводе иностранных текстов зачастую утрачивают черты авторского стиля. Эти «биения», возникающие в переводной литературе, легко улавливаются чутким читателем, предпочитающим одного переводчика другому в случае, если нет возможности ознакомиться с текстом на языке оригинала.

Однако нельзя не согласиться и с тем, что наличие рифмы как обязательного атрибута стихосложения, ставит переводчика в несколько иные условия, значительно отличающиеся от перевода прозаического произведения. Такие корифеи как Пушкин, Лермонтов, Блок, Пастернак в равной мере владели искусством пера в разных жанрах, хотя в историю мировой литературы и они вошли, прежде всего, как поэты, а, например, писавший стихи Тургенев, как прозаик.

В стремлении сохранить *музыку* стихотворного оригинала с его образным миром заключается одна из привлекательнейших особенностей поэтического перевода, в счастливых случаях, насколько это возможно, сочетающегося с переводом дословным. «Вы снова здесь изменчивые тени» — начинается «Фауст» Пастернака, повторяющий вслед за Гете: «Ihr naht euch wieder schwankende Gestalten».

Удивительно точно передает Жуковский поэзию содержания гетевского «Ночного наездни-

ка», хотя на первый взгляд может показаться, что его перевод далек от первоисточника: «Кто скачет, кто мчится/ Во мгле роковой?/ Ездок запоздалый /С ним сын молодой/» [«Wer reitet so spät/ Durch Nacht und Wind/ Das ist der Vater/ Mit seinem Kind/»].

Когда на дворе ночь /«Nacht»/ и ветер /«Wind»/, иными словами, когда хозяин собаку не выгонит на улицу, какая неведомая сила может заставить всадника сесть на коня?! Поэт задается вопросом: кто скачет в такой поздний час («so spät») в ночную непогоду («durch Nacht und Wind») ? И отвечает: «Это отец со своим сыном» («Das ist der Vater mit seinem Kind»). Тревожный ритм ночной скачки переводчик усиливает повтором («Кто *мчится*, кто *скачет*»), тогда как у Гете: «Кто скачет так поздно» («Wer reitet so spät»). Вместо слова «поздно» у Жуковского «ездок запоздалый», а «ночная непогода» («Nacht und Wind») — «во мгле роковой» как предсказание рокового исхода ночной скачки: мгла!

Наличие рифмы ставит бесконечные преграды перед переводчиком в стремлении, с одной стороны, как можно точнее передать содержание текста оригинала, с другой, поисков новых художественно-поэтических образов, адекватных авторскому замыслу, замена которых вызывается особенностями авторского стихосложения.

Из Гейне: «Auf die Berge will ich steigen, / Wo die dunkeln Tannen ragen, / Bäche rauschen, Vögel singen, / Und die stolzen Wolken jagen/».

Первая строфа сама собой естественно ложится на русский текст: «Я хочу подняться в горы» («Auf die Berge will ich steigen»), но далее идет уже поэтическая обработка немецкого оригинала. «Темные шумящие ели» (вторая строфа — «die dunkeln Tannen ragen»), «журчание ручьев» и «пение птиц» (третья строфа — «Bäche rauschen, Vögel singen») получают в русском переводе следующий вариант поэтической трактовки: «Где чарующая ель, / Где ручьи журчат и хором / Птицы нянчат колыбель». Из четвертой строки изъяты «скачущие гордые волки» («stolzen Wolken jagen»). Эта переводческая вольность находит себе оправдание в поэтическом усилении третьей строфы в четвертой (за счет волков!); птицы Гейне не только поют, но и «нянчат детскую колыбель», своим пением убаюкивая ребенка.

Heinrich Heine

AUS DER HARZREISE

*Schwarze Röcke, seindne Strümpfe,
Weise, höfliche Manschetten,
Sanfte Reden, Embrassieren —
Ach, wenn sie nur Herzen hätten!*

*Herzen in der Brust, und Liebe,
Warme Liebe in dem Herzen —
Ach, mich tötet ihr Gesinge
Von erlognen Liebesschmerzen.*

*Auf die Berge will ich steigen,
Wo die frommen Hütten stehen,
Wo die Brust sich frei erschließt
Und die freien Lüfte wehen.*

*Auf die Berge will ich steigen,
Wo die dunkeln Tannen ragen,
Bäche rauschen, Vögel singen,
Und die stolzen Wolken jagen.*

*Lebet wohl, ihr glatten Säle!
Glatte Herren, glatte Frauen!
Auf die Berge will ich steigen,
Lachend auf euch niederschauen.*

Валерий Свободов

ИЗ ГЕЙНЕ

*Черный фрак, чулки из шелка,
Чуть виднеются манжеты
Речи нежные — что́ толку,
Если в сердце мало света!*

*Мало света и большой
Ласки мало в черством сердце:
Мне противен ваш устой,
Ваши оханья за дверцей.*

*Я хочу подняться в горы,
Где стоят чужие хаты,
Где несметные просторы
И волшебные закаты.*

*Я хочу подняться в горы,
Где чарующая ель,
Где ручьи журчат и хором
Птицы нянчат колыбель.*

*Вы не залы, а умора
С дамами и господами!
Я хочу подняться в горы,
Чтоб смеяться там над вами.*

Что касается перевода с польского, то он осложняется одним обстоятельством: ударение в нем всегда падает на предпоследний слог. Поэтому музыку переменного размера польского стиха нельзя перевести на русский. Так, ритмика дословного перевода первой фразы поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» («Litvo! Ojczyzno moja!») не адекватна размеру русской транскрипции («Лит-

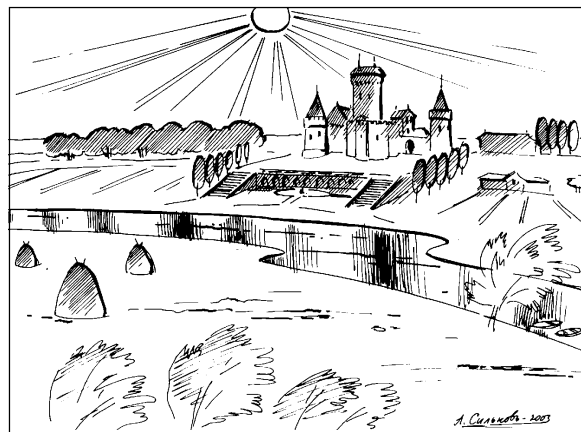
ва! Моя Отчизна!»). Поэтому в стремлении в русском переводе к сохранению авторского стиля польского стиха, приходится, тем не менее, считаться с языковыми особенностями подлинника. Тем не менее, мир поэтических образов поэмы Мицкевича прекрасно укладывается в размер русского ямба, который ближе других размеров соответствует авторскому замыслу: «bo tzskniz po tobie» = «тоскуя о тебе» (книга первая, строфа четвертая).

*Litvo! Ojczyzno moja! ty jesteś jak zdrowie;
Ile cie trzeba cenic, ten tylko sie dowie,
Kto cie stracil. Dzis pieknosc twa w calej ozdobie
Widze i opissuje, bo tesknie po tobie.
Panno swieta.....*

Литва! Моя отчизна! Тобою дорожу,
Как собственным здоровьем! Лишь об одном тужу
Что я тебя утратил, и в злой своей судьбе
Перед глазами вижу, тоскуя о тебе.

О Пресвятая Дева! Собою ты хранишь
Всю святость Острой Браны и Ченстохова. (Лишь
Я до Твоей опеки, как новгородский люд,
Доставлен был — о чудо! Божественности труд! —
Воскрес — и пешим ходом к Твоим Святым местам
Смог сам добраться в веру, чтобы молиться там.)
Так сотвори знамение и нас верни в Отчизну...
Тем часом — опечален, в душе справляя тризну,
И по лесным массивам и по лугам зеленым
По Немана красиво раскинувшимся склонам,
В кудрях посеребристых серебряной пшеницы
И золотистой рожью как локоны девицы;
Где бураки белеют и греча как снега,
А за усадьбой панской — цветущие луга,
Стога повсюду сена и в тишине на грядке
Мятушаяся зелень всегда в большом порядке

На небольшом пригорке, на берегу реки
Среди берез плакучих, сбежавших в островки,
Среди таких пейзажей, среди такой природы
Стоял когда-то замок в умчавшиеся годы:
Издали виднелись побеленные стены,
Светящиеся словно как на подмостках сцены;
Тем более контрастность была от тополей,
Ветра не пропускавших, бушующих с полей.

Жилое помещенье невелико собой;
 При нем, однако, стойло, и хлев при нем большой,
 А в копнах столько сена, уложено в стога,
 Что скирды не вмещают. И не ступи нога
 В помещичьи уголья, где сколько звезд на небе,
 Горят на солнце копны, реализуясь в хлебе
 После своей помолки... А на дворе — плуга,
 Блестят на солнце так же, как копны и стога,
 Обязанные блеском тому же чернозему
 И той земле, принадлежащей владельцу дома.
 Пусть взгляд на огороды и пашни будет краток
 Поймешь, какой солидный хозяина достаток.
 Врата открыты настежь, прохожих приглашая
 Вкусить без промедления дары земного рая.

К центральному подъезду подъехал шляхтич юный
 На запыленных дрожжах, закончив

путь свой трудный.

Он вышел из повозки, распряг коней своих,
 И вскоре кони в стойле дожевывали жмых.
 А на дворе — пустынно, а на дверях — замок
 (Для видимости, видно), открыть который смог
 Приезжий в нетерпении: не звал дворовых слуг,
 Желая в дом свой отчий войти без их услуг.
 Учась вдали от дома, никак не мог дожидаться,
 Закончив курс наук, с родными повидаться.
 Вбежал — и взглядом жадным

все виденное с детства

С любовью непомерной окинул без кокетства.
 Те самые предметы, все та же обстановка,
 С которыми свела его когда-то жизнь-плутовка.
 Хотя уже размеры не те (не тот размах!),
 Но старые картины висели на стенах.
 Вот в краковском чамарце — и острый меч в руках —
 На недругов Костюшко наводит дикий страх.
 Мечом тем замахнулся на русского царя,
 А на картине — клятву дает у алтаря.
 Печальный Рейтан смотрит с соседнего портрета;
 В руках — кровавый нож, а ищет он ответа
 У мудрецов античных, чьи книги перед ним:
 Не помогло — покончил мгновением одним
 Он счеты с жизнью. Рядом — Ясинского портрет:
 На вид — красавец мрачный молодых довольно лет,
 С ним — Корсак; оба друга крушат своих врагов
 На фоне древней Праги дымящихся костров.

Часы в глубокой нише стоят в резной оправе,
 Которые потрогать имел приезжий вправу
 И с радостью младенца подергать за шнурок:
 Домбровского «Мазурку» опять услышать мог!
 Дом обежал он целый, бросая жадный взгляд,
 Ища покои всюду, что десять лет назад
 Служили ему детской... Как вкопанный встал вдруг:
 Здесь женская одежда и женский здесь каблук?!
 Кто здесь живет? Но дядя, известно, не женат
 А тетку принял с давних пор Петра Святого град.
 Здесь комнаты не дамы, сановой и вельможной.
 Откуда фортепьяно? Здесь юная, возможно,
 Живет девица: всюду разбросан туалет,
 И книги, чья хозяйка молодых довольно лет.
 На ручках кресла — платье сверкает белизной,
 Под стать фасоном модным красавице одной!
 Цветы на подоконниках — роскошный аромат —
 Здесь астры и фиалки, левкои — целый сад!
 Приезжий встал у окон, глядит: какое диво!
 Где заросли когда-то собрать мешали сливы,
 Там выкопаны грядки и зелень там растет —
 Салат, петрушка, мята — уже не первый год!
 Обвитая вьюнами искусная плетень,
 Искрящаяся солнцем в погожий летний день!
 Железные сосуды стоят и там и здесь:
 Из них недавно огород водой был полит весь.
 Владелицы участка нигде не видно было...
 Какая с огорода ее прогнала сила?
 Сию минуту вышла, и след изящной ножки
 Без червечек, босый, у входа на дорожке,
 След яркий на песчаной дорожке, как снегу,
 От легкой ножки, словно которая в бегу
 Хотела вдруг укрыться: застигнута врасплох
 Хозяйке причинила большой переполох.

Поднял случайно очи, а рядом у ограды
 Дивчина молодая без дамского наряда:
 Лишь до груди был схвачен сукном прелестный стан,
 Который, несомненно, самим был Богом дан.
 Но плечи, грудь и шея совсем обнажены
 И не было нисколько на то ее вины:
 Лишь только ранним утром литвинка молодая
 В одежде эту вольность до утреннего чая
 Могла себе позволить; хоть и была одна —
 Рукою грудь прикрыла, где не было сукна...

Нинель ДОЙНИКОВА

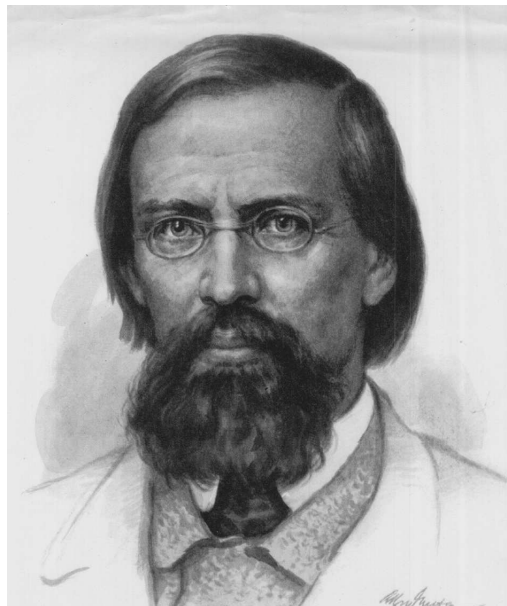
А.Н. МАЙКОВ И НОВГОРОДСКИЙ КРАЙ

Апполон Николаевич Майков принадлежал к старинному дворянскому роду, давшему России многих выдающихся деятелей литературы и искусства: поэтов, критиков, журналистов, художников. «Семья Майковых, — писал И. А. Гончаров, — кипела жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержание из сферы мысли, науки, искусства». Атмосфера родительского дома способствовала формированию духовных запросов молодого поэта. Этим объясняется многообразие тематики, характерное для его творчества, и широта взгляда на мир. Что только ни находилось в круге интересов художника: природа, быт, философия, религия, политика. В первой книге стихотворений Майкова, вышедшей в 1842 году, преобладающее место занимает антологическая лирика, дающая возможность, не опасаясь цензуры, почерпнутые из жизни идеи облекать в античные формы. Стихотворение «Сон» вызвало восторженную оценку В.Г. Белинского, признавшего в авторе замечательное дарование, выходящее за черту обыкновенности. А.Н. Майкова также поддерживали А.И. Герцен и Н.А. Некрасов. В последующие годы поэт создает произведения, полностью отвечающие всем требованиям «натуральной школы» («Машенька», «Очерки Рима»). В них мы замечаем известное тяготение к изображению народной жизни. Поэмы печатались в передовых журналах: «Современнике», «Отечественных записках», «Петербургском сборнике». Однако влияние идей Белинского, петрашевцев было кратковременным. Майков четко отделял поэтическую деятельность от социальной борьбы. Сближение со славянофилами оказало влияние на характер лирики художника. Родная природа, родной уклад жизни, родные люди становятся основной темой его произведений. Пейзажной лирике свойственна особая задушевность, сопричастность окружающему и нежная любовь к России:

*Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!*
(«Весна! Выставляется первая рама...»)

В природе поэт замечает присутствие неземного, этот ее таинственный лик придает полноту художественным картинам.

Критикуя западническую болезнь века, Майков не отрицал необходимости становления новых общественно-культурных отношений с крупными европейскими странами, духовная жизнь которых формировалась в русле христианских идей. Отсюда его непреходящий творческий интерес к событиям мировой культуры (сборники «Века и наро-

А.Н. Майков

ды», «Страны и народы»). В стихотворении «Клермонтский собор» поэт развил мысль о заслугах России, преградившей полчищам Батыя путь на Запад и предотвратившей тем самым возможную гибель западной цивилизации:

*И Русь одна тогда была
Сторожевым Европы станом
И уж за веру кровь лила...*

Русской старине посвящен цикл стихов «Отзывы истории», главными героями которых являлись известные государственные деятели Петр I, Иван IV, Александр Невский, ученый и поэт Ломоносов и т.д.

Поэтому неслучайным является приезд Майкова вместе с историками Н.И. Костомаровым и Н.П. Барсуковым в начале 1862 года в древний Новгород, центр вечевой республики. Их пригласил инспектор народных училищ И.П. Можайский, талантливый педагог, поэт, историк, активно сотрудничавший в журналах 60–80 годов: «Стрекозе», «Осколках», «Отечественных записках», «Будильнике». С Н.И. Костомаровым он познакомился раньше, в апреле 1861 года, во время пребывания ученого в Новгороде, где тот читал публичную лекцию, частью которой стала статья «О значении Великого Новгорода в русской истории». В доме Можайского Майков встречался с учителями мужской гимназии И.К. Куприяновым и Н.К. Отто, беседовал с ними о «древних мужах новгородских». Эти дни поэт называл «каким-то светлым оазисом

в своей жизни». По-видимому, во время общения речь шла о великих людях, связавших свою судьбу с Новгородчиной. Некоторые из них увековечены на памятнике Тысячелетию России. Среди видных представителей отечественной культуры, к кому обратился художник Микешин, автор проекта монумента, с просьбой в выборе персонажей горельефа, был и А.Н. Майков. Из воспоминаний Н.П. Барсукова (1898) мы узнаем о посещении деятелями культуры памятных мест как в Новгороде, так и в его окрестностях, о знакомстве со старопечатными источниками, показавшими высоту книжного искусства Древней Руси. Отголоском встреч с поэтом стала книга И.К. Куприянова и Н.К. Отто с краткими биографиями персонажей памятника.

Впечатления от пребывания в Новгороде позволили впоследствии поэту создать стихотворение «В Городце в 1263 году», опубликованное в журнале «Семейные вечера» (1878). В его основу легли факты биографии Александра Невского, последние мгновения его земной жизни, взятые из второй псковской летописи: побывав в Орде год «избави ради христианские» и испив до дна чашу горести и унижений, великий князь возвращается на Родину. Но жестокий недуг сковал его силы. Много раз он ездил к ханам, подвергался опасностям, не щадил себя, освобождая пленных, помог строительству православных церквей в Орде, и вот теперь ему приходится умирать во цвете лет. В Нижнем Новгороде он немного отдохнул и продолжал путешествие. Не доезжая до Городца (Волжского), великий князь так сильно заболел, что не в состоянии был ехать дальше. По обычаям того времени, он стал просить о пострижении в иночество — такова предыстория событий, изложенных в стихотворении. Все что ни делал Александр Невский, освящено чистой любовью к народу и Отечеству, которое не есть нажитое от идей, от ума, но дается как благодать Божия. Во имя этого можно перенести и унижения и страдания:

Я ж, — говорит, — поклонился болванам, чрез огонь я прошел,

Жизнь я святому венцу предпочел...

Но, на Спасителя взор устремив, —

Боже! ты знаешь — не ради себя —

Многострадальный народ свой лишь паче души возлюбя?...

Выразительность, эмоциональность речи выражена посредством восклицательных предложений. Большую роль в тексте играют, казалось бы, на первый взгляд мимолетные, но чрезвычайно значимые и характерные детали. Анафора «тихо», в начале текста, передает особенную атмосферу всенародного горя и скорби по умирающему и благоговейное отношение к великому таинству смерти. Едва сдерживая слезы, стояли около одра князя приближенные.

Тихо лампада пред образом Спаса горит;

Тихо игумен пред ним на молитве стоит;

Тихо бояре стоят по углам;

Тих и недвижим лежит, головой к образам,

Князь Александр, черной схимой покрыт...

Страшного часа все ждут: нет надежды, уж нет!

Колорит эпохи, где доминирующую роль играла православная религия, создает церковнославянская лексика: игумен, молитва, Спас, Бог, грех, мощи и т. д. и цитаты, взятые из Библии. Александр Невский предстает перед нами как христианин, чью основу жизни составляют высшие цели — служение Богу и людям:

Помятся тьмами ордынцы на Русь —

я себя не щажу,

Я лишь один на плечах их держу!..

Даже в последние минуты жизни князь думает о Родине, верит в ее великое будущее:

Веруя в чаянье лучших времен, —

Всё лишь вконец претерпевый — спасен!..

Пластически законченные картины — видения, из которых состоит стихотворение, в историческом обрамлении увиденных и пережитых событий приобретают выпуклость и цельность.

Александр Ярославичу посвящено и второе стихотворение А. Майкова «Победа Александра Невского над шведами». Это стилизация под народную песню, отличающуюся задушевностью, напевностью. Произведение начинается с вступления — картины природы накануне решающего сражения, предвещающей победу русской дружины:

Сгинь ты, туча — невзгоде ненастное!

Выглянь, Божие солнышко красное!

Вот сквозь тучу-то солнце и глянуло,

Красным золотом в озеро кануло,

Что до самого дня недостатного,

Бел — горячими камнями стланного...

Наряду с традиционно-поэтической лексикой: рамена, чело, лик, ладя — употребляются и народно-поэтические слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. И герои стихотворения тоже похожи на былинных.

А князь-то! О Господи, Боже!

Как наехал на Бюргера, их воеводу,

любимым конем,

Размахнулся сплеча и печать кровяную

булатным копьем

Положил меж бровей хвостуну,

окаянному шведу.

Задача искусства, по мнению Майкова, состоит в том, чтобы передать впечатление, которое производит окружающий мир на высокую душу. Такой идеал поэт нашел в Александре Невском, сумевшем в столь трудное для Руси время заботу о народном благе поставить выше своих семейных и поместных интересов. С гражданских позиций оценивается им прошлое нашего Отечества. Современного читателя поражают масштабы художественной действительности творчества Майкова, виртуозность музыкального слова.

Наталья МОРЫЛЕВА

«ДОРОГОЙ НАШ ПРОСВЕТИТЕЛЬ, ИЛЬЯ ФЕДОРОВИЧ!»

Этими словами начинается поздравление, с которым обращаются члены семьи крестьян Кротовых к Илье Федоровичу Тюменеву, новгородскому помещику, владельцу усадьбы Приволье, находившейся близ старинного села Доброе. В середине 80-х годов XIX века Илья Федорович купил участок земли в Новгородском уезде в Любанской волости, там, где в реку Тигоду впадает небольшая речка Кородынька, и построил себе усадьбу.

В своей статье, посвященной художнику А.К. Рябушкину, я уже, отчасти, рассказывала об этом замечательном человеке, энергичном, живом, любознательном, вся жизнь которого была наполнена жаждой познания и желанием поделиться своими знаниями со всеми окружающими его людьми. Он был талантлив во многом: художник и композитор, писатель и журналист, исполнитель, свободно владеющий многими музыкальными инструментами и обладающий неплохим голосом, пылкий путешественник и плодовитый театральный постановщик.

В течение всей своей жизни, стараясь зафиксировать каждое ее мгновение, он вел огромное количество записей. Многочисленные дневники, записные книжки, многотомная рукописная «Автобиография», письма, фотографии и множество других материалов составляют гигантский личный архив Тюменева, находящийся ныне в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) в Санкт-Петербурге. В этом архиве пылкий исследователь не просто найдет факты из жизни И.Ф. Тюменева, его семьи, многочисленных родственников и знакомых, но и уникальные сведения по истории культуры России конца XIX — начала XX веков, удивительные, живые, яркие картины, рисующие бытовую сторону жизни интеллигенции пореформенной России.

Сам Тюменев не сразу осознал всю ценность подобной фиксации событий, отдавая в юности просто дань существовавшей в то время в обществе моде — вести дневниковые записи. Первый том автобиографии, который был начат 9 апреля 1879 года, когда Илье Федоровичу было двадцать три года, открывается записью: «Пишу не для славы — для забавы». А за год до смерти, 13 ноября 1926 года, на первую

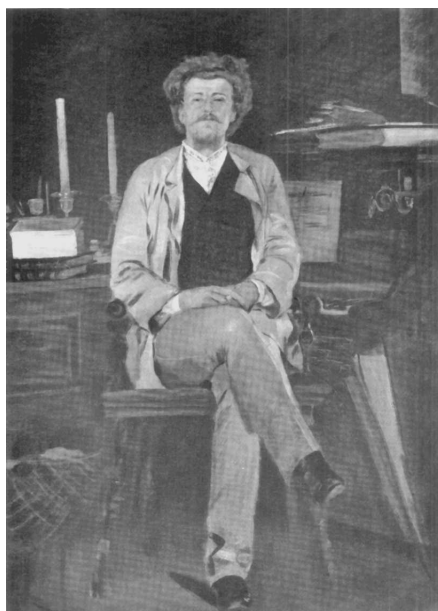
страницу своей «Автобиографии», Тюменев вклеивает листок, открывающийся эпитафией из «Памятника» А.С. Пушкина: «Нет, весь я не умру». Листок этот доносит до будущих читателей выношенный в течение всей жизни Ильи Федоровича взгляд на ценность и цель человеческого существования: «...жизнь каждого отдельного человека,

представляет собой подобие цветного камушка, из соединения которых, постепенно — поколение за поколением, складывается блестящая красками мозаичная картина жизни целого народа, составляющая в свою очередь известную часть общей жизненной панорамы всего человечества. Записки современников, их письма, дневники, воспоминания являются ценным вкладом для вдумчивого историка, умеющего вникать в написанное».

Нынче, когда история сворачивает с пути описания и изучения только великих событий, знаменитых личностей и, наконец-то, начинает обращать внимание на «малых мира сего», на тех, кто своей жизнью ткал плотно историю. Значение таких личных архивов, как Тюменевский — огромно, а сведения, которые в нем можно почерпнуть, — уникальны.

Илья Федорович Тюменев (1855–1927), происходил из купеческой семьи, занимавшейся хлеботорговлей. Предки его были коренными жителями города Рыбинска Ярославской губернии. Известная родословная семьи прослеживается вплоть до конца XVII века, до некоего Андрея Тюменева. Когда родился Илья, его прадед Федор Ильич (1770–1861) был еще жив. Уважаемый в Рыбинске, много лет подряд он был городским головой.

Академик А.И. Тюменев, сын И.Ф. Тюменева, первый подал мысль и даже ходатайствовал о создании в городе коммерческого училища. По его инициативе, и частью на его средства, начато устройство гранитной набережной на берегу Волги. Был он человек начитанный и большой любитель просвещения, поэтому неудивительно, что именно им было издано одно из первых печатных описаний родного города, составленное протоиереем Матвеем Гомилевским в 1836 году. Экземпляр этой книги бережно хранился в библиотеке его правнука. Ее полный за-

А. Рябушкин. Портрет
И.Ф. Тюменева. Конец 1880-х годов

головок: «Описание города Рыбинска, составленное попечением Рыбинского городского головы, почетного гражданина Федора Тюменева и изданное его изданием, при статистическом Отделении Министерства Внутренних Дел. Санкт-Петербург. В типографии Штаба Отдельного корпуса Внутренней стражи. 1837 год.» Книжка была посвящена покойному императору Александру I, которого, как и Николая I, в качестве именитого гражданина, принимал Федор Ильич в своем доме. На его портрете в Рыбинском Историко-художественном музее, на руке мы видим два массивных перстня, подарки императоров, множество других наград, полученных патриархом рода Тюменевых за его более чем 90-летнюю активную жизнь.

Сына своего Илью он определил для ведения торговых дел на постоянное место жительства в Петербург. Тот построил на Большой Болотной каменный дом, в котором семья Тюменевых жила до 70-х годов, пока Федор Ильич не продал свое дело и не зажил в своем имении Майдан Куриловский в Подольской губернии. И дед, и отец были людьми вполне европейского склада, слыли большими любителями театра, музыки, литературы, получили хорошее образование, выписывали современные журналы, много читали, даже сами пописывали стихи, которые бережно сохранялись в семейном архиве. Илья Федорович писал о своем деде: «В 20-х годах, он будучи с другими купцами на пристанях в Москве или провинции для закупки зерна, устраивал в каком-то сарае спектакль. Поставлены были «Дмитрий Донской» Озерова и заглавную роль исполнял дедушка. Папаша рассказывал, что он и потом долго декламировал в героическом тоне того времени свой начальный диалог». И все это сочеталось с успешной деловой деятельностью, ведь Тюменевы были купцами первой гильдии.

Не правда ли, ничего общего с хрестоматийными образами купцов А. Островского, который создавал свои пьесы примерно в это же время. Да, действительно, семья Тюменевых значительно выделялась из рядовой купеческой среды, их образ жизни и деятельности полностью подпадал под сказанные позже слова К. Станиславского, который назвал лучших представителей купеческого сословия «строителями новой культурной жизни».

Дед Ильи Федоровича скончался задолго до рождения внука, в 1850 году. В семье сохранился его акварельный портрет: «...совершенно европейского вида культурный человек во фраке с укладкой, по моде того времени, в белой рубашке с накрахмаленным пластроном, сидит на стуле, держа в руках часы на золотой цепочке, подбоченясь, гордо, уверенно с легкой усмешкой на губах».

В архиве Тюменева я увидела и портрет его отца Федора Ильича в пожилом возрасте. На меня смотрел представительный старик с короткой бородкой, пышными седыми бакенбардами и роскошной шевелюрой, не скрывающей высоких залысин. Крупный нос, слегка наслупенный лоб и отрешенный вид человека, предающегося каким-то личным, глубоким размышлениям. Ускользящий, смотрящий немного в сторону взгляд, еще больше усиливал впечатление

какой-то внутренней сосредоточенности и самоуглубленности. Тюменев в своей автобиографии писал: «Папаша обладал веселым и крайне добрым характером. Эти качества делали его любимым повсюду. Мамаша была так же очень добра, но у нее преобладал над сердцем рассудок. Папаша был впечатлительный, порывистый, сердечный, она покойная, рассудительная. Оба они искренно любили друг друга».

В биографическом очерке, составленном сыном И. Ф. Тюменева Александром Ильичем в 1946 году перед передачей архива на хранение в РНБ, я особо выделила для себя фразу: «Именно впечатления детства и оставили особенно глубокий след в жизни Ильи Федоровича и определили собой его дальнейшее развитие». Все в доме способствовало развитию его разнообразных талантов: ставились домашние спектакли и драматические, и оперные, и водевили. Первое такое представление было устроено Ильей вместе со своими двоюродными братьями и сестрами еще в 1862 году. Они перенесли на домашнюю сцену увиденный в театре спектакль. А в 11-летнем возрасте Илья исполнял в домашнем спектакле, опере «Жизнь за царя,» партию Вани, отец — Ивана Сусанина. Увлечение церковным пением было более чем естественным в их семье, а мать, особенно в молодости, пела романсы, аккомпанируя себе на рояле. Читаю в автобиографии: «Читать я научился около четырех лет. Мамаша в это время читала книги исключительно духовные: Иоанна Златоуста, Четьи-Минеи Дмитрия Ростовского. Обыкновенно она прочитывала жития тех святых, память коих в этот день праздновалась. Я был ее постоянным слушателем и ничего, кроме Четьев-Минеев не знал. Часто еще не умея читать по-славянски, чему я научился почти одновременно с русским, я брал какой-нибудь месяц Четьи-Миней, и глядя в строку бормотал про себя житие и страдание какого-нибудь мученика сочиняемые тут же экспромтом... Я с самого раннего детства был большим любителем картин и рисования. Рисовал я все больше религиозные сюжеты, и уже в то время появилась у меня страсть к собиранию воедино, к коллекционированию». Поэтому не приходится удивляться тому, что все записи Тюменева наполнены рисунками. Это портреты родственников, рисунки интерьеров домов, памятных мест, где побывал Илья Федорович во время своих многочисленных путешествий, вкус к которому у него тоже зародился в детстве, когда он ездил к родственникам в Рыбинск или к брату Федору на Валаам. Во время учебы в частном пансионе Видемана появился интерес к истории, чтению исторических романов и литературному творчеству. В шестнадцать лет он начал писать свой первый роман — о себе, своей семье, родственниках.

Обучение в пансионе Тюменев не закончил, так как после смерти матери и по слабости здоровья был отправлен с воспитателем, уроженцем Швейцарии Тоблером, за границу, где продолжил обучение у частных преподавателей. За два года он побывал в Швейцарских и Австрийских Альпах, путешествовал по городам Италии. В 1872 году было предпринято вторичное заграничное путешествие — через Герма-

нию в Швейцарию, затем Нидерланды и Англию, Францию. Буквально каждый шаг, каждое событие, интеллектуальное и зрительное впечатление отражено в его дневниках, записках, рисунках и фотографиях. Чего здесь только нет: рисованные виды Вероны, Шильонского замка, русской церкви в Ницце с русским кладбищем, открытки с изображением памятника К. Геснеру в Цюрихе и с видами Ларго Маджоре; поздравительные пасхальные открытки, приходившие от родственников из России; визитные карточки, портреты и фотографии тех людей, с которыми Тюменев знакомился во время путешествий; рекламные листки и наклейки гостиниц, в которых он останавливался; записи впечатлений от увиденных спектаклей с зарисовками декораций и актеров в костюмах; ноты; выписки из книг на немецком, французском языках; рисунки античных статуй, которые он увидел в музеях Европы; газетные вырезки; железнодорожное расписание; записи о погоде...

По возвращению из-за границы вместе с художником П.А. Черкасовым (впоследствии инспектором Академии Художеств) Илья Федорович снова отправляется в путешествие на Восток — в Палестину, Сирию и Египет.

Восточные страны, знакомство с их экзотической культурой, непривычным бытом, прикосновение к историческим памятникам древнего мира и библейским святыням Палестины произвели глубокое впечатление на путешественника, как всегда оставившего подробнейшие записи о своей поездке. Читая его живые, пронизанные легким юмором и наполненные романтическими и религиозными переживаниями и бытовыми подробностями строки, словно оказываешься в тех же местах, где побывал Тюменев. Проходишь на парохе через Босфор, оставив с правой, румелийской стороны маяк Св. Георгия; заходишь во дворец Баюкдера, где располагается русский посланник; гуляешь по Галате и выплачиваешь все более возраставший бакшиш многочисленным сторожам Ай-Софии, если не просто хочешь зайти в мечеть, но и подняться на ярусы и хоры, некогда христианского храма. Совершаешь прогулки по Гефсиманскому саду, в котором происходило моление о чаше и Кедронской долине; зришь на Эллионскую гору, место распятия Христа; ночуешь в русских православных монастырях, в изобилии расположенных в Святой земле. Иерихон, Мертвое море, Омарова мечеть, могилы пророков. Вместе с Ильей Федоровичем мы совершаем восхождение на пирамиды и знакомимся с мощной, подавляющей человека, архитектурой храмов Мемфиса. Восхищаемся восточной пестротой александрийского базара и в лабиринте узких улиц арабских городов находим ко-

фейни, где под заунывные звуки зурнава поет женский хор, участницы которого, скрываются от зрителей мужчин за густой кисеей. Какой музыкой для истинного путешественника звучат одни только эти названия: Дарданеллы, Смирна, Хиос, Родос, Латакия, Триполи, Бейрут, Сайда, Аккра, Яффа, Иерусалим. А ведь Тюменев в своих многочисленных зарисовках дает нам возможность увидеть эти места. Из путешествия Илья Федорович возвращается не просто переполненный впечатлениями, но и привозит много нотных записей. Это духовная музыка и стихи, которые он собирал в монастыре Св. Саввы, в монастыре Св. Георгия в Иерихоне, в Русской Миссии в Иерусалиме.

В этом его живом интересе к музыке нет ничего удивительного, он играет на разных музыкальных инструментах, поет, в том числе и духовную музыку.

Именно в это время, в 1875 году, знакомится с Н.А. Римским-Корсаковым, у которого начинает брать частные уроки по гармонии и контрапункту, изучает теорию музыки и начинает сам писать музыкальные произведения. Эти занятия вскоре переросли в дружеское общение и совместную работу. Именно Тюменеву принадлежит переработка пьесы Л. Мея в либретто оперы «Царская невеста», позднее составлены либретто опер «Пан воевода», «Илья Муромец», тоже для Н.А. Римского-Корса-

Рисунок Ильи Тюменева

кова. В 1924 году Илья Федорович написал воспоминания о композиторе, а в семье бережно хранились его письма и фотопортрет Н.А. Римского-Корсакова с дарственной надписью на имя Тюменева.

Сам Илья Федорович писал произведения для фортепиано: пьесы, танцевальную музыку, фуги (в фонде имеются шесть его музыкальных сборников, охватывающих период с 1872 по 1923 годы), вокальные произведения: романсы, песни, дуэты. Он перерабатывал народные песни, делал хоровые переложения и обработки, создавал сборники партитур для хора. Его музыка к церковному песнопению «Херувимская», была напечатана у П.Ю. Юргенсона под названием «Добросельская». Для этого же издательства Илья Федорович сделал в 90-е ряд переводов оперных либретто: трилогию Р. Вагнера, «Дон-Жуана» В.А. Моцарта, «Волшебного стрелка» К. Вебера, а так же песни Ф. Шуберта. Писал он и оперы, одна из них под названием «Ересь» или «Еретик», рисует времена падения Новгородской республики. Другие, «Бесы» и «Воевода», так и не были дописаны до конца и сохранились лишь в отрывках.

Илья Федорович был обеспеченным человеком, благодаря успешной коммерческой деятельности нескольких поколений семьи Тюменевых, ему не надо было служить ради «хлеба насущного». Поэтому он

имел возможность всецело отдаться своему стремлению к самообразованию и удовлетворению своих духовных интересов и запросов, носивших самый разносторонний характер.

Будучи завзятым театралом, Тюменев посещал все столичные премьеры, оставляя в дневниках обстоятельные записи с многочисленными рисунками. Помимо постановок на русской сцене с описанием игры выдающихся русских актеров, не менее подробно он оценивал и описывал гастрольные выступления артистов — мейнингенской труппы, Э. Росси, Т. Сальвини. Он и сам был не чужд артистических амбиций, был членом Санкт-Петербургского драматического кружка, участвовал в спектаклях, в том числе в постановке «Отелло» с участием Т. Сальвини. О его известности в петербургских театральных кругах говорит тот факт, что в течение многих театральных сезонов дирекция Императорских театров присылала ему письма с программами спектаклей. Их можно увидеть в его архиве. Бывал он и на генеральных репетициях, одна из таких — репетиция оперы Мусоргского «Борис Годунов» в Мариинском театре, проходившая в 1870 году, подробно у него описана. Вообще для историка театра записи Тюменева — неисчерпаемый кладезь информации и достаточно объективной, и несущей на себе отпечаток личности Тюменева, которому был свойственен юмор и мягкая ирония. Эти его качества проявились и при составлении «Устава комедо-траго-драматистов (любителей артистов)». И в многочисленных выпусках рукописных журналов, которыми он особенно увлекался в 70—80-е годы. Журнал «Дело и шутка» выходил в 1875—1877 годах при кружке любителей театра и музыки. В нем отражалась вся текущая жизнь кружка. Здесь можно найти программы вечеров, рисунки, дружеские шаржи. Такой же журнал издавался «Санкт-Петербургским собранием художников», членом которого И.Ф. Тюменев стал в 1878 году.

В рамках деятельности этого общества устраивались концерты, художественные вечера, образовательные лекции, например, лекция П.Д. Боборыкина «Островский и современный русский театр», лекции историка Н.И. Костомарова, биолога И.М. Сеченова, композитора А.П. Серова. Проходили торжественные обеды, юбилейные чествования, среди которых особенно выделялся юбилей М.И. Глинки, прижизненные и посмертные выставки, лотереи картин. Во всем этом Илья Федорович активно участвует, а затем вместе с С.Ф. Светловым и К.Н. Солововым отражает на страницах журнала «Непризнанный» (1878—1881). Среди рукописных изданий стоит еще назвать журнал «Баян», посвященный музыкальной жизни Академии Художеств, студентом которой Тюменев стал в 1880 году. Ведь одновременно с прохождением курса он руководил оркестром академистов и хором думских учительниц. Как видим, его общественный темперамент, желание организовать, создать вокруг себя бурную, плодотворную культурную атмосферу, проявлялись на протяжении всей его жизни. Вместе со своим оркестром он устраивает музыкальные вечера, дает концерты, участвует в рисовальных академических вечерах, выступая одновременно в двух ипостасях: художника, музыкан-

та. Именно тогда Тюменев знакомится с Рябушкиным, и между ними возникает симпатия, очень быстро переросшая в дружбу. Они, прежде всего, ощутили себя единомышленниками, людьми, у которых одинаково ярко выражен интерес к художественному творчеству, музыке, к русской истории и культуре. Группа художников, объединенная этими совместными интересами, стала дополнительно устраивать свои собственные занятия, собираясь поочередно друг у друга. Тюменев был из них, несомненно, наиболее образованным и музыкально одаренным. Во время этих встреч художники рисовали, слушали и исполняли музыку, обсуждали интересующие их вопросы. Из записей Тюменева от 21 марта 1883 года: *«Сегодня первая пятница у меня: Рябушкин, Архипов, Павлов, Топорков. Ввиду того, что на академические пятницы имели право являться все получившие в 3-й раз первую категорию за эскиз, среди нашего первоначального тесного кружка чуть не каждый месяц стали водворяться все новые и новые лица... Между тем я все более сближался с Рябушкиным и через него с Архиповым, и их третьим московским товарищем, Василием Петровичем Павловым.»*

В эти годы Илья Федорович был уже семейным человеком. В 1880 году родился его сын Александр, второй ребенок — дочь Ольга. По-видимому, наличие семьи и маленьких детей вызвало у Ильи Федоровича желание переселиться в деревню. Тем более, что в 1888 году он заканчивает курс наук в Академии Художеств с аттестатом, наградой и званием свободного художника. К сожалению, срок моей работы в архиве Тюменева был ограничен всего несколькими днями, а материалы его столь огромны, что мне не удалось понять, какие именно произведения писал Илья Федорович во время обучения, а какие вышли из-под его кисти в последующие годы. Могу лишь предположить, что поскольку в Академии приветствовались произведения на библейские и исторические темы, то, по-видимому, картины «Бичевание» и «Омовение ног» относятся к периоду обучения. Тогда, возможно, были написаны и исторические полотна: «Иван Грозный за письмом к Ивану Курбскому», «Боярский гонец XVI века», «Опричник», «Отравление князя Скопина-Шуйского». Картины, посвященные эпизодам истории Новгорода, вероятно, появились, когда Тюменев переселился в Новгородскую губернию и стал активно интересоваться новгородской историей. Это: «Новгородский волхв XII века», «Поп Амос» (эпизод из взятия Новгорода шведами в начале XVII века), графическая работа «Вечер Новгорода»,... но это всего лишь зыбкие предположения. Несомненно, только то, что деревенские зарисовки и портреты крестьян он писал в Приволье. «Пастух Матвей», «Максим-пасечник», «Изба солдатки Натальи в Кородыньке», «Деревенские сумерки. Приволье», «Будущий ягодник в Приволье». К сожалению, по уже выше обозначенным причинам я не смогла привести в качестве иллюстрации ни одного рисунка и ни одной фотографии из архива. Есть лишь описание усадьбы, какой ее увидел, уже в 1925 году, после выселения всех помещиков за пределы Новгородской губернии, директор новгородского музея С.М. Смирнов.

«Усадьба Приволье по всем признакам была не из богатых. Территория усадьбы была обнесена простой деревенской изгородью, и на этой территории стояли деревянные строения жилого и хозяйственного назначения, все они пустовали, не видно было нигде замков. В сопровождении старика сторожа я обошел все постройки, в которых еще недавно шла своя жизнь. Главный дом в Приволье деревянный, одноэтажный, с мезонином, фасадом своим был обращен во двор усадьбы. Перед домом располагалась широкая, поросшая травой лужайка, со следами цветочных клумб. В доме было пусто и одиноко. На стенных обоях видны следы висевших здесь когда-то картин и домашних фотографий».

Читаю эти строки, а перед глазами фотографии иных времен, когда в имении кипела жизнь. Кого тут только нет: семейство Тюменевых, их многочисленные родственники, друзья. Вот Александра Федоровна с Ильей Федоровичем за роялем в библиотеке; вот сценки из домашнего спектакля, разыгрываемого на открытой веранде; вот целая группа художников с мольбертами расположилась на пленэре, делая зарисовки, а это, по-видимому, все «население» Приволья, живописной группой расположившееся на лужайке перед домом. Здесь и хозяева с детьми, и гости, и прислуга, и окрестные крестьяне.

Далее в своих воспоминаниях Смирнов пишет: «Почти посреди двора возвышалось круглое, как мне показалось, дощатое строение в виде ротонды с пристроенным к нему крылечком. Владелец усадьбы был большой книголюб и собрал замечательную библиотеку, для которой и было построено это здание. Поднимаюсь на крылечко, открываю наружную дверь, за ней вторую внутреннюю и на белой некрашеной плоскости вижу, написанную А.П. Рябушкиным картину «Аполлон Мусaget летящий». Картина была написана маслом и была в полной сохранности. Внутри здания по стенам в два этажа, за обрамленными деревянными перильцами, шли стеллажи для книг. Вверху имелось небольшое оконце для света. Книги владельцы увезли с собой. В осиротевшем здании остался в одиночестве лучезарный бог искусства и вдохновения».

Да, искусство и вдохновение царили в этом уголке новгородской земли. Начиная с 1887 года, когда Тюменев приобрел имение, здесь собирались люди, страстно влюбленные в русское искусство, изучавшие русскую историю, театр, русскую музыку. Здесь читали вслух русские былины, их могучее слово звучало в унисон музыке из опер на исторические сюжеты. В новогоднюю ночь 1888 года были поставлены спектакли «Сказка о рыбаке и рыбке» и опера А.Н. Серова «Рогнеда». Музыкальное оформление взял на себя хозяин, а художественное — Рябушкин. Как напоминают эти устремления по изучению рус-

ской культуры ту деятельность, которую развил в Абрамцеве С.И. Мамонтов, или княгиня Тенишева в Талашкино. Конечно, масштабы этих деяний на ниве культуры были несоизмеримы, но они свидетельствовали о том, что в 1870—1880-х годах деятели русской культуры, обернувшись лицом к русской истории. И все происходящее протекало в общем русле подъема национального самосознания.

Именно в эти годы в усадьбе поселяется Рябушкин в специально построенной для него мастерской, которая получила в семье название «скит». С.М. Смирнов описывает ее так: «Позади здания библиотеки в недалеком от него расстоянии стоял деревянный дом обычного деревенского типа, в три окошка налицо. В этом скромном доме прожил ряд лет

известный в истории русского искусства художник А.П. Рябушкин. В чердачном помещении была устроена мастерская живописца с застекленным верхом».

Илья Федорович жил в имении постоянно вплоть до 1891 года, когда, в связи с поступлением детей в гимназию, семья вновь переехала в Петербург, наезжая в Приволье лишь летом. В этот период его жизни на-

А. Рябушкин. Усадьба Тюменевых «Приволье». 1892 год

чинаются активные занятия литературной деятельностью. Отвечая в 1913 году на письмо С.А. Венгерову, содержащее просьбу прислать сведения о себе для включения их в издаваемый «Критико-биографический словарь», Тюменев писал: «Литературным крестным отцом считаю С.Н. Шубинского и с глубокой благодарностью вспоминаю А.К. Шеллера, одобрявшего мои первые беллетристические опыты. Первый мой очерк «Хутынский монастырь» был напечатан в августовской книжке «Исторического вестника» в 1892 году... Те два труда, которыми я занимаюсь в последние годы: опыт подробной хронологии русской истории и большой, исключительно бытовой роман из времен Алексея Михайловича (1652), по своей громоздкости едва ли скоро будут закончены». В 1903 году выходит отдельной книгой повесть из новгородского быта XV века «Халдей». Тюменев взял себе при издании книги авторский псевдоним И. Привольев, словно и в Петербурге не мог забыть о своем любимом уголке в Новгородской губернии. Критика того времени не слишком высоко оценивает художественные достоинства повести, но всячески подчеркивает ее историческую и бытовую достоверность. Художником-оформителем в этом издании выступает Рябушкин, создавший ряд иллюстраций и обложку книги.

В периодических изданиях, таких как журналы «Нива», «Живописное обозрение», «Природа и люди», «Всемирная иллюстрация», «Русский паломник», появляются в течение последующих лет исторические повести, рассказы, очерки. «Маленький герой» — повесть из смутного времени, «Не судьба!» —

повесть о последних князьях Старицких, «Епифаний неудача» сын Васильев Ховралев», «Божья воля» — исторические повести XVI века, «Дом Богоматери» — очерк об осаде Тихвинского монастыря в XVII веке, очерки «Новгородская старина» и «Возрождение древлехранилища» об истории создания и первоначальных коллекциях новгородского музея. Публикуются этнографические заметки и путевые впечатления, появившиеся в результате возобновления путешествий: но уже не заграничных, а по просторам России: в Шлиссельбург, Старую Ладогу, Новгород, Боровичи, Верхний Волочок, в Тихвинский монастырь, на Кивач, в Финляндию, на Кавказ, по Обонежью... Эти ежегодные поездки в обществе своих близких друзей, художников А.П. Рябушкина, В.В. Беляева, В.П. Павлова, становятся традиционными, и кладут начало обширнейшим этнографическим коллекциям Тюменева. Он собирал не только материальные предметы народной культуры, но и тщательно записывал сказки, поверья, загадки, пословицы, преданья, обряды, колядки, обычаи, народные песни и многое другое. Ныне все эти материалы хранятся в Этнографическом музее в Санкт-Петербурге, куда они были переданы сыном Ильи Федоровича в 1949 году. Результатом этих поездок было появление большого количества фотографий и более тысячи восьмисот иллюстраций, созданных художниками, в том числе и Тюменевым. Среди них можно назвать: зарисовки Белозерского канала, виды Вильно, Петербурга и его окрестностей, Пскова, Ревеля, Свири, Троицкой Лавры, Углича и других. Где находятся все эти материалы ныне, сказать затрудняюсь, знаю, что передавались части архива и в Русский музей, и в Эрмитаж. Объемы всех коллекций Ильи Федоровича были огромны, например, рисунков, акварелей, картин русских художников, гравюр — свыше двух с половиной тысяч, а составленное им в 1902 году «Описание художественных, археологических и этнографических коллекций Тюменевых в Приволье» занимало объем в 63 листа.

С впечатлениями, внесенными от знакомства с географией, историей, культурой разных уголков России, Тюменев постоянно знакомил русскую читающую публику на страницах журнала «Исторический вестник», с которым он, пожалуй, сотрудничал наиболее активно. Свидетельством чего является его обширная переписка с редактором издания С.Н. Шубинским, продолжавшаяся на протяжении двух десятилетий: и многочисленные очерки, помещенные на страницах журнала «По пути «из варяг в греки», «В верховьях Волги», «От Ржева до Углича», «От Углича до Рыбинска», «Поездка в Нилову Сорскую пустынь», «По Марининской системе», «На среднем плесе», «От Ярославля до Нижнего», «От Тихвина до Всегогонска», «Пятисотлетие Кирилло-Белозерского монастыря». И, как всегда, у Тюменева все эти поездки были тщательным образом зафиксированы в его записных книжках, дневниках: 1898 год — Москва-Переяславль; 1903 — Крым...

Еще одно направление литературного творчества Ильи Федоровича, о котором надо сказать особо, это переработка известных драматургических произведений и создание собственных пьес, предназначен-

ных для постановки в театральной труппе Добросельского народного общества. Началась эта деятельность Тюменева в 1901 году, когда он снова перебирается на постоянное место жительства в Приволье.

Сын Александр к тому времени уже учится в университете, дочь вышла замуж за В.В. Беляева — художника, впоследствии академика живописи. Молодые живут тут же рядом в имении Дидвино, правда, отношения не заладились. Илья Федорович не доволен выбором дочери и обижается на то, что зять переманил на постоянное жительство в свою усадьбу Рябушкина, но со смертью художника в 1904 году ссоры будут забыты. Вместе они устраивали посмертную выставку, стояли на отпевании в Добросельской церкви, купол которой украшали четыре евангелиста, написанные Рябушкиным, а в иконостасе находилась картина с изображением местного святого Макария, жившего неподалеку от села Доброго в монастыре на речке Лизне. Вместе они поставили на могиле высокий деревянный крест и ежегодно устраивали товарищеские обеды в память о своем друге.

Переселившись почти на двадцать пять лет в деревню, не прерывая своих обычных музыкальных и литературных занятий, Илья Федорович отдается общественной деятельности и делу народного образования. Он принимает непосредственное участие в деятельности местного крестьянского общества взаимопомощи, проводит регулярные общеобразовательные чтения для крестьян, образует из крестьянской молодежи хоровые общества (светское и духовное пение), организует театральную труппу, ставит несколько спектаклей в год, руководит экскурсиями в города.

В 1908 году в «Волховском листке» Анатолий Клопов, Председатель Добросельского народного союза поместил письмо, которое давало идейное обоснование всей той деятельности, которую проводили лучшие представители российской интеллигенции, в том числе и Тюменев, в Новгородском уезде, Пельгорской волости. *«...Самодетельность народа и общества должна сыграть огромную роль в нашем обновлении, которого ждет с таким нетерпением вся Россия. Мне кажется, как бы не функционировало наше народное представительство, многие вопросы могут выявиться и разъясниться с пользой и правильно, только при неременном условии, если предварительно они будут подлежать рассмотрению местного самоуправления. А если это так, то вопрос нашей самодетельности является перво-степенной важности и неотложным. В силу этого принципа, каждый чающий движение воли от народного представительства должен употребить все усилия и способы к поднятию и развитию местной самодетельности. Огромное препятствие при этом на всем пространстве России, конечно, будет невежество и темнота народа, косность вообще русского человека и отсутствие гражданственности даже среди образованного общества, не говоря уж о недостатках средств. Так как по своей численности крестьянство нашей страны будет всегда играть ведущую роль в народном представительстве, то на него-то и следует, прежде всего, обратить внимание. Исходя из этого, за*

несколько лет до Манифеста 17 октября, в селе Добром, нам, местным жителям удалось организовать нечто вроде мелкой земской единицы. Так как у нас еще в то время невозможны были никакие общественные организации, в которых могли бы участвовать все сословия, то в начале пришлось воспользоваться уставом церковно-приходского попечительства. В 1907 году, в силу развития деятельности нашей мелкой земской единицы, пользуясь новым законом, был обоснован Добросельский народный союз. В задачу его входят всевозможные предметы духовно-материального, хозяйственного свойства: мелкий кредит, медицина, сельское хозяйство, в смысле улучшения полеводства, травосеяния, огородничества, ягодоводства, скотоводства, дорожное дело, продовольственный вопрос, школа, народная библиотека, народные чтения, народный хор, театр, образовательные экскурсии.»

В пяти дневниках, озаглавленных «Приволье» и охватывающих период с 1905 года по 31 декабря 1918 года, как всегда, у Тюменева подробнейшие записи. Здесь можно почерпнуть уникальные сведения о культурной жизни крестьян и мероприятиях, организованных при участии Ильи Федоровича, который, несомненно, играл центральную роль в музыкальной, хоровой, театральной жизни в округе. В дневниках можно найти программы спектаклей, афиши, эскизы костюмов, декораций. В роли художника, естественно, выступает сам Тюменев, как и в роли драматурга, перерабатывая для крестьянской труппы пьесы А. Островского: «На бойком месте», «Не все коту масленица», «Свои люди — сочтемся»; А. де Мюссе: «Прихоти Марианны», «Андреа дель Сартто»; «Укрощение строптивой» В. Шекспира, «Недоросль» Д. Фонвизина, «Фрол Скобеев» Д. Аверкина; пьесы А. Чехова, Ж.-Б. Мольера; сказки, басни, стихи А. Пушкина, И. Крылова. Пишет он и оригинальные сценки, водевили, одноактные пьесы: «Иголкин — купец новгородский», «Колдун поневоле», «О судье Шемяке, о дьяке Мемяке, а так же о том, что было потом». На этом его функции не исчерпались. Он распределял роли, причем подробные записи Тюменева позволяют выделить поименно круг крестьянских актеров, и «премьеров», и мастеров вторых ролей. Хотелось бы назвать и целые актерские семьи: Кротовых, Фирсовых, и талантливых актеров — А. Афанасьева, Е. Семенова, М. Данилова, Я. Ермолаева, М. Кононова. Выступает Илья Федорович и в роли режиссера, но и это еще не все: организует рекламу, составляет сметы, отчеты, ведет счета, устанавливает расценки на билеты, выплачивает вознаграждение актерам, причем большую часть расходов оплачивает из собственных денег. А суммы были очень приличные, например, за участие в комедии о российском дворянине Фроле Скобееве, ведущие актеры получали по пять—шесть рублей, исполнители ролей второго плана — до трех рублей, а массовка — по пятьдесят копеек. Всего на 23 человека — 77 рублей.

В течение года ставилось несколько пьес, а еще устраивались, так называемые, сборные концерты, с драматическими отделениями в Добросельском Народном доме. Здесь не только показывали спектак-

ли, но и исполняли стихи, пели романсы, выступал хор. Артистами становились и ученики Кородынской и Добросельской школ, с которыми Тюменев проводил занятия по пению, они выступали с декламациями и дивертисментами. Участвовали в концертах и представители сельской интеллигенции: учителя, библиотекари, врачи, живущие в округе. Кстати, все они тоже были объединены в драматический кружок любителей искусства, и тоже часто показывали свои спектакли во время этих сборных концертов. В программах перечисляются их фамилии: г. Сандомирский, г. Закрутилов, г. Бухарин, г. Псковский, г-жа Юрьева, г-жа Ключинская, г-жа Кородынцева... В некоторых концертах принимали участие артисты императорских театров. Обычно устроители таких концертов ставили перед собой задачу собрать средства в пользу Добросельского Народного дома, народных училищ, Общества вспомоществования учителям Новгородской губернии или для нужд армии во время войны.

У меня в руках была одна из программ подобного концерта, проходившего 21 сентября 1908 года в зале Дворянского собрания в Новгороде. Центральным событием этого концерта было выступление Народного хора под управлением И.Ф. Тюменева. В программе вкладыш с текстами песен, исполняемых хором, среди них духовные песнопения: «Сон Богородицы», «Псалма о старце Варлааме и Иоасафе царевиче»; народные песни — «Ой, Иван ты, Иван», «У ворот», «Как на тоненький ледок». Кстати, иногда хор выступал и с танцами, хороводами, в черновиках программ есть рисунки-схемы танцев к некоторым песням, например, к песне «Дуня». Вступительный текст, к программе, подписанный инициалами И.Ф.Т. гласит: «Народный хор, состоящий при Добросельском народном союзе, существует с 8 сентября 1905 года. Главной целью основания народного хорового общества было желание доставить деревенской молодежи более чистые и разумные развлечения и удовольствия воскресного дня. Число членов хора, когда все в сборе, достигает до пятидесяти и более человек. В праздничные дни хор поет в местной Добросельской церкви, на один и в большие праздники на два клироса. В союзе народном доме, где им предлагаются чтения и где они знакомятся со старинными народными песнями и хоровыми сочинениями разных композиторов... За время существования хора разучено, кроме многочисленных церковных песнопений, более 60-ти номеров народных песен и других сочинений». Анатолий Клопов в статье, отрывок из которой я уже приводила, замечает: «Таким образом, все воскресные дни молодежь от пяти до десяти часов участвует в этих хоровых собраниях и, следовательно, проводит часть досуга не зря, а в более осмысленной, облагораживающей обстановке. Кроме того, в большие праздники — на Пасху, на Рождество, в Масленицу, молодежь устраиваются концерты и спектакли, часть дохода идет в хоровой фонд. Из этого фонда каждый член хора, чтобы не обременять родителей, имеет право брать заимообразно деньги на расходы по содержанию себя во время ежегодных экскурсий».

В этих экскурсиях принимала участие практически вся крестьянская молодежь окрестных деревень. По словам Клопова, *«они давали целый ряд новых свежих впечатлений и наблюдений, обогащают ум знаниями, заставляют думать, сравнивать свое с чужим, незнакомым ранее, приучают к наблюдательности. Сколько он дает свежих, приобретенных воочию не из книжек, не по указке сведений по географии, истории, вообще отечествоведению. Проезжая разные местности, путешественники знакомятся легко и живо с природой их и бытом жителей, на памятниках старины они учатся истории Родины. Много ценных сведений могут приобрести экскурсанты крестьяне по части своего специального труда — земледелия, наблюдая по пути разные системы хозяйства, осматривая плодовые питомники, образцовые огороды. Они знакомятся так же и с многообразием промышленности нашей страны, осматривая попутно фабрики и другие промышленные заведения. Например, в нашу поездку по Волге, были осмотрены с большим интересом несколько фабрик. Показав разнообразные картины и красоты незнакомой природы, новых местностей, а так же произведения искусства древние и новые, подобные путешествия развивают такие духовные качества, как любознательность, любовь к Родине, своему народу, понимание красоты, в чем бы, она не проявлялась».*

Экскурсанты ездили в Новгород, Москву, Крым, на Волгу, получая задание описывать свои путешествия, вести дневники, что многие делали усердно и с удовольствием. Эти бесхитростные описания иногда даже появлялись в печати. Так в приложении к газете «Сельский вестник» были напечатаны записи, повествующие о поездке в Киев. Подробнейшим образом в них рассказывается о том, как шестьдесят молодых крестьян отправились на поезде вначале в Петербург. В пути читали брошюру о звездах, так как собирались посетить Пулковскую обсерваторию, в столице побывали так же в Храме Воскресенья. Из Петербурга в Киев добирались весело, с играми на балалайке, песнями. Слушали рассказы Ильи Федоровича об истории русского государства, о Киево-Печерской Лавре. В дороге очень интересовали различия в крестьянском труде, одежда, дома, способы вспашки, домашний скот. Все было иным, отличным от того, что было дома. В Киеве побывали в Лавре, Владимирском соборе, на Аскольдовой могиле, увидели памятники Св. Владимиру, Богдану Хмельницкому; в Ботаническом саду познакомились с шелководством, катались на пароходе по Днепру. Из Киева по Юго-западной железной дороге через Сарны, реку Припять, Горынь, приехали в Вильно, где побывали в Духовом монастыре. На обратном пути в Петербурге посетили Летний сад, дворец, увидели памятник И. Крылову, стихи и басни которого занимали немалое место в репертуаре концертных программ. При чтении этих записей очень интересно сравнивать, на что тот или иной экскурсант обращал свое особое внимание. Вырисовывается характер человека, его внутренние установки, предпочтения. Экскурсии эти, кстати, проходили за счет организаторов, путешественники тратились только на

питание, которое обходилось им в 18-25 копеек в день, деньги эти были в основном из хорового фонда. Организаторы экскурсий давали в печати очень полезные советы, как находить недорогие места для ночевки, получать скидку на железной дороге. Советы очень ценные, так как просветительская деятельность, в том числе и с помощью экскурсий, очень широко начала развиваться в это время на просторах России.

Ощущал потребность в подобных знаниях и Илья Федорович Тюменев. Поэтому ничего удивительного в том, что мы видим в его архиве билет Московского городского народного университета имени Ф.Ф. Шанявского, выданный Тюменеву во время его обучения на курсах в 1914–1915 годах. В его записных книжках и дневниках интереснейшие сведения о работе этого образовательного учреждения, с зарисовками и портретами деятелей народного просвещения, есть здесь и шаржи, и некие иронические подробности, ведь Тюменев был человеком, обладающим легким, веселым характером.

На курсах освещались вопросы непосредственно лежащие в русле интересов Добрынинского общества. Б.И. Сыромятников читал лекции «Курсы и классы для взрослых, образовательные чтения лекции», П.Д. Брюхатов «Библиотеки-читальни», М.В. Новорусский «Музеи, выставки, экскурсии», М.Д. Шишкин «Народный театр», А.А. Евдокимов «Способы ознакомления народа с изобразительным искусством», Б.Э. Линева «Об организации музыкального образования в городе и деревне». Е.А. Звягинцев и А.У. Зеленко знакомили с принципами организации работы народных домов и с их типовыми архитектурными планами. Эти лекции особенно пригодились Илье Федоровичу в 1916 году, когда им разрабатывался план народного дома со сценой, библиотекой, чайной. Тюменев сам делал чертежи, разрабатывал архитектурные планы, время было тяжелое — война, профессионального архитектора найти было трудно.

На курсы съезжались из всех уголков России, в основном люди, работающие в сфере народного образования и просвещения — учителя, библиотекари. Среди слушателей в небольшом количестве встречались и врачи, и священнослужители, и журналисты, и специалисты по кооперации. Списочный состав слушателей занимает более пятнадцати страниц, включая представителей из сорока с лишним губерний России. Из Новгородской губернии на курсах было восемь человек, все работники образования, Тюменев единственный во всем этом огромном списке записан как землевладелец. Это еще раз подчеркивает, что занимается он просветительской деятельностью не в силу профессиональной необходимости, а по личным мотивам и убеждениям, что на просторах России таких людей было не так уж много.

Фамилии еще двух человек, приехавших на курсы из Новгородской губернии, были мне знакомы по архиву Тюменева — М.И. Девель и И.П. Скворцова. Это учителя, активно работающие в Добросельском обществе и являющиеся постоянными и активными членами кружка по самообразованию, организованного И.Ф. Тюменевым. Во время своих собраний они

читали, обменивались мнениями о прочитанном, обсуждали актуальные вопросы, поднимаемые в периодике, изучали новую литературу, опираясь на «Бюллетень литература и жизнь». Вот, например, программа одного из таких еженедельных вечеров: сообщение о книге Фомы Кемпинского «Подражание Христу», обсуждение новой статьи Л.Н. Толстого о науке, чтение главы из воспоминаний о В.С. Соловьеве участники вечера слушали музыку, делились своими впечатлениями о прочитанном, спорили. Часто на таких собраниях присутствовали гости, не являющиеся постоянными членами кружка.

Все они могли пользоваться огромной библиотекой Тюменева, большого библиофила, построившего в усадьбе даже специальное здание, о котором я уже упоминала. Между прочим, после смерти Н.С. Лескова он купил у его наследников значительную часть книжного собрания писателя и перевез его в Приволье. Илья Федорович был постоянно в курсе всех литературных новинок, очень много читал, причем вдумчиво, внимательно, делая выписки и даже дополнения их из других источников, если считал, что автор не полностью осветил предмет исследования или наука ушла вперед после написания книги. В его архиве масса таких выписок, конспектов, которые позволяют судить об интеллектуальных интересах и идейных предпочтениях Тюменева. Он, конечно, мало интересовался политикой, но по взглядам своим тяготел, пожалуй, к народникам и либералам. Его, естественно, интересовала русская и всеобщая история, география, все виды искусства. Есть у него заметки к словарям русского языка, собирал он материалы для крестьянской хрестоматии «для ознакомления крестьян с нашей Родиной», читал книги на иностранных языках. Немецким и французским он владел свободно, и поскольку в его библиотеке были книги и журналы на английском, польском, чешском языках, то можно предположить, что он и члены его семьи владели и этими языками. Естественно, получив классическое образование, он знал греческий и латынь.

Я держала в руках несколько тетрадей, составляющих каталог библиотеки Тюменева за 1880–1890 годы. В эти тетради вписывались книги по мере их поступления в библиотеку, всего значится около семи тысяч названий: много религиозной литературы, рукописи по расколу, книги по истории церкви; книги по философии, истории, языковедению, социологии, психологии, юриспруденции, естественным наукам; научно-популярные труды по ботанике, зоологии, анатомии, физике, антропологии, естественно, по теории Дарвина. Были в библиотеке и описания путешествий и жизнеописания великих людей, их мемуары и записки. Особенно широко была представлена отечественная история, этнография. Почетное место занимали в библиотеке новгородская история, новгородские древности, причем часто книги были с дарственными подписями авторов. Среди них книги: В.С. Передольского «Новгородские древности. Записки для местных изысканий» (1898); В.А. Молодцова «Новгород Великий — слава прежних дней» (1887); Е. Гаршина «Новгородские древности. Археологический эскиз»

(1887). Всего не менее семи десятков книг, среди авторов: Бриллиантов, Сухов, Никольский, Тихомиров, Костомаров, архимандрит Макарий, Богословский, Семеновский, Бураковский, Словский, граф Толстой.

Много было литературы по крестьянскому вопросу, статистике, экономике, политике, демографии, общественным движениям, народному образованию. История музыки, литературы, изобразительное искусство, театр — словом, ни одна отрасль человеческой деятельности не была забыта. Русская и зарубежная классика, беллетристика, драматургия, поэзия, всего и не перечислишь. А, кроме того, масса периодических изданий. Причем, получать журналы Илья Федорович не перестал и после революции. В его реестре есть журналы: «Красный архив» (1923), «Красная летопись» (1922), «Дела и дни» (1920–1921).

Читая дневниковые записи Тюменева, относящиеся к 1917–1919 годам и журнал собраний кружка самообразования 1917–1923 годов, видишь, как сама история настойчиво вторгается в этот устоявшийся круг интеллектуальных радостей, разрушая привычный мир, нарушая связь времен, круша и меняя все на своем пути.

«1 января 1917 года. Новый год встречали по обыкновению пением в зале «Царю небесный» и выпивкой по рюмочке... на закуску я достал коробочку леденцов монпансье, присланных еще в прошлом году (время, надо сказать, было весьма голодное). Вечером были в библиотеке, вечеринка для хора, совместно с кружком самообразования, члены которого исполнили по пьесе (чтение), большей частью комического или веселого. Спели несколько песен хором, остальное время сплошь танцевали. За отсутствием наших хоровых молодых людей, находящихся на фронте, были приглашены кородыньские и милаевские парни». На фронте были очень многие, и сын Тюменева Александр, и ведущий актер крестьянской труппы Василий Кротов. Все они писали Илье Федоровичу письма, из которых вырисовывается картина отношения к войне представителей разных сословий, и вообще описывается эта тягучая, страшная, окопная война, которая вытягивала последние силы из людей, озлобля и оскотинивая их.

«12 февраля 1917. Сегодня должно быть собрание в Добром селе — общее собрание нашего кооператива, которое будет вероятно бурным, так как заправили смешали присланную земством муку плохую с хорошей.»

«25 февраля 1917. С утра оделся в «брачные наряды», сиречь в городской костюм, но после кофey Матрена сообщила, что в городе неспокойно». И далее следуют рассказы приехавших из Петрограда местных жителей о волнениях, демонстрациях, погромах лавок, переодевании городовых в солдат, о митинге, который уже сутки идет у конной статуи Александра III, с трибуны которой ораторы обращаются с бранными словами против царя с царицей, с требованиями их смещения.

«2 марта 1917. В надежде на светлое, свободное и плодотворное будущее, каждый раз просыпаешься теперь с радостным и легким чувством — точно в светлый праздник». Это о настроении в

дни отречения Николая II от престола.

«25 октября 1917. Собрание кружка самообразования. Литература — «Царь Иудейский», К.Р. Сиповский «Сократ и его время». Музыка «Пасхальная увертюра» Римского-Корсакова».

«27 октября 1917. Из Питера доносится слух, что там творится ужас. Стрельба на улицах, убийства, грабежи».

«28 октября 1917. Приезжие из Питера в деревню сообщают, что большевики захватили власть в свои руки. Прежнее правительство арестовано, частью бежало».

«2 ноября 1917. Пришла повестка от новгородского земельного комитета о собрании. Первый вопрос повестки, у каких помещиков, кто именно, хотел бы взять землю и расширить хозяйство».

«17 апреля 1918. «Постановление общего собрания Добросельской волости» от 14 апреля 1918 года. Доклад председателя собрания: «желательно бы вести в волости прерванные научно-просветительная организации как то спектакли и прочая» (цитирую точно по документу, и далее), «Собранием единогласно принять желательным и постановлено пригласить для этой цели гражданина Илью Федоровича Тюменева, как организатора и специалиста».

«24 апреля 1918. Добросельский волостной Совет — гражданину И.Ф. Тюменеву. Добросельский волостной Совет предлагает Вам в течение трех дней со дня получения доставить в Совет заявление, в котором разметить участок земли (пашни и сенокоса), который Вы предполагаете обрабатывать своим личным трудом в Вашем имении. В случае Вашего замедления с представлением заявления, вся площадь вышеуказанной земли, будет распределена между крестьян во временное пользование. Председатель В. Кротов». (Однако не даром в течение многих лет образовывал Илья Федорович своего ведущего крестьянского актера, как грамотно-то письмо составил).

«16(3) мая 1918. Правление Добросельского общества потребителей «Обновление» обращается с просьбой продолжить руководить просветительским отделением общества: хором, чтениями, театром, библиотекой».

«6 мая 1918. В зале Добросельского училища состоялись вторые бесплатные чтения».

В записи от 17 июля 1918 года, читаю о том, как все больше притесняют землепользователей, запрещая сдавать выдел земли для обработки, обязывая обрабатывать только самим, иначе грозятся отобрать. Читаю и о продолжении просветительской работы. Илья Федорович, несмотря на преклонный возраст, руководит уже не одной, а несколькими действующими окрестными труппами. Некоторые из его бывших крестьян-артистов сами стали руководителями кружков, например Е. Семенов — председатель Добросельского драматического кружка.

В начале ноября 1918 года Тюменев записал в дневнике: «...книга эта пришла к концу, а другой у меня нет и достать негде: надежды на возобновление писчебумажного производства и до сего времени еще не оправдались... Чтобы, как можно дольше

пользоваться этой книгой, в ожидании новой, которая рано ли, поздно ли, должна же появиться в природе. Дневник поведу более лаконично, а излишки уходящего на него времени употребляю на продолжение автобиографии, доведенной до 1881 года».

Из записи в журнале собраний кружка самообразования: «30 апреля 1919. Занятия в поле и на огородах принудили отложить занятия до осени». И приписка сделанная уже, по-видимому, осенью: «А осенью, в следствие полного исчезновения из продажи керосина, темнота внешняя вредно отразилась и на просвещении внутреннем: собрание пришлось приостановить на неопределенное время».

«Оставшись к ноябрю 1922 года в очень ограниченном количестве, в следствие кончины П.И. Сорокина, А.Я. Тимченко, М.И. Девель и отъезда И.П. и М.В. Скворцовых, В.П. Медведева, Н.Ф. Данилова, П.Д. Пахомова, мы нижеподписавшиеся единогласно постановили слить отныне деятельность нашего кружка самообразования с деятельностью Добросельского музыкально-драматического кружка, вверив ему и этот журнал наших собраний для продолжения записей его занятий, в чем и подписываемся. 6 декабря (23 ноября) 1922 года. А. Тюменева, И. Тюменев, М. Зарубина».

Последняя запись в журнале относится к декабрю 1923 года. В течение прошедшего года на собраниях в основном обсуждались спектакли, много времени уделялось юбилею А. Чехова. Как грустно замечал Илья Федорович: «В основном интерес сосредоточился вокруг хоровой и театральной деятельности. Это не удивительно, крестьяне, входившие отныне в кружок, были людьми малообразованными для обсуждения «Всемирной истории» Иегера или музыки Шуберта».

Да, крестьяне с уважением и любовью относятся к Илье Федоровичу, ценят его за многолетнюю, бескорыстную работу, но отношение новой власти к бывшим землевладельцам однозначно. У них отбирают землю, их поражают в правах и выселяют из их бывших имений. Тюменевы еще долго продержались, многих выселили еще в 1919—1920 годах. К тому же выселяли, как говорится, «в чем были», не разрешая взять, ни мебель, ни книги, ни даже личные вещи. Тюменеву, видимо, в силу признания его заслуг перед крестьянским миром, при переезде на постоянное место жительства к сыну в Ленинград, было разрешено вывезти все: многочисленные коллекции, и библиотеку, и картины, и архив, и обстановку... Сын, Александр Ильич, к тому времени был уже крупным ученым, специалистом по истории античного мира и древней Шумеры. В 1932 году он стал академиком АН СССР.

В последние годы жизни сосредоточился Илья Федорович на литературной работе, писал воспоминания, приводил в порядок свой обширный архив. Наверное, как всякого дедушку радовало его общение с внуками, Лариком и Танечкой, талантам и достижениям которых в его дневниках уделено немало места. Скончался он в декабре 1927 года, дневник доведен им до сентября.

Литература

1. Кузнецов Н.А. Награды: Энциклопедический путеводитель по истории Российских наград. М., 1999. С. 19—20.
2. Масалина Н. Андрей Петрович Рябушкин. М., 1966. С. 22—23.
3. Механикова В.И. Андрей Петрович Рябушкин (1861—1904). М., 1989. С. 22—23.
4. Леман Анатолий [Рецензия] // Исторический вестник. 1893. Т. LI. №1. С. 296. Рец. на кн.: Привольев И. Халдей. Повесть из новгородского быта XV века. СПб., 1893.
5. Смирнов С.М. Воспоминания о времени моей работы в Новгородском музее / Публ. и вступит. ст. Н.Н. Жерве // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 305—308.
6. ОР РНБ Ф.796 Тюменев И.Ф. Оп. 1. Ед. хр. 3, 5, 6, 7, 8, 76, 78, 79, 80, 174, 175, 176, 178, 284; Оп. 2. Ед. хр. 3, 8, 9, 10, 11, 12, 76, 83, 91, 95.
- Произведения И.Ф.Тюменева из фонда редкой книги Научной библиотеки НовГУ:
1. Тюменев И.Ф. По пути из «варяг в греки» // Исторический вестник. 1893. Т. LI. № 3. С. 804—828; Т. LII. № 4. С. 133—156 с ил.
2. Тюменев И.Ф. В верховьях Волги // Исторический вестник. 1894. Т. LVI. № 4. С. 128—160; № 5. С. 435—461; № 6. С. 676—707 с ил.
3. Тюменев И.Ф. Возрожденное древлехранилище (о Новгородском музее) // Исторический вестник. 1894. Т. LVIII. № 11. С. 510—530 с ил.
4. Тюменев И.Ф. Гапсаль и предания о Петре Великом // Исторический вестник. 1895. Т. LX. № 6. С. 806—813 с ил.
5. Тюменев И.Ф. От Ржева до Углича. Путевые заметки. // Исторический вестник. 1896. Т. LXIII. №1. С. 184—216; № 2. С. 525—557; № 3. С. 909—993; Т. LXIV. № 4. С. 182—214 с ил.
6. Тюменев И.Ф. От Углича до Рыбинска. Путевые заметки. // Исторический вестник. 1897. Т. LXVII. № 1. С. 207—233; № 2. С. 547—605; № 3. С. 905—1030 с ил.
7. Тюменев И.Ф. Пятисотлетие Кирилло-Белозерского монастыря. // Исторический вестник. 1897. Т. LXIX. № 7. С. 118—147; №8. С. 447—482 с ил.
8. Тюменев И.Ф. Поездка в Нилову Сорскую пустынь // Исторический вестник. 1898. Т. LXXIV. № 11. С. 420—480 с ил.
9. Тюменев И.Ф. От Тихвины до Вьсегоньска. Путевые наброски // Исторический вестник. 1899. Т. LXXVI. № 4. С. 158—195 с ил.
10. Тюменев И.Ф. В бывшей Александровской слободе // Исторический вестник. 1901. Т. LXXXI. № 12. С. 1124—1159 с ил.
11. Тюменев И.Ф. По Мариинской системе // Исторический вестник. 1903. Т. XCI. № 1. С. 226—265; № 2. С. 656—693; № 3. С. 1057—1108 с ил.
12. Тюменев И.Ф. На среднем плесе. Путевые наброски // Исторический вестник. 1904. Т. XCV. №1. С. 209—257; № 2. С. 679—720 с ил.
13. Тюменев И.Ф. Рано угасший талант. Из воспоминаний об А.П. Рябушкине // Исторический вестник. 1904. Т. XCVIII. №10. С. 260—284 с ил.
14. Тюменев И.Ф. От Ярославля до Нижнего. Путевые наброски // Исторический вестник. 1906. Т. CV. № 8. С. 508—531; № 9. С. 931—975; Т. CVI. № 10. С. 256—289 с ил.

Ольга КУЗЬМИНА

ПОРТРЕТ РУССКОГО СКОМОРОХА

В многочисленных исследованиях по истории русских скоморохов не выясненным до конца остается вопрос о костюме «веселых молодцев». В данной статье предпринята попытка на основе всех доступных источников (изобразительных, археологических и фольклорных) нарисовать как можно более полный портрет русского городского скомороха XIV–XV веков. В основу исследования легли новгородские источники и фольклор Русского Севера, поскольку именно Новгород, а затем северные земли стали приютом для скоморохов, изгнанных в XVI веке из центральных русских областей.

Отличался ли костюм городского скомороха по покрою и основным деталям от костюма обыкновенного горожанина и если отличался, то чем?

Для начала разберемся, что представлял из себя костюм обычного горожанина XIV века. Мужской костюм того времени обязательно включал в себя нижнюю рубаху и нижние штаны — своеобразное белье русского средневековья.

Любую одежду в Древней Руси называли «порты» или «портище». А нижнюю одежду, соответственно, «исподние порты». В летописи под 1361 годом читаем: «Тут ограбили их татары и телеса их обнажили, и ни осталось на них ни исподних порт» (Рогожский летописец).

Нижнюю рубаху носили, заправляя в нижние штаны, как это изображено на новгородской иконе XV века «Три отрока в печи огненной». В северных регионах Руси, в том числе в Новгороде, штаны шили короткие, не доходящие до лодыжек. Изображения нижних штанов также можно увидеть на иконах, например на новгородской иконе XV века «Воздвижение креста».

Покрой верхних штанов был идентичен нижним. Поверх верхних штанов наматывались онучи. К ноге онучи притягивались оборами — плетеными шерстяными шнурами.

Исподнюю одежду шили из беленого льна и украшали по швам красной нитью. Красный цвет — цвет огня — считался оберегом от злых сил. Поэтому и покрывали орнаментом-оберегом горловину, низ рукавов, подол рубахи. Сама ткань считалась непроницаемой для духов зла, так как в ее изготовлении участвовали предметы, украшен-

ные магическим орнаментом (трепало, прялка, ткацкий станок). Важно было защитить красной вышивкой те места, где кончалась заколдованная ткань, и начиналось тело человека¹.

Верхняя рубаха по покрою принципиально не отличалась от нижней, однако шилась она из более богатой, часто цветной ткани — шелка, тафты. Согласно изобразительным источникам, в верхней

рубахе ходили, ничего не надевая поверх нее, поэтому украшали рубахи весьма искусно, используя для этого золотой шнур, тесьму, цветные шелковые ленты и цветные нитки для вышивки.

Вообще горожане XIII–XV веков носили по большей части одежду из крашенных тканей. Из 337 обрывков тканей, взятых для анализа в Новгороде из слоев этого времени, оказалось 262 красных (202 — киноварного и 60 — карминного цвета), 40 черных, 20 желтых, 13 зеленых, по одному синего и белого. В шелковых цветных рубахах скоморохи изображены на ряде миниатюр и икон.

Так на новгородской иконе XV века «Бичевание Христа» скоморох пляшет в цветной шелковой рубахе. Рубаха короткая, до колен, в такой удобно плясать. Ворот круглый без разреза. По низу рукавов и вороту рубаха отделана лентой.

На миниатюре Радзивилловской летописи «Игрища славян» плясуны и музыканты одеты в короткие цветные рубахи — красные, зеленые, синие, отделанные тесьмой по вороту, рукавам и подолу.

Рубаха подпоясывалась тесьмным поясом из шерстяных ниток, плетенных на дощечках. На Руси появиться без пояса на людях считалось позором. Пояс был охраной и оберегом. Пояс-круг защищал человека от недобрых сил, обозначал принятие человека в мир людей и принятие им мира.

Пояс завязывался на два узла на животе. Узел — это союз, жизнь. Одним узлом завязывали пояс только на покойнике для перехода в иной мир. Состоятельные горожане носили кушаки — длинные, широкие пояса, обхватывающие талию несколько раз. Такая манера ношения кушака (узел и свисающие кисти спереди) видна на скульптуре мастера Авраамия на Сигтунских вратах Новгородской Софии.

Для Новгорода XIV века было все еще характерно двоеверие — сочетание языческих и христианских представлений и символики. Поэтому кроме православного креста люди носили множество подвесок-оберегов. В славянской традиции было принято ношение оберегов не только на шее, но и на поясе. Наиболее популярным мужским оберегом были когти и клыки диких животных. По законам первобытной магии часть тела животного заменяла целого зверя и обладала такой же охранительной силой. Такие обереги сохраняли магическое значение и в позднем средневековье. Так, в погребениях XV—XVI веков в Латвии находили когти и зубы медведя. Подвески, сделанные из зубов или костей животных, имели в Древней Руси широчайшее распространение. Наиболее многочисленны подвески из просверленных клыков медведя. Кроме того, медведь считался священным животным, ведь именно в медведя превращался языческий бог Велес. Велес особо почитался скоморохами. Он считался покровителем музыкантов, именно Велес назван предком легендарного певца Бояна в «Слове о полку Игореве».

Кисти пояса скоморохи украшали бубенчиками. В Новгороде археологи находят бубенчики в слоях с X по XV века. Одни из них использовались как привески к одежде, другие могли входить в комплект музыкальных погремушек. Манера привешивать бубенчики к поясам во время языческого праздника «русалий» сохранилась до XIX века в Белоруссии.

На скоморохах из новгородской и псковской псалтирей XIV века надеты рубахи длиной выше колена с воротником-стойкой и с разрезом посередине до пояса. По краям разреза нашиты горизонтальные петли из красного шнура. Выше локтя рукава рубахи подхвачены браслетами-оплечьями. Застегивались такие рубахи на литые пуговицы.

На голове мужчины носили шапку. Наиболее распространенной формой шапки в XIV—XV веках был колпак, высокий, кверху суживавшийся. Внизу у колпака делались узкие отверстия с одной — двумя прорезами, к которым прикреплялись украшения — пуговицы, запоны, меховая оторочка. В таких головных уборах изображены горожане на большинстве икон и гравюр Новгорода.

На большей части изображений скоморохов XIV века их колпаки украшены бубенцами, мехом или пышными плюмажами то ли из перьев, то ли из листьев и трав.

Обувались горожане в исследуемый период в сапоги или чоботы (башмаки, черевья) из кожи. Зачастую обувь украшали вышивкой, аппликацией или тиснением. Скоморохов изображали в красных сапогах или башмаках. Возможно, скоморохи привязы-

вали к своим башмакам бубенчики, как позже это делали болгарские «русальцы», которые подвешивали к поясу и к обуви звоночки, звенящие при ходьбе и танце.

Итак, рассмотрев новгородские изобразительные источники XIV—XV веков, можно прийти к выводу, что костюм скоморохов действительно почти не отличался от костюма обыкновенных горожан. Особенностью была лишь длина одежды. Скоморохи всегда одеты в очень короткие рубахи, это и понятно, ведь в длиннополом наряде «веселым молодцам» было бы неудобно плясать и выделять замысловатые коленца. Но короткополую одежду в то время носили не только скоморохи, но и воины в походе, и ремесленники во время работы. Длинные рубахи были праздничной одеждой горожан.

В ряде источников костюм скоморохов подчеркивается как особенный, с первого взгляда указывающий на профессию «игреца». Так в повести «О пляшущем бесе» рассказывается, как однажды старцу явился отрок в «скомраш одежде», который начал плясать, а потом спросил: «Старче! Добро ли я пляшу?» В указе царя Алексея Михайловича от 1648 года говорится: «...и накладывают на себя личины и платье скоморошеское». Богатырь Добрыня Никитич в былинах «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» надевает платье скоморошеское, идет на пир к князю Владимиру, и там его никто не узнает.

Можно предположить, что костюм скомороха включал в себя обязательную маску, или какой-то несложный грим (чтобы не узнали), а так же некие атрибуты, присущие только скоморохам и не встречающиеся в обычном светском костюме. «Умысли сатана, как отвратить людей от церкви и, собрав беси, преобрази в человеки, и идяше в сборе велице упестрене в град, одни бияху в бубны, другие в козицы и в сопели сопяху, иные же возложиша на лица скураты (маски, «хари» — прим. авт.) и деяху на глумленье человеком. И многие оставившие церковь, на позор (зрелище — прим. авт.) течаху и нарекоша игры те — русальи»².

Маски из кожи находят в Новгороде в слоях XIII—XIV веков. Судя по дырочкам на краях найденных масок, они обшивались мехом или материей, чтобы придать облик животного или мифического существа. Маски надевали во время зимних святок и на летние праздники — «русалии», то есть на Троицкую неделю. Маскарады продолжались все зимние святки (болгары называют их «погаными», т. е. языческими днями), приобретая особый разгул во вторую их половину — с 1 по 6 января, в «страшные» велесовы дни. В масках производились различные обрядовые действия.

Во время языческих праздников — русалий и

колядок — скоморохи «рядились» в звериные шкуры, маски, а так же в женскую одежду. В таких ритуальных действиях сохранился языческий мотив оборотничества. В 23 правиле Номоканона запрещались игры и пляски, различные виды ряжения: «...или во одежду женскую мужие облачаться, и жены в мужескую; или наличники, яко же в странах латинских зле обыкше творят, различная лица себе притворяюще». На новгородском изразце середины XV века изображен скоморох с гуслими, одетый в женское платье с накладной грудью. То, что это именно переодетый мужчина, подтверждается многочисленными песнями, былинами и сказками, в которых гусли воспеваются как символ мужского начала. На всех изобразительных источниках гусли держит в руках добрый молодец. Для женщины играть на гуслих было бы кощунством с точки зрения обрядности.

Кроме упоминания масок в процитированном выше отрывке из Пролога обращает на себя внимание следующая фраза: «идяше в сборе вельце упрострене в град». То есть, скоморохи-музыканты вошли в город пестрой толпой. Манера городских оседлых скоморохов одеваться очень ярко и модно подтверждается фольклорными источниками. Так в песне представлен образ нарядного, уверенного в себе скомороха-вора:

Вдоль по улице молодчик идет.
Вдоль по улице удаленький.
Как на молодце смур кафтан,
Опоясочка шелковая.
На нем шапочка бархатная,
А околышек черна соболя,
Сапожки сафьяновые,
Рукавички барановые,
За них денежки не даванные —
Со прилавочка украденные.
Под полою он гусли несет,
Под другою — дуду-загуду.

Н.Ф. Финдезен заметил по поводу изображения гуслира в Евангелии 1358 года: «Костюм (темно-синий кафтан, красные сафьяновые сапоги и головной убор), приплясывание и дополнительная надпись «Гуди гораздо!» именно говорят за то, что в данном случае мы имеем перед собой изображение поющего, играющего и пляшущего скомороха». В начале XVII века придворных потешников и музыкантов награждали отрезами синей и голубой материи для кафтанов, вероятно, соблюдая традицию, а также красными сапогами и колпаками. При этом иностранных музыкантов награждали иначе. Интересно, что и в сказочных концовках рассказчик награждается синим кафтаном, красными сапогами или башмаками, красным колпаком: «А мне дали красный

колпак, как зачали меня в шею толкать, а дали мне синий кафтан; ворона летит, говорит: «Синь кафтан!» А я думала: «Скинь кафтан», — взяла и скинула». По-видимому, атрибутами скоморошьей одежды могли награждать только скомороха³.

Другой отличительной особенностью костюма скомороха были шумящие привески — бубенчики и колокольчики.

В репертуар скоморохов несомненно входили плясовые наигрыши и собственно пляска, изначально ритуальная. «Всяк спляшет, да не как скоморох». Плясовой игре скоморохов придавали чудодейственную силу. Перед ней никто не мог устоять.

А я буду с вами играти,
Танцевати, танцевати!
Для вас гусли заиграют,
Заиграют, заиграют!
Резвы ножки затопают,
Затопают, затопают,
У рук пальцы защелкают,
Защелкают, защелкают!⁴
Звон подвесок должен был,

по языческим поверьям, отгонять от людей злых духов. Таким образом, пляска с колокольчиками — изначально кол-

довское действо.

Поскакать бы, поплясать с колокольчиками,
С колокольчиками, болобольшими,
Ах, станем говорить, выговаривати,
Черно на бело выворачивати⁵.

В плясках-наигрышах, песнях-небылицах скоморохов правда оборачивается сказкою, черное — белым, зло — добром... Скоморохов называли «ведающими людьми», им приписывали хранение стародавней языческой мудрости.

Болгарская этнография сохранила сведения о ватагах «русальцев», проводивших игрища русальной недели. Обязательной принадлежностью русалий являлись священные жезлы-тояги в 1—1,5 м, глиняный сосуд со священными травами, разбиваемый ударом жезла в конце обряда, и чара с чесночным настоем, который пили русальцы во время иступленного ритуального танца. Этот же настой давали пить больным для исцеления. Почитание чесночка засвидетельствовано древнерусскими поучениями. Русальцы надевали венки, увитые самовильскими цветами, и подвешивали к поясу и к обуви звоночки, звенящие при ходьбе и танце.

Непременным участником русалий являлся флейтист («свирец», «свирач»), знающий особые русальские мелодии. Дружины русальцев переходили из села в село по кругу — так, чтобы к концу русальной недели вернуться в то село, где проживал главарь ватаги. «Там, где они прошли, нивы цветут и обещают хороший урожай». Во всю русальную неделю русальцы не крестились и не молились по-христиански ни при каких обстоятельствах. Русальские «игры» состояли в хороводах («хоро» — круг) и разнообраз-

ных танцах и прыжках (в Стоглаве — «плясание и скакание»). Танцы велись в быстром, бешеном темпе. Зрителям казалось, что русальцы не касаются земли. Главным мотивом являлись «разнообразнейшие формы извивания» (вспомним бичуемое русскими церковниками XI–XII веков «многовертимое плясание»). Пляска сопровождалась восклицаниями, вскриками. Игра завершалась тем, что русальцы доходили до иступления и падали без чувств. Самая темпераментная заключительная самовильская мелодия называлась «флоричика», что подчеркивало аграрно-магический облик русальских игр.

Действия волхвов напоминают шаманские. Можно предположить, что и скоморохи знали шаманские приемы и применяли их в своих выступлениях.

«Играния бесовские» очень хорошо описаны в «Слове святого Нифонта о русалиях», написанном (на основе греческого жития) в Ростове в 1220 году. На городской площади около церкви Нифонт встретил 12 русальцев, возглавляемых «унылым и дряхлым» старцем; затем он увидел музыканта-флейтиста, «скачя с сопельми и с ним идяше множество народа, слушающе его; инии же плясашу и пояху... влекомы в след сопелника». Горожане давали деньги музыкантам. Святой Нифонт «бе одержим великою печалью о таковой погибели... и моляшеся остати всем игр *бесовъскихъ*, — наипаче же свое имение дают бесу лукавому, иже суть *русалия* инии же скоморохом».

Инициал «В» Псалтири 1395 года из Онежского Крестного монастыря образован фигурой удалого скомороха — «плясца» в желтом колпаке и красных сапожках, который танцует на коленях, хлопая в ладоши. «Дланми плескание» во время пляски имело не только музыкально-ритмическое, но и магическое назначение: духовенство осудило их как явный языческий обычай. На других новгородских инициалах рукописей XIV века изображены скоморохи, пляшущие так, что их ноги не касаются земли. От их пляски вокруг прорастают травы и цветут цветы. Возможно, на инициалах изображены именно русальские танцы.

К атрибутам скоморохов можно отнести своеобразные жезлы, аналогичные болгарским тоягам или похожие на жезлы шутов Западной Европы. В Новгороде в слоях X — начала XIV века в развалах жилых домов и надворных построек найдены тонкие деревянные стержни (длина от 30 до 50 см) со скульптурными мужскими головками на конце. Некоторые из этих «идолов» очень напоминают шутовские жезлы-мароты. Возможно, загадочные булавы и стержни из Новгорода с фигурными навершиями в виде человеческих, звериных и птичьих головок носили ряженые участники массовых «игрищ неприятных»,

после чего прятали их в избах до следующего праздника. В церковных запрещениях не раз упоминаются «позорные блудные орудия», которые скоморохи носили в руках — «срамная в руках носяще». Возможно, речь идет именно о жезлах, которые изначально могли относиться к фаллическому культу, культу плодородия.

Аналогичные новгородским «домовым» деревянные палочки со стилизованной головкой человека на одном конце обнаружены под углами срубных построек XII–XIII веков в Риге, что свидетельствует об их ритуальном назначении (жертвоприношения при строительстве нового дома). Палка с вырезанной человеческой головой и бубенцами была атрибутом и армянских шутов⁶.

Однако, в слоях XIV века в Новгороде уже не находят во множестве жезлов с фигурными резными навершиями. Исключение — отдельные единичные находки. Возможно, это связано с ужесточением борьбы против языческих обрядов. В середине XIV века при новгородском архиепископе Моисее, построившем за счет софийской казны 13 церквей в Новгороде и дважды в пору народного брожения вынужденном оставлять кафедру, церковью велась наступление на все виды отклонений от православия, как в сторону прадедовского язычества, так и в сторону только что воз-

никшей ереси стригольников. В 1358 году новгородское духовенство добилось того, что «новгородци утвердишася межи собою крестным целованием, что им играная бесовскаго не любити и бочек не бити»⁷.

Возможно, в результате этих гонений на язычество, жезлы постепенно упрощаются, и с XIV века в ритуалах русалий используют только нерукотворные палочки с сучком на конце. Таковых в Новгороде находят множество, но их атрибутика, естественно, невозможна.

Еще одним атрибутом ритуальных плясок скоморохов был рог для питья или чаша. Танцы с сосудами с хмельным обрядовым зельем были связаны с магией вызывания дождя, с обрядами плодородия. «А друзии верують в Стрибога, Даждьбога и Переплута, иже вертячесь ему пият в розех... и тако веселячесь о идолах своих», — говорится в «Слове Иоанна Златоустого».

Ритуальные пляски с магическим напитком совершались и на свадьбах. В «Слове о том, како погани суще языци кланялися идолам» описывается свадебный ритуал славян, во время которого «въкладывающе срамоту и чесновиток в ведра пьют». О том же обряде идет речь в «Слове некоего христолюбца»: славяне совершали браки «с бубны и с сопельми, и с многыми чудесы бесовскими»; «устроишь срамоту моужьскую и въкладывающе в ведра и в чаше, пьют и, вынемьше, ос-

моркывают, и облизывают, и целуют»⁸.

В инициалах новгородских рукописей можно найти яркие иллюстрации таких ритуальных плясок.

Здесь следует отметить особый строй народных праздников, включавших в себя и серьезную и смешовую части. В одной из работ А. Д. Авдеева можно прочесть следующее: «Многие исследователи давно отмечали, что при отправлении обрядовых церемоний наряду с действующими лицами, так сказать серьезного, обрядового порядка, на стадии распада первобытнообщинного строя выступают специальные комические персонажи, которые пародируют обрядовое действие, перемежают его шутками и буффонадой, стремясь вызвать смех у присутствующих зрителей». (А.Д. Авдеев. Маска и ее роль в процессе возникновения театра. М., 1964. С. 4, 5.) Эти комические персонажи были, как правило, в масках.

Комические персонажи в масках, сопровождавшие серьезные обрядовые действия у восточных славян, по мнению А.А. Белкина — и есть будущие скоморохи. В языческие времена скоморох пародировал действия волхва или жреца. После принятия христианства скоморохи принялись пародировать новых служителей культа — христианских священников. Сохранилась даже пословица: «Где поп с крестом, там и скоморох с дудой». Но служители церкви, в отличие от языческих жрецов, подобные действия стали воспринимать как глумление. В сборнике XIV века «Золотая цепь», в перечислении дел «иже не велит Христос святии отступити», наряду с насилием, разбоем и чародейством упоминаются «бесовския песни, плясанье, бубны, сопели, гусли, пискове, игранья неподобныя». Преподобный Максим Грек в «Слове против скоморохов» пишет, что скоморохи «научени быша от самех богоборных бесов сатанинскому промыслу, по нему же им убо избылие брашен и одеянии добывают человекоубийца беси, а веселящимся о бесовьских играх душевную пагубу и муку вечную готовить».

Такое резко отрицательное отношение к «игранию» и музыке можно объяснить тем, что музыкальная игра создавала свой собственный порядок, не нуждающийся в божьем порядке. Свобода творчества в народных праздниках слишком резко контрастировала с аскетически-скучным порядком жизни, который стремилась навязать людям православная церковь.

Многочисленные церковные запреты и обличительные повести сохранили нам названия разнообразных музыкальных инструментов скоморохов. Так в истории падения преподобного Исаакия Печерского, в момент обольщения бесы «ударяша в сопели и в гусли и в бубны и начаша им играти и утомивше и оставиша и живного и отидоша поругавшеся ему». «Смеха бегаи лихаго. Скомороха... и гудця и свирця не уведи в дом свои глума ради», — таково одно из

наставлений Георгия, черноризца Зарубской пещеры, своему духовному чаду в XIII веке. В 92 главе Стоглавого собора запрещению подверглись «гусли, и смыки, и сопели, и всякое гудение и глумление и позорище и плясание».

Письменные источники подтверждены археологическими. В Новгороде в культурных напластованиях X—XV веков во всех древних концах города было обнаружено большое число обломков и деталей различных музыкальных инструментов. Это всевозможные погребушки, колотушки и трещотки, металлические привески-амулеты, боталы, бубенцы, колокольчики и варганы, костяные брунчалки

и глиняные свистульки, деревянные сопели, нескольких разновидностей гуслей, трехструнные и однострунные гудки, на которых играли смычком.

В борьбе церкви со скоморохами пострадали в первую очередь музыкальные инструменты. В «Памяти» верхотурского воеводы Рафа Всеволожского приказчику ирбитской слободы Григорию Барыбину от 13 декабря 1649 года читаем: «А где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гудебные бесовские сосуды, и тебе б то вся велеть выимать, и изломать те бесовские игры, велеть жечь...»

В центральных губерниях Русского государства традиции игры на гудках, гусях, сопелях были буквально выжжены. Скоморохи бежали на север Руси. Новгород — столица русского скоморошества — сохранил до наших дней репертуар скоморохов и их «гудебные сосуды». Музыкальные инструменты Древнего Новгорода восстановлены в новгородском Центре культуры «Музыкальные древности», которым руководит В.И. Поветкин.

Академик В.Л. Янин сказал однажды, что «Новгород — наш последний шанс узнать достоверную историю Руси...» Добавим — и достоверную историю русского скоморошества тоже.

Примечания

¹ Рыбаков Б.А. *Язычество Древней Руси*. М., 1987. С. 465.

² *Пролог XV в. Православный собеседник*, 1810. XI. С. 253.

³ Власова З.И. *Скоморохи и фольклор*. СПб., 2001. С. 415.

⁴ Шемякина Е.П. *Фигура скомороха в русском фольклоре Удмуртии // Фольклор народов РСФСР*.

Межвуз. сб. Уфа, 1982. С. 78.

⁵ Власова З.И. *Скоморохи и фольклор*. СПб., 2001. С. 326.

⁶ В.П. Даркевич. *Народная культура средневековья*. М., 1988.

⁷ *Полное собрание русских летописей*. Т. X. С. 230.

⁸ Аничков Е.В. *Язычество и Древняя Русь*. С. 374—375, 385.

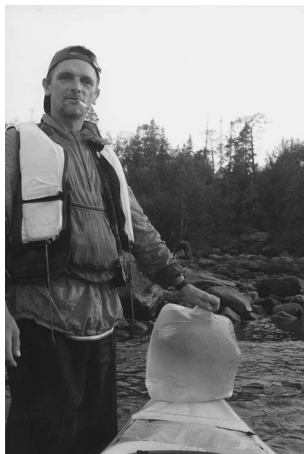
Иллюстрации с изображениями скоморохов взяты из Новгородской и Псковской псалтирей XIV века.

Леонид НИКОЛАЕВ

ПО БЕЛОМОРЬЮ

Леонид Николаев,
руководитель похода.
Фото К. Фуфина

Гаити, Таити, Карибы — дальние моря-океаны и сейчас остаются недостижимой мечтой для большинства наших соотечественников, томимых романтической тягой к дальним путешествиям в «райские уголки» Земли. Однако, в «двух шагах» от нас (сutki на поезде), лежит «земля обетованная», не менее экзотичная для сухопутного человека, изобилующая удивительной природой, но вполне доступная (и физически и материально) почти каждому. И земля эта — Беломорье.

Три летних отпуска провели мы в «детских походах» вдоль Карельского берега Белого моря.

Чтобы было понятно, поясню термин «детские походы»: в давние-давние времена молодости наша группа увлекалась сложными спортивными, зимними и летними, путешествиями по самым необычным районам страны. Таким, как Полярный Урал, Кодар, Тува, Байкал и т.д. и т.п. Но лет 18 назад, когда моей дочке исполнилось три года, я практически бросил «большой спорт» и увлекся «детскими походами». Это весьма динамичные путешествия, в основном водные, по близлежащим местам: Новгородской, Ленинградской и Тверской областям, Онеге, Карелии, Кольскому полуострову. В походах принимают участие моя семья, мои друзья и дети моих друзей. Социальный диапазон участников — от школьника до кандидата наук, от токаря и кузнеца до частного предпринимателя и главного энергетика завода. Возрастной — от трех до семидесяти лет. Богатый спортивный опыт позволяет нам, даже с детьми, преодолевать значительные расстояния и весьма простые препятствия комфортно и безопасно.

За годы путешествий мы увидели и испытали массу интересного и казалось, что поразить и удивить нас уже ничто не сможет. Но, добравшись до Белого моря, мы были очарованы им. После морского похода путешествия по пресной воде кажутся «пресными». Однако мы любим динамику и разнообразие, поэтому не ограничиваемся морем, а выбираем комбинированные маршруты. В 2003 году, как и в предыдущие, путешествовали в районе Кандалакшского залива Белого моря. Начали поход с прохождения реки Винчи. Она вытекает из озера Тикшозе-

ра на уровне 111 метров и впадает в Княжегубское водохранилище на уровне 37 метров. При протяженности около 20 км речка падает на 74 метра. Если учесть, что на ней несколько озер, получается довольно круто. В результате на Винче туристов подстерегают более 20 порогов, два из которых — водопады: Малый (Собачий) Падун (высота примерно 5 метров) и Большой Падун (высота примерно 10

метров). При прохождении порожистой речки мы испытали массу приключений. Один экипаж даже перевернулся, причем на элементарном месте, после чего долго сушили продукты, спальные вещи, одежду и даже деньги, особенно досталось дорогостоящей фотоаппаратуре — пришлось везти ее в Питер на переборку. И совсем безнадёжная ситуация случилась с туалетной бумагой — пришлось выбросить. Ввиду сухого лета уровень воды в реке был минимален — сплошные торчащие камни. Многие препятствия пришлось проходить, проводя байдарки вдоль берега или даже обнося на собственных плечах, хорошо, недалеко — максимум полтора километра. В результате, потратили на 20 речных километров целых четыре ходовых дня (для сравнения: некоторые группы тратят на прохождение Винчи более 10 дней).

Сделали крюк по озеру Челозеро, входящему в бассейн Винчи, дабы осмотреть ее приток речку Кукусу. Кукуса вытекает из озера Кукас. Длина протоки около трех километров при перепаде уровней 54 метра. Устроили дневку и пешую прогулку вдоль речки. Она мелка и несудоходна — представляет собой практически сплошной и очень симпатичный водопад. Безуспешно пытались выловить юркую форель и хариуса, которые в изобилии резвились в прозрачной воде пред нашими очами, но попадаться на наши неопытные крючки с мушками не спешили.

Все когда-нибудь кончается, закончились и наши речные похождения. Проскочив последний порожек в протоке из озера Челозеро, мы плавно вошли в озерную часть маршрута, выплыв на свежий ветерок и приличную волну озера Нотозера — обширного залива Княжегубского водохранилища. Водохра-

Константин Фуфин,
участник похода.
Фото Г. Николаевой

нилице простирается с юга на север почти на 100 км, изрезано мысами, заливами; изобилует островами, узкими протоками и широкими плесами. Наш маршрут по его водной глади составил около 80 км, и мы проскочили их за два ходовых дня, но не сразу, а делая остановки — дневки. Здешняя природа достойна самого пристального внимания. Завернули на небольшой отромок водохранилища — озеро Пудос, откуда совершили экскурсию на обзорную вершину района — гору Иванова (343 м). Экскурсию проводил наш участник по фамилии Иванов). Пока возвращались, дежурные успели истопить туристскую баньку — приятно расслабить в парной усталые члены посреди маршрута. И снова вперед — на север. Пересекли Полярный круг, но погода этим летом балует, на каждой краткой остановке — массовое купание, тем более, что нырять с резко уходящих в воду гранитных камней так приятно! Свежий ветерок постоянно нагоняет изрядную волну — сказывается величина водоема — есть где водичке разгуляться. Но, используя изрезанность местности, прячась от волны за островами и мысами, продвигаемся вперед довольно ходко и к ночи, когда ветер стихает, пересекаем самый обширный плес Княжегубского водохранилища — озеро Ковдозеро до его середины — Кривых островов (примерно пять километров по открытой воде). Кривые острова, совсем малюсенькие (за полчаса можно по периметру обойти), оказались настоящей жемчужиной озерной части маршрута. Берега, поросшие соснами, состоят из гладких «бараньих лбов», то стремительно обрывающихся в воду, образуя естественную нырляку, то плавно, как чуть наклонная мостовая, уходящих в озеро. Некоторые отдельно стоящие на берегу сосны так изощренно живописно изогнуты частыми ветрами, что напоминают изображения японских миниатюр. Облачный фронт отдаленной грозы в лучах заходящего солнца устроил для нас потрясающее цветное шоу. От такого буйства красок начинаешь верить в реальность цветопередачи на картинах Николая Рериха. Солнце, впрочем, вроде только что заходило, а вот уже и восходит. В июле за Полярным кругом белые ночи. В любое время суток можно передвигаться, читать, искать грибы (которых, на удивление, из-за сухого лета, было мало, но находили). А какая здесь азартная рыбалка! О такой величине шук и окуней большинство новгородских рыболовов-любителей может только мечтать. Водится и рыба позамысловатей, например, кумжа. Но нашими любимцами были крупные окуни (300—800 г). Свежезакопченные в походной титановой коптильне, они вкусны необычайно. Изобильны в Карелии и ягодные угодыя — черника, голубика, крупнейшая морошка. Жаль, брусника еще не поспела. Но вот последний рывок, последний переход по Княжегубскому водохранилищу и мы, периодически заливаемые с ног до головы в наших утлых суденышках свежей волной, приближаемся к железнодорожной станции Княжая Губа и поселок Зеленоборский. Здесь нас ожидает работа шерпов — обнос плотины Зеленоборской электростанции. А также, впервые за поход, мощнейший, проливеннейший ливень, который большинство участников путешествия мудро переживает в местных гастрономах. Кто

покупает сухое молоко, муку и яйца для блинчиков; кто — закончившиеся очень быстро альбомы для акварелей; мы с Ивановым, конечно, пиво в большом количестве; а некоторые — целый пакет туалетной бумаги, безвременно утраченной ранее, во время переворота байдарки. Всех нас можно понять. Это единственный населенный пункт на более чем трехнедельном маршруте.

И вот — море. Все здесь удивительно и непривычно: приливы, отливы высотой до 2,5 метров дважды в сутки (а в некоторых заливах Двинской губы и Горловины Белого моря они достигают 8 метров). Во время отлива дно моря обнажается, иногда на обширное расстояние, называемое литоралью (на мелких южных берегах Белого моря — до нескольких километров, в районе нашего путешествия — до нескольких сот метров). Обнажаются многочисленные донные растения и животные, которыми изобилует Белое море. Это водоросли: фукус, ламинария (морская капуста); моллюски: морские желуди, мидии (Белое море называют «морем мидий»). В море можно встретить тюленей; симпатичнейших нерп, морских зайцев; а также медуз, дельфина-белуху, иногда, говорят, заплывают крупные киты. А сколько рыбы — треска, селедочка, навага, семга, камбала и даже необычный пинагор! Те, кто пробовал только перемороженную «картонную» треску из новгородских магазинов, не может и представить, насколько мягка и вкусна она свежевывловленная. На прибрежных скалах можно найти золотой корень (родиолу розовую) — тонизирующее растение, сходное по свойствам со знаменитым женьшенем.

Приморский климат очень неустойчив. Полный штиль может в одночасье смениться штормом — но это придает путешествию пикантность риска. На горизонте почти всегда облака — но это так украшает окрестные пейзажи! Нередки ветра, зато дикие каменистые берега зачастую покрыты шикарными сосновыми борами. Сосны, благодаря вертикальной корневой системе, лучше переносят ветра, чем другие северные деревья.

По морю мы прошли маршрут от поселка Княжая Губа до станции Ругозерская. Чудно отдохнули на островках в уютных бухтах Карельского берега. Запомнилась первая морская стоянка в горловине Княжегубского залива, на острове Крестовый. Маша там совершила «подвиг» — полдня пекла на костре блинчики на всю ораву. Запомнилась первая «охота» на морских звезд. Лена впервые в жизни их увидела и решила, что звездочки на море большая редкость. Нужно было видеть как она с визгом погружается в свежую прохладную ночную морскую воду, дабы добыть сих тварей. Запомнился первый самодельный салат из морской капусты и первая выловленная нами крупная треска на стоянке в Нищевской губе. Особенной была дневка в романтической бухточке обширного мыса Толстик. Идеальный полукруг залива обрамлен по краям скалами. Дно устлано мельчайшим белым песочком, обнажающимся во время отлива. В глубине берег покрыт сказочным сосновым бором, какой я раньше видел только на картинах. Сосны огромные, редко стоящие, местами погнутые штормовыми ветрами, но стойко со-

противляющиеся им. А внизу, в тени сосен — ровный и мягкий ковер из зеленых мхов и ягеля.

В губе Ковда совершили экскурсию на остров Микков — геологический памятник федерального значения. Здесь в естественном обнажении выступают гранитоиды (абсолютный возраст около 2,3—2,4 миллиарда лет), представляющие большой интерес для геологов. Нас этот темно-серый, невзрачный камень не сильно поразил. Но выходы гранитоида испещрены интрузиями — широкими полосами какой-то бело-розовой горной породы — этакая каменная зебра. Довольно красиво. В губе Ковда дневка на острове Высокий, как обычно, живописная, с хорошо оборудованной стоянкой, как обычно, с рыбалкой, грибами, ягодами. Единственное неудобство — за пресной водой ходить пришлось далеко, на другой конец острова, к маленькой грязноватой болотной бочажинке — километра два в одну сторону. Кстати, о воде — морскую воду пить совершенно невозможно — это раствор практически всей таблицы Менделеева. Посему, путешествующим по морю нужно запастись пресной водой — литров по 15—20 на байдарку — и при каждой возможности пополнять ее запасы — из ручейков и речек, а то и просто из дождевых естественных ванн на прибрежных скалах.

Прогулялись на байдарках по архипелагу губы Ковда. На острове Березовый обнаружили следы лагеря сталинских времен. Здесь была лесопилка, валяются остатки парового котла. Особенно впечатлил причал выложенный из отходов — мелких реечек, горбыля, уложенных на дно моря на высоту примерно полтора метра и настолько тщательно и аккуратно пригнанных, что причал сохранился до наших дней. Подобные следы лагерей встречаются повсеместно по всей территории Севера. Буквально каждая речка, каждый ручеек служили для сплава леса. Разрушенные плотинки, отбойники для бревен видели мы и на Винче, и на Куксе. Масштабы народной трагедии поражают воображение.

Изюминкой морского похода стали преодоленные трудности. Нам не разрешили прохождение через территорию Кандалакшского заповедника (Бабье море), пришлось обплыть заповедник сходу — из губы Ковда, вокруг острова Великий и через губу Ругозерскую — примерно 45 километров. Мы шли на байдарках всю ночь (ночью на море, как правило, меньше дует и, соответственно, меньше волн), лишь к семи часам утра мы вышли на первую незаповедную сушу — остров Кокоиха и, чуть позже, устроились поспать на острове Покормежном. Во время кратких остановок поразил своей ди-

кой, мрачной красотой остров Великий. Представьте себе галечный крымский пляж — идеально отполированные мелкие камушки. В бухточке у мыса Дальняя Корга мы обнаружили подобный пляж, только камушки — размером с полфутбольного мяча. Догадываюсь, как неуютно на таком пляже во время шторма и какие шторма здесь бывают.

В тихую гавань Покормежного островка мы прибыли очень вовремя. Природа непостоянна, полуторамесячная хорошая погода сменилась штормами, протерпевшими нас в плену четыре дня. Но скучно не было. Первый штормовой день провели в прогулках по берегу. Смотреть на изменчивую бурную воду, как и на огонь, можно очень долго — они не надоедают. На прибрежных скалах я обнаружил заросли стелящейся красной смородины — быть компоту. Пока желающие прогуливались по острову, рисовали, ездили в гости к биологам на соседние островки, просто читали, группа энтузиастов тривиально резалась в преферанс. Когда преферанс надоел, Витя ушел на рыбалку и, найдя клевое место, буквально за час, наловил почти полмешка рыбы, в основном, жирненькой наваги. Устроили праздник живота. На четвертый день «сидения» начали задумываться о найме катера — пора прорываться к дому, пока с работы не выгнали. Но к вечеру ветер начал стихать, и мы за два ночных перехода, преодолевая напор периодически налетающего ветра и волн, вырвались-таки к людям.

Повторюсь, подобные путешествия и приключения доступны практически любому. Они придают запас бодрости и положительных эмоций на весь год и запоминаются на всю жизнь.

Хочу поблагодарить Владимира Никитина и Ирину Копышеву, ранее путешествовавших в районе Белого моря и давших мне ценные консультации, а также всех моих друзей — участников «детских походов».

Фото К. Фуфина

Фото К. Фуфина

Фото К. Фуфина

Фото М. Николаевой

Фото И. Беляевой

Фото К. Фуфина

Фото В. Нихайчика

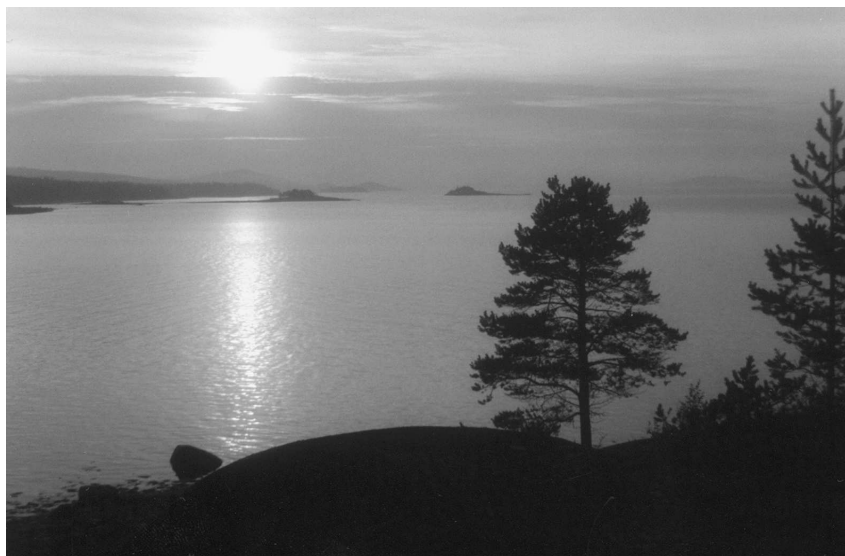

Фото К. Фуфина

Фото К. Фуфина

Фото Г. Николаевой

Фото И. Беляевой

Фото К. Фуфина

Фото Г. Николаевой

Фото К. Фуфина

Фото К. Фуфина

Фото М. Николаевой

Елена БИАНКИ

«Я ВЕСЬ ВЫРОС ИЗ БЛОКА»

Последние годы мне много приходится писать об отце, Виталии Валентиновиче Бианки, ведь в моем распоряжении его архив — рукописи и дневники, переписка деловая и с друзьями, родственниками, начинающими писателями. Но больше всего меня обязывает собственная память об отце, прожитая с ним жизнь.

Но все не так просто. О некоторых периодах жизни отца у меня нет достаточных сведений. Известно, конечно, все внешнее: гимназия, поступление в университет на биофак, идет война — юнкерское училище, дальше — революция, гражданская война. Но как молодой человек адаптируется к столь значимым событиям (не только для него лично, но и для всей страны), что он думает, как поступает?

Не знаю, не спрашивала. Все мы в молодости полны своей жизнью, не до родительской. Если бы и спросила отца, он ответил бы правдиво (лжи не было в нашем доме), но тогда что-то было бы недосказано, осталось «за кадром». Да и мы, дети того времени, не донимали старших вопросами, а они, так много повидавшие и пережившие на своем веку, не стремились — благополучия ради же своих детей — поделиться с нами.

Вот и приходится, стремясь узнать, понять, объяснить себе юные годы отца, обратиться к стихам Александра Блока — в них все сказано. Кроме того, отец неоднократно говорил, даже подчеркивал, свою духовную близость к А. Блоку. Тут уже возникает другая тема для исследования — В. Бианки и А. Блок, ею еще надо заняться специалисту.

«Я весь вырос из Блока и, значит, с детства очарован Петербургом» — это строчка из письма отца от 1957 года.

Отец и мне старался передать свою любовь к Блоку, вырастить меня на стихи Блока. Он приходил и садился рядом, когда я уже забиралась на ночь в постель, и читал мне, девочке 12–14 лет, не только о маленьком зайчике на сырой ложбинке, но много, много других стихов, вплоть до «Возмездия».

Позже читал и Пастернака, но его я воспринимала хуже, тем более, что в 30–40-х годах Пастернак был сложен.

Отец настолько «пропитал» меня блоковскими стихами, что мы иногда как бы переговаривались ими, найдя в окружающем нас что-то общее с блоковскими строками:

*...Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет... — начинаю я,
И низких нищих деревень*

Не счесть, не смертью оком... — продолжает отец.

Многие рассказы, статьи и письма отца содержали как эпиграф или включение в текст строки Блока. В перечне 13 глав, задуманной отцом повести «Воспоминания о себе», каждая глава имела не только название, но и эпиграф — почти все они из Блока.

Пытаюсь найти истоки, причины ощущения отцом той близости, соединенности — с Блоком. Начинаю с рождения: разница в 14 лет. Блок

В одном из многочисленных путешествий по России. Елена Витальевна Бианки

родился в 1880, отец — в 1894 году. Они родились не только «на берегах Невы», не только на одной набережной Васильевского Острова, но почти в соседних домах: А. Блок с младенчества в ректорском доме Университета, Виталий Бианки — в квартирном Флигеле Академии Наук. Так что с детства, выходя из дома, они видели гранит той же набережной, а вдали — Медного Всадника.

Убеждена, что первые зрительные впечатления детства не проходят бесследно, что-то в душах формируют.

Семья, атмосфера дома. Когда мне приходится говорить или писать о семье, доме моего деда, я всегда прибегаю к цитате из «Возмездия»: *«И дух естественных наук (Властей ввергающий в испуг). Здесь был религии подобен.»* Думаю, что этот «дух естественных наук» в доме Бианки был даже сильнее и повлиял на молодое поколение семьи больше, чем на Блока дух дома его деда Бекетова.

Предки — немцы, кстати, как у очень многих, так называемых, «коренных петербуржцев». И

если у А. Блока только со стороны отца, то у Бианки не только мать Клара Андреевна (по отцу — Генриховна) родилась на Кенингштрассе в Берлине, а с детства жила в Петербурге, но и отец, несмотря на итальянскую фамилию, имел предков в южной Германии, на Баденском озе-

подчеркнуто или отмечено сбоку на полях, есть замечания или просто: «Да», «Так». Внимательно изучив эти пометки, можно будет лучше, глубже понять в чем так близок был Бианки Блоку. Многие говорят о сходстве взглядов.

В сборнике «Судьба Александра Блока» читаю в письме Блока Станиславскому о России, о возвращении национального самосознания без «трех китов» или, по крайней мере, без китов «православия и самодержавия». Думаю, что и отец присоединился бы к этому пожеланию.

Узнаю, что Блок считал возможным печататься в левозэсеровских изданиях и даже был ошибочно арестован после раскрытия левозэсеровского заговора. Бианки же был членом партии СР, правда, вскоре официально из нее вышел, но был арестован не один раз по обвинению в прошлой принадлежности к этой партии.

Я нахожу доказательства сходства во взглядах на жизнь Бианки и Блока. Есть, конечно, и различия. Скончался Блок в 1921 году. Видимо, был не в состоянии принять наступившие Новые Времена:

*В сердцах, восторженных когда-то
Есть роковая пустота...*

В. Бианки был значительно моложе и сильно пропитан «духом естественных наук». Он сумел, как теперь говорят, «найти свою нишу» — нашел для себя дорогу к счастью — единение с природой. И всем своим литературным творчеством, и в личном общении, и в письмах старался указать не нее людям, особенно молодым. Но и ему «гул набата заставил заградить уста»: хотелось писать и о людях — «но ты знаешь в какое время мы живем», — из письма ко мне. «Блок — пророк. Блок — наша судьба», — из записей Виталия Бианки.

...Рада, что вы вспоминаете про меня. Я Бианки-Алексей, жила в Кильмарку мисского актинского лесника, но, к.б., была, как бы, та, которая...
Жизнь эта не мисская, а мисская, скоро-физик-вернее. Много мне приходится писать об отце (своем записке рисовании), конечно, все совсем другое, но мисская, много в жизни не мисская. К сожалению, много приходится писать на мисской, но с удовольствием пишу, но в мисской, но в мисской, но в мисской!

Всего хорошего. До встречи.

В. Бианки

Елена Витальевна Бианки среди членов географического общества

ре. Я там в Бишофсцелле (бывший кантон Тюргау Швейцарии) в архиве видела один и тот же документ на трех языках: на немецком там фамилия — Вайс, на итальянском — Бианки, на латыни — Альба. Есть еще много косвенных свидетельств, что Бианки — Вайс. Но я отвлеклась...

Через предков можно найти и еще сходство. Об Александре Блоке часто говорят как о немецком романтике. Отец тоже называл себя романтиком и даже поэтом. Писал стихи, хотя печатал только прозу. Говорил о присущем ему поэтическом восприятии окружающего мира. Сказала же Цветаева: «Поэт — это прежде всего — строй души».

У отца были (сохранились у нас в его архиве) многочисленные издания Блока еще начала 20-х годов. Конечно, есть собрание сочинений, издания «Алконоста» и другие. Отец был хорошо знаком с Самуилом Мироновичем Алянским, особенно читал его, как издателя и друга Блока. В конце 50-х годов в Дубултах познакомился с Н.А. Нелле-Коган. Она передала отцу копию письма к ней Блока (трагическое письмо, написанное в конце жизни).

Всегда с отцом был одноклассник Блока издания ГИЗ, 1929 года. На страницах его много строк

Александр КИРИЛЛОВ

Еще над головою голубело,
А небосклон уже лилово-сер;
Храм в строчке горизонта был пробелом
И очень строчки изменял размер.

Казалось, Зодчий просто чиркнул мелом,
По умыслу или наитью смел;
Так ловко к горизонту храм приделан,
Как к вечности нечаянный придел.

Сквозь столько глаз и душ он был просеян!
И даже, когда свет совсем редел,
Никольский храм на краюшке Рассеи
Особенно пронзительно белел.

СИРЕНЬ

Сирень посажена в саду
Как глазу и душе лекарство,
Посажена почти на царство,
Жасмину только на беду.

После дождя вдыхаешь цвет,
Что даже слух тревожит запах,
А от сиреневого крапа
На небо лиловет свет.

Но в сумерки совсем невмочь
От запахов и настроенья,
И чувств особых построенье
На лист нанизывает ночь.

Я давно не летаю во сне —
Наступили нелетные ночи.
Черно-белые сны по-сорочьи
Суеются по ранней весне.
Мне последние сборы ясней,
А отпущенный век все короче.

Не высвистывают под окном
Ни друзья, ни залетные птицы;
Под ногами скрипят половицы,
Словно клавиши низких времен,
И лежат у Творца под сукном
Недописанной жизни страницы...

Горизонта тугую струну
Оттяну и пушу на свободу;
Звук стрелою пронзит тишину,
Свежим ветром наполнит природу,
К колокольни ожившему плоду
Тот прибьет колебаний волну.

ЦЕРКОВЬ ТРОИЦЫ

I
Когда рассвет чуть приподнимет око,
Все станет жертвой алого востока,
Как изверженья, и горящей лавой
Поток коснется церкви пятиглавой
И явит из тенистого покрова
Храм Троицы, звенящий и багровый, —
Одной из красных дат календаря
На месте Духова монастыря

II
Он выползет как змей многоголовый,
Окрашивая наст волной лиловой,
И чешуей своей кирпичной кладки
Нарушит храмов белые порядки
А трапезная с братии обедом
Хвостом гигантским волочится следом
Лопаток многопрофильных члененье
Придаст его бокам черты волненья,
Присущие драконам, прочим гадам...
А мне собор Святого Духа рядом
Поможет пережить все превращенья
И за крамолу выпросить прощенье.

III
А в профиль, назовите это чудом,
Покажется храм шахматным этюдом,
Замышленным, поди, на небесах
Еще тогда, в строительных лесах...
Рисунок куполов и расстановка
Похожи на простую рокировку,
Где главный купол с королевской статью
Спешит укрыться за фигурной ратью
Ладей, слонов и низкородных пешек...
Боюсь, что я опять в сравненьях грешен.
Кто знает, но возможно по утру
Развлечься даже Богу по нутру.

IV
Все изменилось. Снежные заряды
Нарушили привычные уклады.
Храм Троицы влетал в поземку тройкой,
Где куполов поддужная надстройка
Как колокольцев безутешный ряд...
Изменена система координат.

Лбы длинные апсид, что конских морд,
И вертикали вспученных аорт
Тяг межэтажных резали поводья.
Зрачком оконца темного поводит,
Прядет ушами килевидных арок,
А лемеха, что с проседью помарок
Снежных, встряхивает гривой,
Из вьюги вылетая тройки ВРИО;
Казалось, что вот-вот раздастся ржанье...
Но как, архитектуры содержанье
И света неземное положенье
Способны пробудить воображенье!

V
Под вечер время кончилось разгула
Стихий Небесный сор раздуло.
Лишь храма силуэт темнел на своде
Неба, по своей природе
С ним связан или по породе.
Ввысь куполов локаторы направив,
Храм вслушивался хрустнул звездный гравий
И заскрипел под чьими-то шагами...
А если кто летал над ним кругами,
Он в связь вступал через крестов антенны;
Казалось, крылья обретали стены...
Храм к перевоплощениям призваньем,
Наверное, обязан был названью.

VI
В соборе подле было мало духа,
Он выглядел официально сухо,
Связь с вечностью считая бесполезной,
Хоть молод был, но вид имел болезный...
И только жести кровельной пластины
На звездный свет чуть выгибали спины.

СОБОР
Студеный, ветреный простор —
Вдохну до головокруженья,
От белизны и далее жженье —
В глаза попал зимы раствор.

Пространства ль, времени ль напор
Здесь все приводит к умноженью
И сил, и чувств, и напряженья,
И расстоянья (вот набор!).

Вдали, где Скит, темнеет бор,
И ледяных полей суженье —
Простится автору суженье —
Красот опасный перебор.

Ив зимних дымчатый убор
И льдов прибрежных торошенье —
К монастырю лишь приложенье;
Глаз, завершая свой обзор,

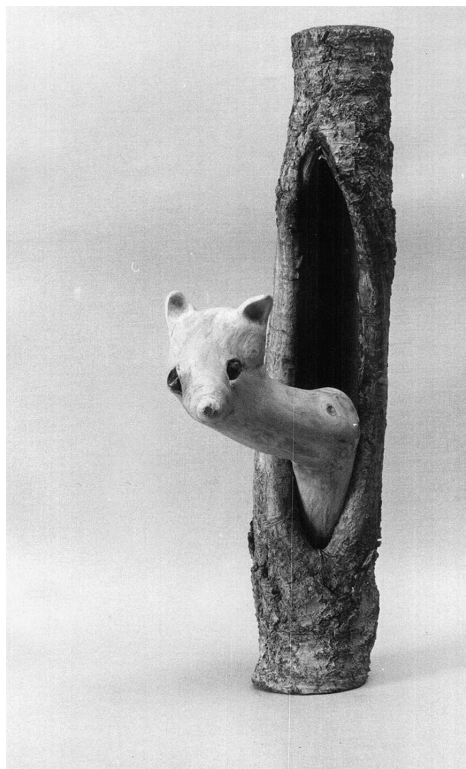
Находит среди стен собор,
Чтоб прекратить свое скольженье.
То не природы поражение —
Души естественный отбор.

Собора с колокольной створ
Стал знаком моего движенья,
Так сильно храма притяженье,
Был в этой тяге приговор.

Ну вот и монастырский двор,
Плит вековые отложения...
Себя ли. Храма ль постиженье?
Как передернутый затвор,

Защелкнут за спиной запор
Ворот. В знак, верно, подтвержденья:
Не терпит суеты служенье
Не только музам. Ждет собор.

Скульптуры из дерева Александра Кириллова

Колокола скликают сбор —
Воскресное богослуженье,
И звуки медного брожения
Сочатся из небесных пор.

И скинув головной убор,
Едва замедлив продвижение,
Свое продолжу восхождение,
Как на Голгофу, на утор.

ХРАМ СИМЕОНА БОГОПРИИМЦА

Ах, какая ладная церквушка
С розовой примесью зари!
Темная приплюснута макушка.
Чтоб держались крепче сизари.

С пластикой своею необычной,
В ручейковой ряби бегунца
Леплена, уж если и не лично,
Все-таки по замыслу Творца

Луковка под тяжестью небесной
Чуть просела и раздалась вширь,

Я влюблен в Россию,
Я влюблен в страну,
Где колючий иней
И медведь в лесу.

Пусть другие едут
В край далекий, пусть,
Я всегда уверен,
Что домой вернусь.

Побродить у речки,
Где растет сирень,
Посидеть у печки
В хмурый зимний день,

Просто слушать запах
Русский полевой
И проснуться рано
Летнею порой.

Не проси пощады
У своих врагов,
Не ищи награды
У чужих дорог,

Не кради удачу
У своих друзей,
Но смотри иначе
В вереницу дней.

Чтобы не казаться слишком пресной
(Словно глазу едкий нашатырь),

Или от небесных поцелуев
Облаков, дождя и губ иных
Неба жителей. Воображенья улей
Растревожен всполохом стены

Двух покровских храмов разноликость
Симеон смягчал причудой форм
И срастался с заповедной липой,
Что срубили — печкам на прокорм

С бабочкой от кровли восьмискатной,
Горло аркатурный поясок
Перетянет, вид незаурядный
Он имел и звонкий голосок.

И на фоне громкого собора
(Запоем такой — посыплет лист)
Храм, конечно, мог бы спеть без хора,
Коль пришлось, держался как солист!

Николай ЕФИМОВ

Не храни обиду,
Чтобы отомстить.
Первым и последним
Приготовься быть.

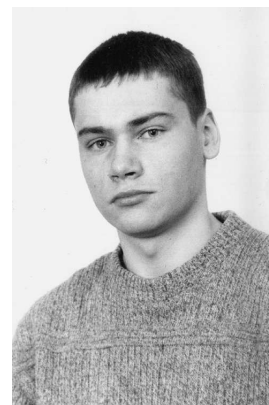
Приклонив колени
Не останься ждать,
Все, что ты задумал,
Лишь тебе искать.

Мне осень подарила эту сказку,
В ней только ты и легкий шум дождя.
Художник-клен вновь подбирает краски,
А ты взгляни еще раз на меня.

Пусть шепчет дождь о том, что мы не вместе,
Пусть образ твой растает в пустоте,
Но этот мир обмана, лжи и лести
Вдруг стал другим в промокшем сентябре.

Ночь немая опустилась
На притихшие дома.
Я хочу, чтоб ты приснилась,
Я хочу, чтоб ты была.

И под ветра завыванье,
И под шум ночной дождя
Я шепчу тебе признание,
Слышишь ли, судьба моя?

ХРОНИКИ ПОСЛЕДНЕЙ ВОЙНЫ

Часть первая

Сигнал. Из динамика донесся хриплый, усталый голос диспетчера. Объявили конец посадки. Взявшись за поручень, еще раз оглянулся, искал ее глазами, но в разношерстной толпе провожающих ничего не разглядеть, а позади напирали, торопили:

— Давай, летун, двигай телом, — рослый омовец дыхнул свежаком выпитого, протиснулся вперед, исчез в чреве вагона. Следом лезли еще десяток, а сзади, из толпы, поднимая вверх сжатый кулак, кричал раскрасневшийся круглолицый здоровяк:

— Доброго пути, братцы! Вас ждут дома! — его голос перекрывал выкрики имен и пожелания скромных, державшихся достойно женщин.

— Юра! — резануло слух. — Юрочка!

Рывком слетел с подножки на перрон, пробился, поймал маленькое, хрупкое, белокурое создание, прижал к себе:

— Зоя, Зоенька, Зайка моя!

— Граждане, поезд отправляется. Провожачие, покиньте вагон, — проводница в лихо сбитом набок форменном беретике, с выбившимися из-под него рыжими кудряшками, подала голос.

— Все, все, опоздаешь, — а сама не отпускает, прижимается, целует. Эх, Зоя!

— Поехал! — оторвал, будто часть сердца оставил, побежал за двинувшимся поездом, прыгнул на подножку, втиснулся, а Зоя рванулась следом, нырнула в толпу, потерялась в мешанине пальто и курток, выскочила, но поезд уже разгоняется, уходит, громыкает на стыках. Потеряв ее из виду, слышу смешливый голос проводницы:

— Разве летчики поездами ездят? Никак, высоты боимся?

— Постоянно, — ляпнул первое, что пришло в голову, и вошел внутрь. Омовцы расположились табором, завалили стол закусками, нагромоздили водки и пива, наливали в стаканы, лихо опрокидывали: за отъезд, за Бог с нами и шиш с ними.

Толкавший на перроне, снял спортивную шапочку. Обнажил короткий ежик русых волос, сбросил пятнистый бушлат и махнул призывно:

— Давай, летун, приземляйся к нам. Выпить и съесть веселее вместе! Худошавый, в черном свитере с глухим высоким воротом, сидевший рядом с зазывалой, нехотя подвинулся, освободив место. Бросив на третью полку дермантиновую сумку, поймавшую всякое, воспользовался приглашением, сел, получил налитый до половины, теплый от рук стакан, стартовал тостом:

— За удачу! — опрокинул в рот, проглотил жгучую жидкость, закусил ветчиной и отдышавшись, назвал, — Юра Соломин, еду в часть.

— Санька Белогорский, — представился парень в глухом свитере.

— Толик, — не заставил ждать здоровяк. — А парни зовут Гора. Ты тоже туда?

— Да, командировка.

— Значит, свидимся еще, — заключил седой майор с кривым шрамом на левой щеке. Он сидел напротив, чуть ближе к окну. — Мы тебя, может, не увидим, — ткнул пальцем в потолок, ухмыльнулся, — но ты нас обязательно различишь, сокол! Дадим гари!

Беседа закрутилась вокруг одного: срок командировки в паршивое время года, где днем все тает, ночью прихватывает, а по морозцу — «ему» сто километров не крюк, жди «подарков» откуда угодно.

После второго стакана поблагодарил от души, полез на вторую полку — головой к окну. Хотелось побыть одному, остаться с самим собой и поразмыслить над будущим. Однако мысли норавли нырнуть в прошлое и резвились там, как дельфины в океане.

Отправляли вместе с Гуськовым, но у него заболела жена и ребенок. В общем, по всем статьям выходило — никак нельзя ему ехать и даже от дома отходить чревато. Одно осталось — спирт глушить, да клясть судьбу непечатными словами, а Юрке, стало быть, одному ехать.

Осталась жена Лена. Третий год жизни с ней похож на чемодан — нести тяжело и бросить жалко, хотя через день заявляет: «Только не надо меня жалеть, понял?» Еще — Зойка, маленький зайчонок — едва достает макушкой мой подбородок, и годков мало — двадцать один. Вот такая петля на шее — двойная.

Омовцы говорят громче, спорят. Толик рокошет, сбивает с мысли:

— ...Ну, а как, как иначе? Шато-Ведино помнишь? Что мы там увидели, не забыл? Окружили, предупредили, дали им коридор какой-то, а после налетели, разбомбили, причесали, зачистили!

— Что же ты, власти не веришь? — шрам на лице майора побагровел, на висках капельки пота. — Так надо было! Тебе не пристало в политику нос совать и проявлять амбиции по пьяной лавочке. Одно скажу — есть приказ, он выполняется, а не обсуждается.

— Все ясно. — Толик потух, налил в стаканы, стукнул по верхней полке. — Пикируй, сокол, зап-

равимся.

— Спасибо, не буду. Язва у меня, — соврал зачем-то, может беспокоить перестанут.

В окно виден город, какие-то ангары, разбег рельсов, мост через пути, а по нему идут две женщины — грузные, важные, с сумками в руках. Не остановились, проскочили закрытый стоящим поездом перрон, двухэтажное здание вокзала; мелькнули часы на фасаде — пять! Три часа едем! Не заметил, как пролетело время.

Вспомнился дед. Бравый, стоит на фото — в галифе широченных, при орденах и портупее. Бабушка, царство ей небесное, смотрела и говорила уважительно:

— У его и наган был, на боку висел. Ось тут, — и показывала морщинистой, высохшей от старости и нелегкого труда рукой туда, где висело оружие. К чему это приходит из памяти?

Проводница принесла чай. Отодвинули закуски, приняли с подноса, усаживают ее за стол, но отказалась — ушла. Слез, накинул свой темно-синий бушлат и побрел следом. Она наклоняется в тесном тамбуре, ворошит печь, оглядывается:

— Нельзя в этом тамбуре курить, служивый.

— Там народу много, не продохнуть, — виновато улыбаясь, прикуриваю сигарету, жадно затягиваюсь. — Давно топите?

— Вторую смену. По ночам совсем холодно стало, — придерживая рукой поясницу, разогнулась и спросила, — Тоже туда?

Кивнул вместо ответа. Вдохнула, помялась, прислушалась к гулу пламени. Сколько ей? Русская баба, каких много. Круглое лицо, едва тронутые помадой губы, рыжие кудряшки, золотые серьги-капельки в ушах. Сорок? Больше?

— Чаю хочешь?

— Можно.

— Докуришь, заходи. Посидим, вместе покурим, — улыбнулась просто, бескорыстно, будто в сотый раз еду. Вышла.

Прислонился, посмотрел в мутное стекло. Переезд, шлагбаум, за ним — «Камаз» со сполером на крыше кабины. Мелькнуло, и выступил лес, а сразу за насыпью — столбы с бесконечной скачкой проводов — вверх-вниз, вверх-вниз. Столбик километровый, цифры не успел приметить — темнеет.

Ленка сейчас сидит за столом, пьет кофе и стучит на клавиатуре — «рожает квартальный отчет», а Зойка, наверно, поехала к матери — на подмогу. Она до четырех работает в налоговой, а после едет в пригород. От платформы до домика матери — километр. Вдвоем незаметно проходили, а как одна добирается, жалуется — «вечность топала!»

Сигарета догорела. Постучал для приличия, вошел, сел барином. Она назвалась Юлей, но имя во внешность никак не вписывалось, как бы проводница отдельно, имя отдельно — так и живут.

— Юра и Юля, созвучные имена у нас, — ставя на стол тарелочку печенья и вазочку с кусковым сахаром, подметила радушная хозяйка.

— Точно, — кивнул я, — только имя вам не подходит. Я бы назвал Мариной или Ириной, бли-

же к телу будет.

— К телу? — засмеялась громко, без страха взглянула в глаза. — Ну-ну, скажешь тоже. Сколько тебе лет, герой?

— Двадцать три ударило, никак не оклемаюсь.

— Женат небось? — открытое любопытство во взгляде. — Не ври, ага?

— Есть жена, и есть не жена. Обоих люблю и не найду золотой середины, — собственная откровенность проявилась краской на ушах и щеках. Почувствовав, что покраснел, увернулся, — чай у вас хороший, насквозь прогревает.

— Дрянь не держим, — зарделась от похвалы, отхлебнула из стакана. — Первый раз туда?

— Да. С товарищем отправляли, да причин у него нашлось выше крыши. Один расхлебывать буду. — На глаза попалась книжка — хорошая возможность сменить наболевшую тему. — Что читаете?

— Забыл кто-то, прибрала, — она оглянулась, — Достоевский, старое издание, времен СССР.

— Сейчас классику не ценят. Модно про слепых, стреляющих без промаха, и одноногих, прыгающих дальше всех. Современному Раскольникову нужно две дюжины старух-процентщиц зарубить, сварить и съесть. Тогда, глядишь, объявят маньяком-людоедом и напишут душераздирающую историю, где обязательно упомянут, как в детстве его уронила пьяная мама — головой на кафельный пол общей бани.

Она так смеялась, будто на выступление Михаила Задорнова пришла или постановление Думы заслушала в сто пятом чтении.

После двух стаканов горячего чая сослался на желание вздремнуть и, несмотря на приглашение перейти к более крепким напиткам, ушел в свой плацкарт. Омоновцы спали, только краснощекий Толик-Гора, подперев гигантским кулаком подбородок, смотрел в окно и, покачиваясь, бубнил: «Россия матушка... кормилица наша... простор души русской».

Щелкнув, включилось радио. Мелодия проникает в глубь сознания и вызывает прилив грусти. Хорошая, сильная песня Любы Успенской:

...Это удивительный был аттракцион,

Так еще никто не шутил, как я и он:

Он меня, шутя, посадил в пустой вагон,

Я, шутя, уехала, в поезде — ночью...

— Слушай, Юрман, — омоновец что-то гнетет. Он ищет собеседника, пытаясь отвлечься от пьяных дум. — Ты правда летчик?

— Бортмеханик.

— С истребителя?

— На вертолетах работаю, — раздражение нарастает, а Успенскую сменил Валерий Леонтьев.

— Я слышал, есть такой самолет — крылья могут прямо стоять, а могут, — он икнул, — криво. Ну как бы назад. Есть или треп?

— Да. Миг-23. Изменяемая геометрия крыла.

— Почему Чечню не разбомбят в дым? Взяли сотню самолетов, шарахнули и сравняли все с землей.

— А мирное население куда? — Это становит-

ся интересным. Я привстаю на локоть и заглядываю вниз.

— Это блеф. Днем они в грядках копаются, а ночью в засадах сидят.

— Спят когда? — пытаюсь свести на шутку.

— Когда «коридоры» дают! Бардак! — Толик обречено махнул рукой. — Не могу понять, какого лешего с ними цацкаются? От этого и нервничаю. Плохо, когда что-то непонятно и объяснений нет. Не слушай меня. Это водка говорит, а не я.

Вот и побеседовали. Я перевернулся на правый бок и закрыл глаза. Вспомнил Крайний Север, укрытую глубоким белым одеялом тундру, пушистых лаек, оленеводов в длинных малицах. «Спирта привез — горностаи, писец увез, а?» При чем слово «писец» произносится как созвучная матерная брань. Поневоле улыбаешься (замершие губы выдают оскал), а собеседник хмур, держится с достоинством. Олени в упряжке выбрасывают из ноздрей клубы пара, перебирают копытами, бьют снег, роют мох-ягель и поочередно ныряют в сугроб головой, достают замершую пищу. Нарты обложены шкурами. На них лежит длинная, прямая палка-хорей — торопить к окутанному налетом снежной пыли вертолету.

Поезд остановился. По проходу — движение. Прошла женщина с двумя огромными полипропиленовыми баулами. Следом — торгашка. Удивительное дело, предлагают мороженное в холодное время года, и люди берут с удовольствием. Наверное, из таких вот мелочей складывается большое чувство — любовь к Родине. За индивидуальность и непостижимый чужим умом русский дух.

— Ребята, водочка! — Дед в сбитой на затылок шапке и черном потертом ходовой товар. — Хорошая, с акцизом! Наша!

В соседнем плацкарте он находит клиента, бормочет рекламу, а позади женщина с ребенком лет пяти — укутанным, как мультяшный Мишка-Гамми.

— Посторонись, а?

— Ой, извините, ради Бога! Проходите, проходите, — дедок сует в карман мятую купюру, пропускает, продолжает движение, приговаривает, — водочка, наша!

За окном поплыли фонари. Движение улеглось, погасли основные лампы, и вагон погрузился в полумрак. Толик спит, уронив голову на руки. Незаметно под монотонный стук колес засыпаю и я.

* * *

— Сколько налетали, я не расслышал? — командир полка, полковник Денисов прищуривается от попавшего в глаза табачного дыма, глубоко затягивается.

— Там все написано, товарищ полковник, — сую ему бумаги, обламывая этот совершенно ненужный, ничемный допрос. Заметны его высокомерие и мнительность.

— Ха! — улыбается нехорошо, показывает ровные, вставные зубы. — Написать можно, что угодно. Я просил пи-ло-тов! Хороших летчиков с опытом работы в горячих точках, либо, — он делает

ударение, — в суровых климатических условиях, а мне прислали какого-то механика. Где вы успели поработать в такие годы, если не тайна?

— В Ненецком Автономном Округе Архангельской области. Тундра.

— Ладно, решим, — вздохнув, милостиво отпускает и просит подождать в коридоре. Бумаги остаются нетронутыми на просторной поверхности полированного стола.

Через две минуты в кабинет проследовал невысокий, коренастый подполковник, зацепив взглядом, оценил. Я козырнул. Он отмахнулся в ответ, будто не честь отдает, а дает добро на запуск двигателя. Получив инструкции, вышел, увлек за собой:

— Во вторую эскадрилью пойдешь, экипаж Сухонина. У него бортач в отпуск едет, последний день работает. Полетаешь три-четыре недели, а после — определимся. Как звать-то?

— Юрий!

— Алексей Иванович. Ты не переживай, ребята у нас хорошие, дружные. Машины не новые, но летать можно. Бывает и хуже, грех плакаться.

Создалось впечатление, что он успокаивает больше себя, чем новичка, но я понимающе кивал и соглашался — бывает и хуже.

Миновали пост. На КПП подполковника знали в лицо, отдали честь. Толстогубый, прыщавый прапорщик проводил меня долгим взглядом. Казалось, сверлил глазами спину.

Два вагончика состыкованы торцами. Вдалеке видна полосатая, бело-красная вышка СДП, разметка — флажками обозначены посадочные квадраты вертолетов. Зачехленные, они напоминают больших уснувших животных.

Последний, третий, вагончик развернут поперек и центром упирается в торец второго: «Т»-образно. Входим. Вскидывают трое. Техник РЭО, лейтенант Бражиц, — представляет Алексей Иванович первого, стоящего ближе всех, парня в черном «техническом» бушлате. В это время находившийся дальше всех человек делает полшага, тянется к черно-белому телевизору, убавляет звук.

Обстановка спартанская: стол с ящичком «громкой» связи, рация, захватанный телефон, три жестких стула вокруг стола, два топчана обтянутых коричневым кое-где порванным дермантином, стоят у стены под окном. В углу, на тумбочке светлого дерева — телевизор с обмотанным синей изоляцией рычажком переключения программ. Все это оатывается беглым взглядом. Иваныч еще не закончил, хвалит Бражица:

— ... парень способный, радиоэлектронное оборудование знает и любой хлам чинит. Одна беда, — вздыхает и щелкает себя по шее, — ЛЕВ, что в переводе с военного — любитель выпить. Ух!

Все улыбаются, а окрыленный своей речью подполковник продолжает: — Так-с, а это наш достопочтенный Михалыч, он по безопасности полетов инженерит.

Мужчина приветливо кивает, застегивает пуговицы пятнистого бушлата. Лицо у него смуглое, как шайба, а глаза узкие — цепкий взгляд. Не

казах ли? Может, уйгур?

— Ну а это Димка Буцко, технарь, — отмахивает в сторону третьего, убавившего звук телевизора. — Парняга молодой, работает недавно. Знакомьтесь, новый бортмеханик в экипаж Степаныча, Юрий э-э-э...

— Соломин, — вставляю я.

— Вот и славно. Это круглосуточный пост, тут всегда техники и безопасник торчат. Если что-то важное — идут на задание свои или подсадка — мы обслуживаем. Теперь — в экипаж.

В центре вагончика, напротив входной, еще одна дверь. Иваныч нагибается, входит. Я — следом. В полупустом помещении сидят двое и режутся в нарды. Молодой, большеглазый, русоволосый игрок растряс в руках зары, кинул на доску, объявил:

— Пять-шесть! Ага, самое то. О! — замечает вошедших и делает вид, что пытается встать. Второй, сидящий спиной к входу, оборачивается, повторяет маневр с приветствием, но подполковник усаживает жестом, знакомит:

— Это твои, — показывает на сидящего спиной, — Валентин Иванович Сухонин — командир, а этот, — рука перемещается на кидавшего зары, — второй пилот, старший лейтенант Городец Андрей Валерьевич. Знакомьтесь — Юра Соломин, ваш новый бортмеханик, третий богатырь. А где Алферов?

— Желудком мается, — ответил Сухонин и показал взглядом вглубь вагончика, где имелась фанерная перегородка. Отодвинув почерневшую от времени дверцу, подполковник обнажил раковину, обтянутый грязной клеенкой стол и топчан, где приютился еще один обитатель.

Воин спал, уронив голову на руку, забросив ноги в массивных ботинках на небольшую тумбу, стоявшую в углу за раковиной.

— Ты посмотри, как ему плохо! — съязвил Алексей Иванович и причмокнул губами от наигранного сожаления. — Бедняга, даже последнее дежурство отработать не смог, сломался! Какая жалость. Он развернулся, гневно посмотрел на вскочивших пилотов, выпалил:

— Не можете отпуск с утра не обмыть, да? Ну, Валентин, не ожидал!

— Побойтесь Бога, Иваныч, — тарашится Городец, — ни в одном глазу!

— Сейчас к Мошкинду свожу, там и узнаем, в одном или в двух! Людей возите, не дрова!

— Действительно, товарищ полковник, не пили мы! — пророкотал Сухонин. — Он с бодуна пришел, отлеживается. Говорит, отравился чем-то.

— Ладно, смотрите мне! Соломина на его место поселите, покажете все, а этого, — он показал пальцем на спящего, — накажу после отпуска! На этом все, работайте!

Хлопнув дверью, подполковник ушел. Я разрядил обстановку:

— Он не брат Ирины Алферовой?

— Кум, — хохотнул Городец и бросил беглый взгляд на Степаныча.

— Устал, наверно, а тебя сразу с корабля на бал, — проявил заботу командир.

— Ерунда, в поезде выспался, вещи дневальному оставил. Как работаете?

— Двенадцать часов через сутки, щадящий график. На каких машинах работал?

— На восьмерке, шестерке, МИ-10К...

— Трубоукладчике? Серьезная штука. У нас МИ-8, — он заметил перемену в моем лице, добавил грубо, — а ты чего думал, на «крокодил» посадят, ракеты будешь швырять? Наше дело не меньше пользы несет: десант, медицина, раненые, продукты, патроны... Время видел какое? Все расквасило, танки застревают, не говоря уж о машинах, а с них, — Степаныч показал в квадрат мутного стекла, где виднелись громады зачехленных боевых вертолетов, — только смерть и сеять, аки кару за грехи земные. Ну а собьют, так лучше погибнуть, чем в руки к ним попасть — попытают. Говорят, десять штук зелени за сбитого дают.

Он так ораторствовал, что начал махать руками. Полный, черноволосый, кареглазый, выбритый до синева — необычайно бойкий. Несмотря на грузную комплекцию, майор Сухонин мгновенно расположил к себе, внушил правоту своих слов и будто подстегнул второго пилота. Молчавший доселе Городец подключился к внушению первоочередной важности транспортной авиации:

— В натуре. Ты попал в самый лучший экипаж! Нам завидуют все! Сказочно повезло тебе, Юрка!

— Да я и не жаловался, что вы! Пропади пропадом, какая разница, на МИ-2 летать или на «Черной акуле», главное — с кем и ради чего! — совсем неожиданно получилась впечатляющая формулировка.

— Хм, — Сухонин сел, — нормально.

— Вообще, красиво сказал, — поддержал Городец и улыбнулся, — сработаемся, чую. У врача был?

— Нет.

— Обязательный предполетный медосмотр никто не отменял. Андрей, дай отмашку Михалычу, пусть свозит к Мошкинду.

Городец вышел, появился через минуту, объяснил:

— Сейчас безопасник УАЗик подгонит, съезди-те в штаб. Первый этаж, первая дверь направо. Не дерзи, понял? Врач у нас мужик строгий.

Пятнистый внедорожник поглощал разбитую дорогу. В салоне тепло и уютно. Прикрепленный к зеркалу заднего вида зеленый дракончик весело подпрыгивал на резинке — в такт мелодии, льющейся из приемника.

Михалыч курил дешевую «Приму», стряхивая пепел в форточку. У самой створки ворот перед приземистым зданием затормозил:

— Вот и прибыли. Рядом тут, разогнаться не успеешь — приехал, а пешком по грязюке полчаса оставишь, не меньше ...

Конец фразы проглотил проползающий мимо БТР с десантом на броне. Ребята сидели хмурые, закованные в бронежилеты и «разгрузки» с множеством оттопыренных кармашков. Заляпанные грязью колеса роняли лепехи размягшего грунта

вперемешку со снегом.

— Боевое охранение, — пояснил Михалыч, — иди, подожду.

Вертушка со скрипом пропустила внутрь здания. Быстро сориентировавшись, я подошел к двери и остановился позади группы пилотов, растянувшихся в начале в очередь, а после — сбившихся в тесный круг. Один из них, невысокий лейтенант, с жаром рассказывал:

—...А Алферов с Галаниным посадили двух девчат с метео и поперлись в центр, до кабака. Там «дежурка» и стуканула. Бросили на обочине, а ночью с нее аккумулятор, зеркала и подфарники сдернули. Вот вам и охраняемая территория...

Из двери кабинета вышел раскрасневшийся майор, посмотрел на пилотов, громко спросил: — Все? Нет? Тогда ждем в автобусе остальных. Кто не знает, сообщаю: автобус автороты временно заменяет дежурную машину. Слышал, Туров, — он посмотрел на рассказчика, — не говори потом, что не знал.

Очередь, образовавшаяся после ухода майора и нескольких пилотов, шла быстро. Не прошло и четверти часа, как я постучал, вошел и представился.

Мошкинд. Что интересно, сразу вспоминается Ильф и Петров, их герой Кукушкинд. Однако эти персонажи похожи лишь концовкой фамилии, не более. Сухой, поджарый мужчина в роговых очках, с глубокой залысиной и большими бледно-голубыми, будто выцветшими с возрастом глазами. Ему слепо можно дать пятьдесят лет, а то и больше. Сквозь тонкий халат, наброшенный на китель, явно проступают погоны с майорскими звездами.

— Значит так. Молодой человек, галлюциногенов не жрать, водку глушить с умом и наркотой мне не баловаться, сечешь? Я закалки старой и летному составу поблажек не даю, иначе залетаю высоко и ног под собой не чувю. Медосмотр — обязательная процедура каждый полетный день. Запомнили? — во взгляде заготовленный упрек, будто вместо завтрака я закинул в желудок котелок галлюциногенов и явился показаться — «каков».

Киваю. Он измеряет давление, долго слушает сердце и милостиво отпускает из кабинета, не забыв напомнить, — «Дверью не хлопать!»

В коридоре штаба тишину нарушает глухой стук печатной машинки. Других признаков жизни нет. Мои гулкие шаги глушат этот стук, а хлопнувшая дверь перечеркивает прошлую, гражданскую жизнь.

Михалыч рвет с места. Завывая двигателем, с пробуксовкой, мы отъезжаем от штаба и направляемся к вагончикам. На полпути обогнали грязно-зеленый, занавешенный шторками ПАЗ.

— Кто это?

— Пилоты с «крокодилов». Они приезжают отдельно, прямо к вылету. В

штабе у них свой зал, для безопасности и возможного мщения. Это так, на всякий случай.

— А мы? — несправедливость явная, поэтому вопрос скрывает обиду.

— Вы, как такси. Всяк норовит вызвать по делу и без. Начальства развелось всякого... — Михалыч лезет за сигаретой, прикуривает. — Ну их! Нашел о чем говорить. Вот дежурную машину угробили — печаль! Сейчас мотайся туда-сюда.

Он лихо тормознул, вылез, хлопнул дверью, повернулся в сторону расчехленных, готовых к вылету «крокодилов»: — Видать, серьезное дело, раз пару подымают.

В дверях вагончика появился Городец:

— Михалыч, сейчас на АДП поедем, не отходи.

Мы вновь едем, но на этот раз — всем экипажем. Получили полетное задание и к вертолету. Я сижу в машине, жду инструктаж командира. Степаныч молчит партизаном и пялится на разбитую дорогу, изображает тайну или нагоняет солидность?!

Остановились рядом с пятнистым вертолетом. Неторопливые Дима Буцко и лейтенант Бражич уже его расчехлили, прогрели, произвели проверку и убирают колодки. Входит Сухонин, затем Городец и я. Одев ларингофоны вызываю Андрея:

— Дай позывные.

— Диспетчер — «домосед», наш — «одинокий», борт ноль один три семерки пять.

— Понял вас, — переключаю на внешнюю связь. — «Одинокий» — «Домоседу», прием.

— На связи, — голос женщины в мягком потрескивании помех кажется автоматическим.

— Проверка, — отключаюсь. Слышу, как командир получает «добро» на вылет. Обращаю внимание на показания: проверка, топливо, уровни, лопасти...

— Режим, — голос Сухонина не узнать.

— В норме, — вижу, как растет цена деления на приборе давления, тронулась температура масла.

— С Богом, — выдохнул командир. Машина отрывается от черно-белой земли, начинает набор

высоты и, наклоняясь вперед, набирает скорость.

— Курс: высота сто восемь и два, — напоминает Сухонин второму пилоту и дает мне знать куда предназначен рейс. Жду какой-то тревоги, либо еще чего, может, возвышенного чувства важности этого полета, но нет, все как обычно, совершенно привычно: легли на курс, набрали приличную высоту и идем выполнять задание.

Видимость — облачно. Иногда открываются пятнистая земля, кривые ленточки речушек, разбросанные населенные пункты, буро-зеленый, больше коричневый лес, разрезанный ниткой дороги с ползущим колонной автотранспортом.

Постепенно просветы уменьшаются и, наконец, исчезают совсем. Полет продолжается «под шторкой» — по показаниям приборов. Отмечаю отклонения и изменения. Прямо передо мной приборная панель — датчики давления масла, топливной системы, температуры двигателя и ряд вспомогательных — расходы и сигнальное оборудование.

— Шестидесят пять, — ставлю в известность.

— Растем? — командир сидит впереди, чуть левее. Вижу, он поворачивает голову к второму пилоту, спешу объяснить:

— Влажность большая. Облачность ...

— Ясно, ясно, — обрывает он.

Что ж, раз все знаешь, к чему пускаться в объяснения? Остальную часть полета молчу как рыба об лед и поглядываю на белую пелену. Говорят, можно увидеть образы, мечтается хорошо... Пытаюсь — ничего не получается, а вот одна мыслишка свербит — «вы-со-ко-ва-то!», если... Нет, об этом лучше не думать.

Снижаемся. Облака рвутся, уходят вверх. Не прошло и минуты — под нами чисто. Заходим на посадку, машина снижает высоту. Нас встречает группа — полтора десятка человек. Чуть в стороне, приткнувшись передними бамперами к корявому кустарнику, стоят три авто: УРАЛ и два УАЗа.

Касание. Снимаю ларингофоны, иду открывать. Лопасты вращаются на малых оборотах, но ветер от них ощутимый. Люди бегут, пригибаясь, придерживают фуражки и шапки. Первым полез толстый, раскрасневшийся полковник. Следом еще два офицера — их погоны прикрывают меховые воротники камуфлированных курток.

Полковник что-то кричит вышедшему навстречу командиру, а тот, в свою очередь, так же громко, в самое ухо главному пассажиру. Всему виной открытая дверь. При закрытой можно говорить тише и не драть горло.

В салоне появляются вооруженные до зубов десантники. Хмурые, темные, небритые лица, надвинутые на брови черные шапочки, обрезанные на пальцах перчатки, спаренные изоляцией магазины автоматов. Последний — со снайперской винтовкой, прицел закрыт брезентовым чехлом.

Расселись. Задраиваю дверь, возвращаюсь на место. Земля отплывает. Буксуя, удаляется УРАЛ, а следом, будто крадутся — пятнистые УАЗы.

— Режим? — голос командира возвращает к приборам, заставляет сосредоточиться на показаниях: — Норма.

На окраине изрыхленного артиллерией поселка приземляем вновь. Пассажиры встречают два БТРа. Командир убавляет обороты до минимума. Чего-то ждем. Успеваю осмотреть вертолет снаружи, обиваю налипшие на ботинки комья грязи, возвращаюсь.

Наконец, подъезжает похожий на «хлебовозку» ГАЗ, и два солдата грузят шесть черных мешков. Это убитые. В одном из «грузов» край лопнул, а может, зацепили и порвали — вывалилась грязная скрюченная рука. Солдат быстро заталкивает ее обратно, виновато глядит на меня. Отворачиваюсь.

И снова плывем «под шторкой». Командир говорит «безопаснее», а я вспоминаю песню Саши Розенбаума, где есть такие строки: *«...Но надо добраться, надо собраться... если нарваться, то парни второй раз умрут»*.

Квадратик с трепещущими красными флажками, закрытая фура, почти родные Бражик и Буцко встречают борт. Вижу, как коровой ползет топливозаправщик МАЗ. Выхлоп из его глушителя стелется по земле как дымка и растворяется не скоро.

Степаных и Городец уходят, а я остаюсь, жду, когда доползет заправка. Технари дождались разгрузки, ставят колодки, втыкают пробку в почерневшее сопло. Солдат-срочник прыгнул в грязь, — брызнуло из-под ног месиво, хлопнул дверью, спешит ко мне.

— Есть таблица?

— Так точно, — лезет в карман бушлата, вынимает потрепанный лист. Смотрю запись техника ТСМ, прошу достать баночку и нехотя лезу сливать отстой с нижней точки бочки МАЗа. Керосин вонючий, шибает в нос: — Давай под завязку.

Паренек разматывает шланг с заправочным пистолетом на конце, включает насос. Я открываю крышки правого и левого навесных баков. Солдат шустро залезает, начинает заправку.

Прошло две-три минуты, зажигается встроенный под стекло знак «бак полон». Он вопросительно смотрит, намеревается прыгнуть, но я прошу подождать немного — сейчас топливо стечет в правый бок, закрою крышку и повторим в левый, иначе, скопившийся воздух создает в правом иллюзию полноты, желательнее открывать. Судя по лицу паренька, тут этого не делают, да и ни к чему, если летать близко. Другое дело — раскат голой тундры, безграничность ее простора, неосытность.

Наконец закончили. Заполняя бланк по показанию счетчика МАЗа, ставлю роспись — оригинал мне, а второй экземпляр — заправщику. Солдат расписался, сунул листок в карман, прыгнул в машину и чего-то ждет. Не понимаю, делаю рукой знак «свободен».

— Садитесь, подброшу до вагончика.

— Благодарю, — усаживаюсь поудобнее. В кабине тепло. На панели наклеена целая галерея полуобнаженных девиц — длинноногих красавиц в полном наборе — от блондинок до рыжих.

— Раньше под ликом святых воевали, иконы несли, а теперь — бабы голые. Вдохновляют?

— Когда это было, скажете тоже — «лики свя-
тых», — он давит на акселератор, высовываясь из
машины, смотрит назад. Ему лет девятнадцать, не
больше, а ведет себя уверенно, работает умело, без
лишней суеты. Такие всегда на своем месте, будут
делать, что прикажут, и ждать золотого дембеля.
Только вот все меньше и меньше их — не прячу-
щих голову в кусты, способных отдать во славу
Родине 730 дней своей молодости.

Молчим до самого вагончика. Сухо благодарю,
спрыгиваю и, выбив с ботинок грязь на сваренной
из уголка решетке, вхожу.

Наши сидят в первом помещении, смотрят но-
вости. Присаживаюсь, расстегиваю бушлат, заку-
риваю сигарету, пытаюсь вникнуть в поток инфор-
мации.

Оказывается, завершили окружение большой
группы боевиков и бомбят без жалости и состра-
дания. Показывают эпопею с автобусами и залож-
никами, группу ОМОН — разоруженную на блок-
посту, барражирующие вертолеты. — Наша пара,
— восхищается Михалыч. — Лупят как, глянь! Так
их!

«Крокодилы», действительно лупят. Кометы ра-
кет тянутся белым шлейфом, врезаются в село,
выбрасывая в небо груды обломков.

Дзынькает телефон. Сделав недовольную мину,
Михалыч снимает:

— Так точно, здесь. Даю, — как флаг протяги-
вает Степанычу, — тебя.

— Слушаю, Сухонин, — лицо командира дела-
ется сосредоточенным. Повторяет, как заведенный,
— есть, есть, есть.

Бросил трубку на рычаг, матерно выругался,
поднялся с топчана:

— Михалыч, заводи свою колымагу, поедem на
АДП.

«Вот и отдохнул, — подумал я. Затушил оку-
рок в пепельнице и направился к выходу. — Мож-
но было и не приезжать сюда, у вертолета подож-
дать».

— Степаныч, уточни там, пожрать успеем? —
вмешивается Городец. — Ей Богу, шеф, желудок к
спине липнет. Вдруг голодный обморок случится?

— С тобой случится, не дождешься, — Сухонин
бормочет под нос, усаживается поудобнее и хлопает
дверью УАЗа. — Трогай.

Получив задачу, успеваем зайти в пропахшую
жареным луком столовую, похлебать щей, съесть
по тарелке макарон с котлетой и выпить по стака-
ну горячего сладкого чая. Андрей справляется
быстрее всех, вытирает салфеткой губы, смотрит
на часы:

— Еще четыре часа нашей смены. Уложимся?

— Хм, — Степаныч недобро ухмыльнулся. —
Спустишь с неба, пилот! Сменщиков срочно вызва-
ли, готовят вторую машину: ноль один двести семь-
десять работать будет.

— Везет! — воскликнул Городец.

— Какая разница? — Вставляю вопрос.

— Никакой. Нам везет, без работы не сидим,
— он встает из-за стола, сгружает посуду на под-
нос, уносит к встроенному в стену окну, оставляет

и занывает по пояс внутрь. Я повторяю, скла-
дываю.

— Оставь, — улыбается Сухонин, — он за по-
судомойщицей ухлестывает, потому и носит. Джен-
тльменский повод, понял? Учись.

Мы со Степанычем закончили прием пищи, по-
кинули просторный зал столовой и, ввалившись в
машину, закурили.

— Несправедливо, — дожевывая бутерброд,
бурчит безопасник. — Как пилотов кормят, ума не
приложу? Лук не перевариваю, разносолов не дож-
дешься, а придет бедный инженер, сунут рисовой
каши, да уху из кильки естественного мора, с лу-
ком, чтоб не воняло падалью. Лучше бутерброд
съесть — сытнее.

Он оправдывает свой обед всухомятку и гово-
рит так, будто мы пришли в разгар его беседы с
самим собой. Вытерев руки тряпичей, запускает
двигатель, злится вслух:

— Где этот бабник? Опять на уши пикирует?
Команда на вылет, а он...

Тяжело дыша, бежит Городец, падает на зад-
нее сидение и, не дожидаясь выволочки от началь-
ства, рапортует:

— Командир, вечером мы приглашены на фур-
шет. Будем кушать рагу, плов и пить белое вино.
Возражения не принимаются ни в какой форме.
Согласны?

— Уволь, я спать буду, — обрывает Степаныч.

— Ладно, — второй пилот наигранно сдаётся
перед Сухониным и переводит взгляд на меня. —
Юрка, на тебя вся надежда. Поддержи лицо эки-
пажа. Нет, не говори: «Дожить еще надо». Эта фор-
мулировочка оскомину набила, до шишки.

— Поддержи лицо, Юра, — хихикает Михалыч
трогая машину с места, — а Андрейка обеспечит,
чтоб в хвост не зашли.

— Посмотрим, — обнадеживать не стал, но и
портить отказом настроение не решился. Андрей
все еще находится под впечатлением разговора с
представительницей прекрасной половины челове-
чества, что-то мурлычет под нос, просит водителя
сделать приемник погромче. В моей голове никак
не укладывается: «Где-то далеко бомбят село, и
обломки зданий взлетают в воздух. Мы летим туда».

Вот оно. С высоты — это большой, неровный
круг руин, а за ними — техника и пехота. На доро-
ге тянется колонна крытых УРАЛов и ЗИЛов,
БТРы; по обочине — пылают костры; пятна пала-
ток и змейки траншей.

Закладываем вираж, открывается батарея. Из
стволов то и дело вырывается пламя, суетятся рас-
четы, а там, в черном этом кругу — встают разры-
вы.

Садимся прямо в поле, недалеко от овражка.
Спешит группа офицеров — в центре выделяется,
бравый с виду, генерал. Сели, задраиваю, оборо-
ачиваюсь — пассажиры приникли к иллюминато-
рам.

Иду на место, отвлекаюсь на показания прибо-
ров, фиксирую данные, оборачиваюсь — дверь от-
крыта, генерал объясняет что-то высокому, худому
как жердь полковнику, тыкает пальцем, рисует на

иллюминаторе что-то, выслушивает собеседника, сжимает кулак, будто давит горло невидимого врага. Закрываю дверь, ограждаюсь от салона. Все ясно как белый день — карты мало, надо своими глазами увидеть, что делается.

И тут в нас бьют из стрелкового оружия. Видно, как тянутся косые трассеры, чуть рассеиваются:

— Командир, в нас стреляют.

— Вижу, — Степаныч резко закладывает машину влево, начинает стремительно уходить из-под обстрела, подальше от опасной зоны. Выравниваемся, петель обходим село и приземляемся там же, где взяли начальство.

Генерал всем жмет руки, кричит, что не забудет службы, и выскакивает к группе встречающих. Остальные летевшие повторяют маневр с рукопожатиями, удаляются.

Грузится спецназ, боевые ребята, ведут себя уверенно, расслаживаются. Немолодой подполковник в каске-сфере долго говорит с Сухониным, открывает карту, указывает пальцем и проводит ногтем черту. Степаныч кивает.

Идем над самой землей. Высота — сто метров. Опасная затея летать в такой близости от села, но боевикам не до нас — проходит пара «крокодилов», атакуют — грибы разрывов закрывают горизонт. Что-то горит, клубы дыма швыряет разрывной волной из стороны в сторону, а гарь тянет к северу — туда, где предстоит приземлиться.

Высаживаем спецов и грузим раненых. Картина не для слабонервных, но я не подаю вида — помогаю, принимаю носилки, успеваю сложить расположенные вдоль салона жесткие, неудобные сидения.

Женщина-врач ловко поправляет повязки, замирает над воином с кровавой маской вместо лица — наспех перебинтованного, с болтающимся концом повязки — задирает рукав, колет объемным шприцом с длинной иглой, ищет значок в рассеченных надвое глазницах...

Тошнота подступает к горлу, клокочет, но, сжав зубы, сдерживаю позыв, умоляюще смотрю на Андрея. Городец же, ведет себя спокойно, везде успевает и даже что-то кричит врачу. Она отмахивается и, судя по губам, выражается непечатно.

В кресле немного легче. Борт поднимается в воздух, медленно набирает высоту. Свирепствует сильный, порывистый боковой ветер, но тудяга МИ-8 тянет посильную ношу и, кажется, будто двигатель жалуется на длительную, безостановочную работу.

С высоты огни посадочного квадрата — не более спичечной коробки, а стоящие неподалеку машины с включенными фарами похожи на жуков со светящимися глазами. Нас ждут с нетерпением: часто выходят на связь, беспокоятся. Наконец благополучно приземлились.

Вот и все на сегодня. Раненых увозят, а незнакомая смена техников суетливо обслуживает вертолет. Бражич и Буцко давно сменились и досматривают, наверно, неслитно какой сон.

Часть вторая

— Заправите, — подаю заранее заготовленную квитанцию тому, что стоит ближе.

— Легко, — технарь кивает и сует бумагу в нагрудный карман бушлата, не снимая перчаток. Автобус довозит до штаба. Быстро поднимаемся на АДП, делаем доклад и выходим в зябкую, холодную ночь, опустившуюся совсем внезапно, вдруг.

— Слушай, командир, белое вино еще не скисло, а легкая женская рука быстро подогреет рагу и плов, — витиевато формулирует Городец.

— Иди куда хошь, — устало отвечает Степаныч, — а я — спать.

— Юрка, хоть ты не бросай на погибель! Пойдем!

— Я еле-еле на ногах держусь.

— Ладно тебе! — он злится, это хорошо выдает голос. — Я обещал, понимаешь? Обещал — пришел, все очень просто. Ну?

— Прости, — не глядя по сторонам, иду по развезенной дороге к блистающему разноцветными огнями селу. До ближайших домов — с километр или около того.

Бесшумно, осветив фарами, нас догнал ядовито-зеленый РАФик, поравнялся и чуть приняв право — остановился. Подошли. Дверь, с белым гербом по центру, открылась, дохнуло теплом и запахом бензина: — Садитесь, — запросто приглашает водитель.

Через четверть часа мы в казарме. Когда-то тут базировалась стрелковая часть — теперь поставили перегородку, навесили дверь и получилось что-то схожее с общежитием.

Городец-таки смылся, а мы со Степанычем раздеваемся, садимся на обычные солдатские пружинные кровати, снимаем обувь. Я начинаю разбирать заброшенную дневальный сумку — кто-то стучится, приоткрывается дверь. Поднимаю голову — прапорщик.

— Можно?

— Ну? — Степаныч открыл тумбочку, вытащил белый хлеб и две банки шпрот. — Чего по ночам ходишь?

— У вас новый в экипаже? Вы, да? Я — прапорщик Сурков, из снабжения. Велено вас обусть и одеть, на довольствие поставить. Скажите параметры.

— Рост — сто семьдесят шесть, размер обуви — сорок два. Голова — пятьдесят семь, — рапортуя одновременно с раскладыванием содержимого сумки в тумбочку.

— Так, — в его руках блокнотик и карандаш, — записал. Значится, сейчас я на склад и пришлю каптера с комплектом.

Мы успеваем разлить из солдатской фляжки в кружки, употребить внутрь и взяться за шпроты с булочками, что пришлось весьма кстати, а я еще и брать не хотел — Ленка же пихала, приговаривала: «Не тяжесть!» Немного помялись, зачерствели, но Степаныч хвалит.

Солдатик принес пахнущую складом форму, аккуратно положил на край кровати, подал заполненный бланк. Размашисто расписываюсь.

— Сервис, понял? Принесут и оденут.

— И в гроб положат, и домой бесплатно отправят, — язвит командир, швыряет порожнюю банку в мусорную корзину. — Второй месяц обещают поселить в нормальное жилье!

Отужинав, я примеряю новенькую форму без знаков различия, зашнуровываю высокие берцы и выхожу из комнаты. Приятно пройти во всем новом. В конце коридора две двери — одна в туалет, а другая, приоткрытая, обнажает ровный ряд раковин с начищенными до блеска краниками. Вошел — раздвоился. Ростовое зеркало в потресканной оправе красного дерева. Как оно попало сюда? Нисколько не вписывается в обстановку, где все насквозь казенное, общего пользования. Будто выдрали из гримерки театра или из престижного магазина верхней одежды.

Выпитое слегка бодрит, хочется поговорить, рассказать что-нибудь, но Степаныч лег спать, а Городец совершает налет на белое вино. Выхожу на крыльцо, останавливаюсь рядом с прыщавым, неимоверно исхудавшим сержантом. На его плече автомат. Худая, жилистая шея выпирает из-под бронежилета, как карандаш из стакана. Достая сигарету, прикуриваю:

— Бдим?

— Мг-м, — мычит и жадно глядит на огонек.

— Кури, брат с севера приехал, — протягиваю ему пачку. Он ловко выудил сигарету, тыкается в огонь зажигалки ее кончиком, глубоко затягивается и подводит итог:

— Слабые.

— Дареному коню в зубы не смотрят. Давно служишь-то, бедолага?

— Второй год. А, тут? — понимающе кивает. — Тут четвертый месяц.

— Спокойно?

— Нормально. По горам лазить не надо, караулы: месяц на периметре, месяц на площадке и столько же на базе, а потом — по кругу, все сначала. Увольнения есть, начальство строевой не душит, чего нам жаловаться? А, вы летаете? — ему скучно и хочется общения. Это заметно.

— Невысоко, — шучу я и выщелкиваю окурочек на дорогу. Описав дугу, он падает в свежую колею. — Ладно, служба, пойду.

Командир спит, накрывшись солдатским одеялом. Спешно раздеваюсь, ложусь, читаю про себя «Отче наш». После «аминь» скрипит дверь, появляется Городец, садится на кровать, где свалено обмундирование второго пилота, а на спинке — мой темно-синий гражданский бушлат с эмблемой авиации на рукаве. Командир отдыхает напротив меня на расстоянии двух метров или чуть более.

— Остаться никак было? — подаю голос.

— Утренняя женщина — самая страшная картина, — шутит Андрей и забирается под одеяло. — Спи уже, иначе Степаныч колыбельную расскажет, вовек не забудешь.

* * *

Оказывается, следующим утром нет положенного по графику отсыпного. Мы успели сходиться в столовую на завтрак, но не успели вернуть-

ся. Перехватил Михалыч. Лихо тормознув, высунился из кабины, обрадовал:

— Вызов! Едем к Мошкинду, а после — на АДП, получаем задачу и — на площадку! Чего хмурые такие, господа офицеры? Приземляйтесь!

Такое впечатление, что даже лопасти сегодня раскручиваются лениво и медленнее обычного. Машина прогрелась, поднялась, пошла в небо с набором высоты. Гул убаюкивает, хочется доспать часок, но расслабляться нельзя. Городец с утра злой, невыспавшийся, а в кабинете Мошкинда заработал праведное замечание:

— Не борщитесь с согревающими растворами, товарищ второй пилот!

— Каюсь, — пробубнил Андрей и отвел глаза в сторону. Степаныч смотрел на него так, будто парень бросил фугаску на федеральную колонну бронетехники.

— «Домосед» — «Одинокому», прием.

— На связи, — хрипло ответил командир.

— Сообщите: высоту, скорость и расстояние до цели.

Проверяют нас, что ли? Будто на радаре нельзя определить. Сухонин медлит, рассчитывает, отвечает:

— Высота восемьсот, скорость двести тридцать, расстояние сто девяносто.

— Вам следует изменить маршрут, — треск в ларингофонах, пауза. — Высота сто два дробь девять, южный склон. Заберите разведгруппу девять человек, прием, как поняли?

— Вас понял. Выполняю.

— Доставите, куда укажет командир группы подполковник Вальчуков, и продолжите полет по заданному ранее маршруту. Как поняли, прием?

— Вас понял, — твердит Сухонин заезженную фразу.

— Конец связи, — диспетчер отключилась.

— Интересно, что говорит эта барышня моему мужу в постели? Дает координаты точечной посадки в режиме нулевой видимости? А когда он приходит домой по приборам и пытается зайти на бомбометание, наверное, направляет таким же строгим голосом: «Не дыши перегаром мне в лицо, как понял, прием, конец нашей связи», — Городец смеется своей пошлости, оборачивается и подмигивает мне заговорщицки. От былой депрессии не осталось и облака.

— Чего насупился? — он замечает мою подавленность, ждет объяснения.

— Не засоряй эфир, — вставляет Сухонин.

Вообще, существует связь между экипажем и диспетчером и связь внутренняя, где экипаж говорит друг с другом — диспетчер не слышит. Другое дело — самописцы, они регистрируют все, и за такие вот фантазии по головке не погладят. Нарушение явное, но Городец, судя по всему, говорит, что думает, — принимай как хочешь.

Мы делаем круг, зависаем, едва не касаясь земли. Словно синхронно отлаженный и точный механизм — группа спецов перебегает с одинаковым интервалом между бойцами и ныряет в салон. Сбоку их прикрывает пулеметчик и снайпер.

Подполковник Вальчуков — огромный, двухметровый богатырь с лицом весьма схожим с плаката «Даешь!», заполняет всю кабину, грохочет литаврами голос:

— Давай, браток, на малой высоте пройди, а я дверку открою и пулеметик со снайпером вставлю. Только ты шибко не газуй, ага?

— Время! — Степаныч, для убедительности, постучал пальцем по циферблату часов, показал ладонью отрубленную шею. — В обрез, понял?

— Мы мухой! Такое дело, брат-летун. Где-то тут группа шарит. Мы с ними вчера столкнулись, а они, сволочи, по норам затаились. Не зги не видать, местность незнакомая — растеряли их. Рассвело — следы и гильзы, все! Я так не работаю, понял? Я не имею результата работы группы! — он нависает над Сухониным и в самое ухо добавляет. — Боишься, что срежут, так и скажи. Заладил — «время-время»...

— Чего-о-о? — Степаныч будто кипятку хапнул, задохнулся от гнева. — Давай, сажай своего снайпера! Кружить буду, пока не обблюетесь и не обдрищетесь все!

Подполковник морщится, выходит, одалживает у одного из бойцов гранатомет-«муха», прикладывает к плечу, целится, опускает:

— Нормально, отличный обзор будет. Стас, ставь РПК, а ты, Дениска, готовь оптику. Далеко они не ушли, а серьезной машинки, чтоб сбить метлу нашу, нет.

Облачность низкая. Идем шестьдесят метров. Сразу за высотой — впадинка, грязный поросший кустарником склон, ручей, а дальше — лес вырастает прямо по курсу.

— «Домосед» — «Одинокому», как слышите, прием, — вот и диспетчер появилась, как и не гневалась минуту назад.

— Где находитесь?

— Взял группу, двигаюсь юго-запад, пятьдесят ноль девяносто один, высота шестьдесят, скорость сто пять.

— Повторите, — она волнуется. Понятное дело, рисковать на малых высотах, в опасном районе, никто не давал право.

Сухонин повторяет и, предупреждая взрыв возмущения, докладывает: — Разведка определила подозрительное движение малочисленной группы боевиков в данном квадрате. Веду поиск, прием.

— Оставить поиск. Левее — сто десять дробь один — прочесывают лес две группы пограничников. Продолжайте полет по заданному ранее маршруту. Как поняли, прием?

— Вас понял. Выполняю. — Сухонин закладывает влево, уходит на разворот и, вдруг, что-то случилось в салоне, застучало барабанной дробью.

Оглядываюсь — РПК бьет длинными очередями, кавалькада гильз бьется в перегородку. Стреляет с колена снайпер — возвышается над залегшим пулеметчиком.

Ударило со скрежетом, будто нож в консервную банку вогнали. Рваные дыры появились по борту, разлетелся иллюминатор, посыпалась крошка стекла. Сквозняк рванул воротник бушлата, ожег

лица холодом.

— Ага, сука! — высунувшись, белугой ревет подполковник... У разбитого иллюминатора уже занял позицию один из бойцов, поливает из «Калашникова» длинными очередями.

— Куда? Куда ты? — подполковник ныряет в кабину, прорывается к Сухонину, дергает за плечо. — Заворачивай, ну? Давай еще раз пройдем, я видел их — четверо! Мы их сделаем сейчас!

— Не могу, приказ, — Степаныч кричит сквозь шум, а мне кажется, еще и злорадствует, досаждаёт командиру группы за прошлую дерзость.

— Тогда сажай, понял? Сажай к черту на рога, я и оттуда их возьму, слышишь? Они от нас не уйдут, гады! Они Бэтэр на большой спалили и экипаж из засады выбили, как в тире. Впадину видишь? По ней и бросай нас, прошу!

— Им не уйти, пограницы прочесывают район, возьмут тепленькими.

— Сажай, б...

— «Одинокий» — «Домоседу», прием, — Сухонин злится.

— На связи.

— Группу обнаружили, накрыли огнем, рассеяли. Прошу разрешения поддержать прочесывание высадкой группы Вальчукова и уничтожить...

— Минуту, — диспетчер все поняла, не дослушав, отключилась и звонит, наверное, докладывает, просит уточнений. Проходит три минуты, четыре, а мы закончили разворот, ложимся на прежний курс и идем над впадиной за высоткой. Все повторяется — треск, стукнуло по днищу машины.

— Садись! — ревет подполковник. Глаза навывкате, лицо бледное как бумага. Сухонин подчиняется. Нависаем, медленно снижаемся, а парни не ждут касания — сыплются на бережок, в ручей — с высоты трех-четырех метров. Бегут. Стреляют, а снайпер остался и показывает рукой вверх — «поднимай, мол, дай вид».

Степаныч выполняет. Ясно, как в остросюжетном боевике, вижу: вдалеке, за краем кустарника, двое тащат за плечи третьего, повисшего мешком.

Щелк, щелк, щелк — работает снайпер. Тот, что слева, взмахнул руками, упал на спину, пытается подняться, а другой — бросил ношу, пригнулся и ринулся в гущу кустов, стягивая с плеча автомат. Над ним трассером прошла очередь пулемета, осеклась.

Группа форсировала ручей, охватывает полукольцом место исчезновения врага. Все, без исключения, лупят в кусты, прямо на ходу перезаряжают автоматы. Там, где сошло свинцовое цунами, летят обрубки веток, встают фонтанчики грязи и снега.

Вальчуков выделяется в центре, машет руками, кричит, пытается приказать что-то вошедшим в азарт людям.

— «Домосед» — «Одинокому», прием.

— На связи.

— Добро на совместную операцию. Как слышите?

— Слышу вас хорошо. Мы уже закончили. — Степаныч на скрывает улыбки и передает по внут-

ренней связи, — наконец-то разродились!

Выбрав место получше, мы садимся. Пользуясь случаем, выскакиваю оценить ущерб от обстрела. Кроме иллюминатора особых потерь нет: обшивка по левому борту — девять аккуратных дырочек снаружи и рваных, с острыми краями — внутри. Главное — баки целы. Визуально нижнюю часть не рассмотреть — грязь со снегом почти до двери, сунулся к створкам, плюнул: «Потом!»

Вперевалочку, повесив автомат стволом вниз, подходит герой-подполковник. Чуть позади — спецы тащат три трупа. Последний ведет четвертого боевика. Тот хромает, припадает на правую ногу.

Бросили в салон трупы, затащили раненого пленного, сделали ему укол в бедро, — там парит кровью рваная рана. Пулеметчик разорвал пакет первой помощи, бинтует прямо поверх пятнистого заляпанного камуфляжа. Разглядел — кроме ранения в ногу, боевику пробило навывлет кисть левой руки и локоть. Ему больно, скрипит зубами, ругается.

— Заткнись, понял? — пулеметчик злобно рвет полосу бинта вдоль надвое и завязывает узел. — Спасибо еще скажи, что не шлепнули.

— Понял? — конкретно ни к кому не обращаясь, говорит Вальчуков. — Своих мало, еще и арабы-наемники воюют! Ничего, мы теперь другие совсем, не девяносто пятый год. Трех шлепнули, одного взяли, а потерь нет. Мобильно, оперативно, группами воевать надо, а не колоннами танков. Что выглядел-то? Лежать можно? Ну, тогда, двигай!

— Лимонка! — крикнул снайпер и бросился к арабу. Раненый тянул зубами кольцо гранаты, держа ее в здоровой руке. Глаза — выпученные, большие — смотрят в мою сторону.

Я обер, бросился к нему, но попал на кучу спецов. Они выламывали руку с гранатой, били араба по зубам, заломили голову врага назад и потащили к выходу. Граната очутилась в руках Вальчукова.

В это время Сухонин подымает машину и не видит возни в салоне. Высота около сотни метров, а дверь до сих пор открыта. Уняв дрожь, спешу закрыть, но меня оттеснили и с раскачки швырнули араба вниз. Мелькнуло оскаленное лицо с разбитым в кровь ртом, грязный бушлат.

Вернувшись в кабину, натягиваю непослушными пальцами ларингофоны, докладываю обстановку. Сухонин дернулся, посмотрел назад и заложил машину на круг: — Надо взять. Выйди, распахнуто все, как в трамвае!

Спецы сидят прямо на полу, не устанавливая сидений. По кругу идет обтянутая защитной тканью фляжка. Мне делают знак «присоединяйся» общепринятым, понятным для русского способом — щелканьем по шее. Отрицательно качаю головой, показываю пальцем вниз. Смеются!

Зависли. Двое высочили, подняли араба и швырнули в салон, как куль с мукой. Вальчуков нагнулся, поднял голову и присвистнул: «Братцы, глянь, живой собака!»

На самом деле вражина отходит в мир иной. Из груди что-то рвется, он дергается всем телом, роняет изо рта кровь, которая

пузырится и идет как пенный напиток. Выгнувшись, замер и обмяк.

— Все, — констатирует снайпер Дениска, — кончился камикадзе.

— Поделом, — вставил Вальчуков, — Сам того хотел, чего не сиделось? Раз хочешь умереть, не надо было по кустам бегать. Смотри ты, герой!

— «Домосед» — «Одинокому», прием.

— На связи.

— Дайте расчетное время прибытия на заданный квадрат.

— Через двадцать минут будем, ждите, — ответил Сухонин и переключился на внутреннюю связь. — Как идем, Юра?

— В норме.

— «Точкуй» любые изменения в работе. Мне кажется, звенит что-то, не слышишь?

— Я проверю, — снимаю ларингофоны, выхожу в салон, прислушиваюсь к ровному гулу двигателя. Спецы устроились поудобнее, подняли воротники бушлатов. Иллюминатор заткнули, и теперь торчит из него что-то, как затычка в бутылке дешевого подпольного самогона. Никогда не видел, чтоб вот так летали, как в комедии «Итальянцы в России», а ребятам — хоть бы хны, еще и вздремнуть умудряются. Возвращаюсь. — Порядок, командир. Визуально и на слух все работает, как обычно.

Садимся на окраине истыканного артиллерией села. Неровные ряды палаток, стоят несколько автофургонов, два БМП-2 с задранными в сторону высот стволами. Село как бы стекает в долину и заканчивается блок-постом, обложенным по кольцу мешками. Пулеметчики задирают головы, выглядывают из-за укрытия, провожают взглядами потревоживший спокойствие вертолет.

Группа высадилась. На прощание подполковник пожал нам руки, крикнул: — Хорошо поработали, а? Всегда бы так было, по-нашему!

Их встретил РАФ с окнами, занавешенными грязными шторками. Водитель в серой дубленке и кепке, с отворотом на уши, приветливо улыбается, тянет руку, здоровается с Вальчуковым, как друг, с похлопыванием по спине.

Убитых боевиков упаковывают в черные непрозрачные мешки, бросают в подогнанный к самым створам бортовой ЗИЛ-131. Следом, суетливо запрыгивают два солдата внутренних войск. Обдав выхлопом, машина отходит и пристраивается вслед за ползущим в сторону села РАФом.

Грузят какие-то ящики. Я ловлю распоряжающегося тут старшего лейтенанта. Показываю на залитый кровью трапик. Он понимающе кивает, приказывает убрать в салоне.

Вот уже идем обратно. Хорошо так забраться под облака и лететь невидимым с земли. Чувствуешь себя как у Христа за пазухой. Всё бы хорошо, да вспоминаются растерзанные тела боевиков, полуоскал одного из них... Воспоминания уносят дальше, к годам учебы: объявление в коридоре первого этажа, перед дверями раздевалки. Оно гласит, что, в связи со смертью лаборанта, запланированный «Осенний бал» переносится на неделю позже. Как тогда возмущались, шептались в классах, приводили веский довод — мол, мы его знать не знали, с чего бы это такое мероприятие срезать, готовились столько. Такое кощунство в малых формах, а теперь, чем старше, тем сильнее. Вчера сожгли на дороге БТР и выбили из засады экипаж, а сегодня эти стрелявшие и чувствовавшие себя героями сами валялись в салоне МИ-8, как хорошая добыча после удачной облавы матерых охотников...

— «Домосед» — «Одинокому», прием.

— На связи.

Диспетчер ведет на посадку. Незаметно пролетело время, через пять минут будем на базе. Сегодня опять работают две «восьмерки» и долго рассиживать на земле не дадут. Интересно, лупцанули окруженных в селе? Сквозь разорвавшиеся облака гляжу на площадки — «крокодилов» нет, бомбят еще.

С Божьей помощью сели. Пилоты ушли. Я дожидаюсь знакомый ТЗА МАЗ, заправляю баки и показываю технарям пробоины. Буцко держит в руке горсть гильз, оставшихся от работы снайпера и пулеметчика, смотрит на меня, ждет повествования, но мне не до болтологии — залезаю в кабину МАЗа, отъезжаю к вагончику. Наши смотрят какую-то передачу. Не успел заикнуться об обеде, Степаныч резко обрывает:

— Сядь, Юра! Про «тракториста» рассказ идет.

— Не понял, — но все же, подчиняюсь, усаживаюсь на топчан.

— Мразь одна, солдат наших расстреливала — безоружных, пленных... Сейчас, действительно, на черно-белом экране началась трансляция видеоматериала о зверствах этого ублюдка, — снимали еще, вот гады!

Лица мальчишек-срочников ловко смазаны цензурой. Невысокого роста преступник выводит одного на край тропы, ставит под пистолетом на колени и, ругаясь благим голосом, стреляет парню в лоб. Солдат падает на спину, раскидывает в стороны руки... Вот его хватают за ноги, тащат (со смехом!), бросают вниз головой в окоп.

Меняется сюжет. Тип, по прозвищу «тракторист», дает показания в камере следственного изо-

лятора, мямлит что-то на плохом русском языке. Краем глаза замечаю реакцию Сухонина: командир бледен, кулаки сжаты — покоятся на столе. Городец срывается первым:

— Ах, мать твою так, сука. Да я, да я б его гада... — он осекся, ударил кулаком по столу, набрал в грудь воздуха и закончил тираду более спокойно, — твари, ненавижу их...

— Я б его точно так же кончил, — сухо говорит Степаныч. — Показал пленку, вывел, на колени и в лоб. С такими разговор короткий.

— Еще и интервью берут у него, глянть, командир, — поддерживает Городец, — смотри-ка ты, шашни, шишка какая, уникум...

Зазвонил телефон. Сухонин берет, представляется, бурчит — «понял», швыряет трубку и подымается с места:

— Рулим обедать. После — отдыхаем. Хреновый прогноз: мокрый снег и порывистый ветер.

— «Говорят синоптики, долгой быть зиме. Нарисуй журавлика в день свой светлый ангела, нарисуй и вспомни обо мне», — напевает Городец застегивая бушлат.

За несколько минут погода резко ухудшилась, началась снежная карусель. Михалыч подобрал нас в сотне метров от площадки:

— «Крокодилы» возвращаются. Видал, три боевых вылета сделали. Вот они, — он кивнул в сторону нарастающего гула, — идут милые, отстреливались на сегодня.

В столовой все тот же запах лука, борща и макарон с рыбным фаршем. Из окошечка посудомойки Андрею делает знаки большеглазая, румяная барышня в белой шапочке. Городец срывается с места, жуя на ходу, направляется на зов. Командир формулирует: — Полетел сокол. Поесть по-человечески не успевает, беда!

Закончив трапезу, не спеша двигаемся в жилой район. Андрей догоняет, прикрываясь краем воротника от встречного ветра, делает объявление:

— Получил комплект боеприпасов для длительной вечерней бомбежки желудка. Жареная рыба, сало, белая булка и настоящий компот из сухофруктов. Ваши комментарии, шеф? Как слышно, прием?

— За что она такого разгильдяя любит?

— Я знаю, — вовремя влезаю в разговор и делаю заявление, — за особо теплый подход и пристальное внимание в позднее время суток.

— Стоп! Неправда ваша вольнонаемный Соломин. Мимо цели, мазила, — хохочет, декламирует, — «Я читаю стихи по ночам, в перерыве атаки на тело; люби меня сильно, люби меня смело...»

— Вот тепло, а? — Степаныч распахивает дверь, входит первый, сбивает перчаткой с бушлата снег. Мы повторяем маневр, громко топаем, входим в комнату, раздеваемся. Настроение приподнятое, какой-никакой, а все же — отдых.

Оказалось, что у командира есть радиоприемник. Он осторожно вынимает его из коробки, вытягивает антенну и, как челюскинец на льдине, тщательно и сосредоточенно пытается поймать волну. Потрещав, чудо-техника оживает. Чистым, волну-

ющим голосом поет Анна Герман. Это «Маяк» — станция настоящих патриотов:

*Светит незнакомая звезда,
Снова мы оторваны от дома,
Снова между нами города,
Взлетные огни аэродрома...*

— Прямо душу вынимает, — вздыхает Сухонин и осторожно, без стука, ставит приемник на тумбочку.

Под музыку облаком накрывает сон. Подсознание заставляет сесть и написать письмо жене, но глаза слипаются, и не в силах совладать — я проваливаюсь в сладкую дрему.

Она плывет в окружении ромашек. Белоснежное платье, венок на вьющихся белых волосах... Тишина... и это чудо, идущее мне навстречу. Ближе, ближе — синие глаза, чуть вздернутый носик, чувственные губы. Если не подняться из густого разнотравья, очарование не заметит и пройдет мимо. Как это сделать? Я лежу в грязном, запачканном кровью и глиной камуфляже, закованный в тесный бронежилет — стеснивший дыхание. Крикнуть?! Голос застрял где-то...

— Эй, — Городец трогает за плечо, — войну совсем проспийшь, летун. Вставай, проспийшь всю войну!

Вечер. В стекло бьется снежная крошка, а в уютном помещении тепло, горят две лампы, играет приемник, лица пилотов радушны, внушают спокойствие, как в кругу близких и давно знакомых людей.

Холостяцкий импровизированный столик в центре комнаты. С краю — фляжка, три кружки и штык-нож. В центре стола — чайник, заботливо укутанный полотенцем, чтоб чай дольше оставался горячим. Сало порезано толстыми, неровными ломтями. Жареная, с корочкой, рыба возвышается в глубокой пластиковой тарелке, а дальше — нагромождение консервных банок, вплоть до трехлитровой стеклянной — с компотом.

Сходя в умывальню, подсаживаюсь к столу с торца. Городец барином восседает на пустой кровати, а напротив, положив подушку под спину — развалился Степаныч. Судя по выражению лиц — ждут меня с нетерпением.

— Начнем, — Андрей ловко свинчивает колпачок фляжки, булькает в кружки прозрачной жидкостью. Налил наполовину, приосанился, взял в руки, — ну, герои неба, вздрогнем?

— Это лошадиная доза, — заглянув в посудину, я успел возмутиться, но Сухонин поддержал второго пилота, объявил:

— Завтра ни капли, а сегодня — можно! Давайте, за мягкие посадки!

Брякнули кружками, выпили. Холодная водка вливается легко и быстро превращается в теплую волну, заскользившую по телу. Краска ударяет в лицо, уши загораются, как фонари бортовых габаритов. Жареная рыба кажется необычайно аппетитной, а ставрида, консервированная в масле, достойна пристального внимания.

— Рыбный день, — улыбается Городец, подхватывая ложкой кильку в томатном соусе, — гу-

ляй — не хочу.

— Не уводи беседу, аналитик. Что там насчет стихов? — вспомнил Сухонин и подмигнул мне заговорщицки. — Давай, декламируй.

Второй пилот в центре внимания. Он умело берет жареную рыбку, обгладывает и аккуратно опускает скелетик на заготовленный ранее клочок газеты. Заметив, что все смотрят на него — вытирает руки и губы, декламирует с нажимом:

*Ворожила мне цыганка,
Глядя в юную ладонь.
Рассказала мне смуглянка
Про полет и про огонь.
Нагадала мне гадалка,
Что умру я молодым;
Будто сгину тихо, жалко
И бесследно, словно дым.
Зря смеялся и не верил
Предреченной кутерьме —
О дороге, о потере
О войне и о суме...
Лишь слова о смерти ранней
Не становятся судьбой.
Впрочем, я еще не старый...
Тридцать лет — я молодой.*

— Не слышал, — подытожил Степаныч, — чьи?

— Мои, — Городец оскорбился, вылез из-за стола, достал из тумбочки черный, потрепанный блокнот. — Вот, видел? Сочиняю с тех пор, как с женой развелся.

— Да уж, сильно она тебя травмировала, — шутит командир.

— Дай, почитаю, — беру у него блокнот, открываю наугад, ближе к середине, пытаюсь сосредоточиться на стихотворении:

*Ты смешон.
Я люблю...
Я как отломленная ветка...
Понимаешь?
Понимаю, это сон...
Понимаешь, я подбрасывал монетку...
И она перевернулась вниз орлом.*

Разговор медленно умирает. Мы слушаем приемник, не спеша ужинаем, каждый думает о своем. Хмель будоражит кровь, толкает спрятавшуюся в глубине души тоску. Надо что-то делать:

— Пойду я, жене позвоню, — решительно накидываю бушлат и, поблагодарив за ужин, выхожу в свистопляску снежной карусели. Городец догоняет меня, шумно дыша, топает рядом:

— Прогуляюсь с тобой, матери позвоню в Тулу.

Снег, снег, снег. Пушистое живое покрывало — липкое, белое — скрывает грязь и кочки, колеи, оставленные авто. Несмотря на боковой ветер идти вовсе не трудно, дышится легко и вольготно.

В считанные минуты дошли до узла связи. Треск наборного диска. Успеваю подумать: «Новые называются, дисковые уже сто лет не делают». На линии шумы, будто в ларингофонах... и вдруг — далеко-далеко на другом конце света, в другой жизни, рождается едва слышимый сигнал вызова абонента. Щелк — монетка падает:

— Алло!?

— Москва? — кричу, не сдерживая радости, шальной от волнения и выпитого.

— Юрка! Юрочка, где ты? Алло, алло! — Зойка боится потерять возникший издали голос, частит, как заведенная это глупое «алло» раз за разом.

— Зайчонок, как ты? Слышишь меня?

— Да, да милый! Куда ты пропал? Почему не звонил?

— Я доехал хорошо, малышка. Работаю, скачаю и никуда от тебя не пропадаю. Как твои дела?

— Хорошо, не переживай. Приходила твоя жена, Юрочка! Знаешь...

— Нет, ничего не хочу знать.

— Слушай, слушай. Спрашивала, нет ли от тебя новостей. Юра, мне было так неудобно, она на меня смотрела, будто я ее счастье украла. Ты позвони ей, милый. Ладно? Она волнуется, понимаешь? Позвони... — Алло, куда ты опять пропал, Юра.

— Я тут, зайчонок! — ловлю себя на улыбке до ушей. Это голос моей родной и близкой сердцу красавицы, моего ангела-хранителя. — Я люблю тебя, Зоя! Слышишь?

— Я тоже тебя очень-очень люблю, милый! Не забывай меня, слышишь? Звони мне чаще, хорошо? Я очень жду тебя и всегда помню!

— Хорошо, солнышко. Обещаю не пропадать. Целую тебя крепко. До свидания! Нажимаю «сброс» и повторно берусь за набор. С первого раза — удачно.

— Да.

— Здравствуй.

— Наконец-то. Что за безалаберность, Юрий! Я вся извелась, места себе не нахожу, а он пропал и ни слуху ни духу! Хочешь, чтоб я сна лишилась и покоя? Добился!

— Вот и позвонил, — рявкнул я.

— Все молодец, — куда подевалось возмущение. — Как ты?

— В порядке. А ты?

— Я смотрела в новостях. Там бомбят какое-то село целыми днями, постоянно показывают вертолеты и взрывы. Ты там, да?

— Нет, я здесь. Мы работаем в другом месте, а сегодня, вообще, нелетная погода, сидим и пьем водку.

— Ой, ну не ври, а? Ты не пьешь.

— Еще как. Целыми кружками и — хоть бы хны.

— Ну и ладно, пей сколько угодно, лишь бы не там, и пусть такая погода будет всегда. Юра, она прибежала на вокзал, я знаю. Ты меня дальше порога не пустил. Эх, Юрка, Юрка. Обманщик ты мой, горе-конспиратор. Ладно, чего уж там, раз жены тебе мало.

— Давай не будем, ага? Не сыпь мне соль на рану.

— Не буду, не буду. Ты береги себя, понял? Одевайся теплее... Подожди, — ее голос дрогнул, — скажи нормально, чтоб я не нервничала.

— Целую тебя, жена моя, добрая и сердечная...

— Любимая, где?

— Любимая постоянно. До свидания, все!

— До свидания, Казанова. Не забывай звонить, жду, — она любит оставлять последнее слово за

собой. Ну, пусть тешится. Я вешаю трубку и покидаю кабину с озабоченным выражением лица. Мысли еще там, среди знакомых улиц, где светится витринами аптека на углу дома, где в пешеходном переходе всегда сидит сожитель дворничихи и сшибает деньги на водку — косит под тронутого, дергает прохожих за рукав — «Дай!», за что постоянно бит ребятей, вернее, подростками... От далеких мыслей отрывает улыбающийся Городец:

— О, да ты у нас тот еще гусь! На два фронта работаешь!

— Подслушивать незтично.

— Ладно тебе, больно надо, — Андрей хлопнул дверью кабинки. — В Тулу хрен дозвонишься. Тишина гробовая, будто и связи нет.

— Давайте я вам переговоры закажу, — обеспокоенная хлопком девушка наваливается на стойку, проявляет участие. — Правда, ждать придется не меньше часа.

— Не надо, — пилот отмахивается, направляется к выходу. — Идем?

Поблагодарив за помощь, уходим. В дверях сталкиваемся с милицейским патрулем. Вооруженные автоматами, облаченные в новые камуфлированные бушлаты, они властно останавливают нас, осматривают удостоверения и отпускают восвояси.

— Не перевариваю, — пряча документы во внутренний карман бушлата, характеризует свое отношение Андрей. — Болтаются тут, а все будто при деле!

— Не перевариваешь — не ешь. Как без них? Вдруг мразь какая-нибудь просочится, к девчонке на узле пристанет...

— Да ладно тебе, выгораживаешь еще! Она с напарницей должна быть, сигналка стоит на случай ограбления.

— В России много чего должно быть, а хватишься — нету.

Вяло, отстаивая каждый свою точку зрения, возвращаемся назад. Степаныч спит, уронив голову на подушку, а ноги так и спущены с кровати. Видимо, сидел, приложился щекой к подушке и уснул. Приемник передает новости.

— Будешь еще? — Городец кивает на фляжку.

— Нет, я спать.

— Ну, тогда — отбой. Завтра распогодит, придется работать по полной.

Под одеялом прокручиваю в мозгу состоявшиеся переговоры с женой и Зоей, снова успокаиваю себя, что так лучше. Раз провидение дало две родственных душе и телу женщины, пусть так и будет, чего зря голову ломать? Вот будут дети, тогда и поставим большую жирную точку, определимся окончательно.

— Не спишь еще? — Андрей ворочается, привстает, закуривает сигарету.

— Нет.

— Не принимай близко к сердцу, язык у меня несносный. Все образуется, когда босой разуетя. У меня вообще постоянной женщины нет. Еще хуже, чем тебе. Где летаем, там и баба. Их вон сколько, бедовых, одиноких и покинутых в расцвете лет. Отогрел чутарик — и дальше полетел.

— Так вся жизнь пройдет, не заметишь. К старости один останешься.

— Лихо ты меня списал, — Городец засмеялся. — Тебе, дружище, многого еще не понять. Извини, конечно, за столь дерзкое откровение, но в жизни все очень просто, и в то же время — слишком сложно. Ты есть — хороший, а нет тебя рядом долго — забыли со временем и пошли дальше, нашли лучше, смелее, моложе или красивее, не важно.

Настала моя очередь смеяться. Видимо, Андрея это задело за живое. Он продолжил разговор на полтона выше:

— Смейся, смейся, пока не обожжешься. Романтики объелся и считаешь, будто все знаешь и в любой ситуации дока. Представь, сбили нас...

— Переплюнь.

— Не цепляйся, к примеру говорю. Сбили и увезли последним рейсом по домам. Зарыли на окраине, в кладбищенской тишине или под воронье карканье, а бабы твои поревели, поревели, повздыхали, на могилку три или сто три раза пришли, а после — нашли себе других мужчин, и жизнь пошла дальше, — Городец потушил окурок. — Кончилась твоя романтика героическая, началась суровая реальность. Определение тому есть: «жизнь берет свое» называется, понял меня?

— Нет, не понял, — привстал я и выпалил в сторону его кровати. — Тебе будет легче в гробу, если твоя любимая женщина или женщины ни разу более не выйдут замуж и не лягут в постель с мужчиной? Теплее будет, веселее, лучше? Нет, нет никакой разницы, ты — мертв, и мысли твои, мечты, желания ушли вместе с гробом под два метра грунта. Вс□!

— Эй, сбитые! — хриплый голос Сухонина потушил накал спора. — Чего разорались? Собыют, зарюют, забудут... Запомните или запишите: *«Времена не выбирают, в них живут и умирают»*, а после... После нас останутся дети, продолжать наши мысли и, быть может, они воплотят в жизнь наши похороненные мечты.

— Два-три поколения... — попытался вставить Городец.

— Стоп, — перебил Степаныч. — Живи вечно, я тебе не запрещаю. Топай-ка ты к своей посудомойке, пристройся на ней и засни спокойно, а меня не буди, иначе... Ну, ты меня понял.

— Зачем вы так? — оскорбился второй пилот. — У меня с ней серьезно...

— Знаю, знаю. На каждой площадке серьезно. Главного не забывай: любовь — что тебе костер, палку не подбросишь — может погаснуть. Иди или спи. Вс□, я сказал.

На этом перепалка закончилась. Отвернувшись к стенке, я натянул одеяло до ушей и попытался уснуть. Сам того не ведая, Городец всколыхнул извечно грызущий сознание вопрос — *«Зачем я живу?»*

Часть третья

Плывет белое очарование. Мы идем заданным курсом. Медленно течет полетное время и впечатление, будто секунды затормаживаются, оттягивают срок жизни, отмеренный судьбой.

Вот и точка. Закладываем круг, снижаемся. Ветер лопастей тиранит палатки, брезент застывших в отдалении УРАЛов. Только коснулись земли — бегут трое, придерживают шапки. Седовласый полковник хозяином входит в кабину, наклоняется над Степанычем. Командир вынимает карту, следует минутная рекогносцировка, торопливые кивки Сухонина — начальство удаляется.

В салоне остается знакомая женщина-врач и длинный, нескладный прапорщик медицинской службы. У ног его стоит объемный ящик с красным крестом на крышке.

Поднимаемся и, набрав полсотни метров, идем над разрезающей снежный простор дорогой. Там, ближе к горизонту, карабкаются грязно-зеленые УРАЛы. Быстро догнали их, обошли и сели рядом с многострадальным поселком.

Машины остановились. Из них сыплются увешанные оружием спецы, направляются к нам.

— Опаздывают, — поясняет Сухонин. — Боевики вырвались из села, разбежались, а наши не успели охватить территорию, машины застревают, и ночь была непроглядная. Перебросим и за...

В этот момент они врываются, рассредоточиваются по салону, рассаживаются, укладывают оружие, ящики с боеприпасами. Минута — и у нас полный борт народу, потеснили врача и прапорщика, любопытно-оценивающие смотрят на женщину, улыбаются ей приветливо.

— Вот, видел? — лыбится Городец. — С такими воевать можно!

Последним входит немолодой майор. Поверх «разгрузки» бинокль на потертом кожаном ремешке. Встречаемся взглядом — кивает приветливо, здоровается со Степанычем, а после — со мной. Городец в кресле пилота, туда майор не проходит, остается в салоне и разговаривает с нами у входа в рубку:

— Вдоль реки пройдем. Особое внимание — левый берег. Заметите движение — сажайте машину, не то собыют и швырнемся так, что костей не соберут, — он говорит просто, слегка устало. На небритом, сером от кочевой жизни лице — большие бледно-голубые глаза, глубокие морщинки вокруг них, шрам над бровью, тонкие потрескавшиеся губы. Взгляд цепкий, пронизывающий.

Высота — сто метров, идем над петляющей полосой реки, повторяем ее изгибы. Вода кажется черной, а берега, поросшие кустарниками и невысокими деревьями — грязно-белые, с проплешинами оттаявших кочек.

Километров пятнадцать напряжения и въедливого рассматривания прибрежных зарослей. Сухонин уводит машину влево, закладывает на круг, выравнивает, показывает пальцем вниз. Там, растянувшись, ползет колонна бронетехники, облепленная десантом.

— С этой стороны захлопнули, — поясняет Степаныч и увеличивает крен. Спецы приникли к иллюминаторам, переговариваются, курят. Майор проник в рубку, к командиру экипажа. Они вновь треплют карту, беседуют, и через несколько минут мы меняем курс.

— «Домосед» — «Одинокому», — от неожиданности вздрагиваю.

— На связи, — Сухонин начеку.

— Координаты, — диспетчер спешит, заслушивает отчет и меняет нам маршрут еще раз: — Вернитесь на ноль-ноль девяносто два. Там визуальные подтверждения боя. Они отходят за реку и рассредоточиваются вдоль берега. Высадите, где укажет командир группы, и сразу — к высоте сто один и три, заберите раненых, возвращайтесь на базу. Как поняли, прием?

— Понял вас, выполняю, — заверяет Степаныч и переключается на внутреннюю связь. — Юра, скажи майору, пусть к высадке готовится, замечена... Ну, ты сам все слышал, делай.

Снимаю ларингофоны, иду, говорю в ухо командиру спецов. Он кивает, делает знак рукой. Парни подобрались, изготовились, выстраиваются. Замыкающие держат два ящика патронов. Вооружение солидное: легкие гранатометы «муха», автоматы с подствольниками, гирлянды гранат и пара снайперских винтовок.

Вернувшись на место, вижу движение на земле. Суетливые, идущие вдогон друг другу, полосы трассеров секут кустарник, исчезают в черноте реки. Изнутри слабо отвечают. Петляющий БТР лупит вдоль, а за ним залегла редкая цепь бойцов — поддерживают огнем, жмутся за броню.

Мы уходим влево, за возвышенность с пологим склоном. Касаемся земли, освобождаемся от группы. Высыпавшись из машины, они пригибаются, рассредоточиваются влево и вправо. Майор регулирует движение жестом, указывает. Отрываемся. Визу: вогнутым внутрь луком они быстро сближаются с берегом, еще сотня-другая метров — и откроется обзор сверху вниз, в тыл тем, кто прижал к земле цепь и хлещет по БТРу из укрытия. Щелк! Ровная дырочка и трещинки на замутневшем стекле. Неужели пуля?

— Юра?

— В нас попали, командир, — в моем голосе не прикрытое удивление и ни капли страха. Все слишком неожиданно.

— Повреждения.

— Приборы — порядок, режим — норма. Пробойна в стекле — и всё. Тук-тук-тук. По днищу бьет свинцовый гостинец. Степаныч резко заваливает влево и уходит от обстрела с максимальным набором высоты. Чувствуется напряжение всего экипажа.

— Выйди, глянь.

Снова встаю, выхожу в салон и встречаюсь взглядом с врачом. Женщина смотрит с вызовом, как бы дает понять — «мы сидим, а по нас стреляют!» Стараясь сделать невозмутимый вид, внимательно осматриваю обшивку. Ближе к грузовым створам, на стыке, — пробоины с рваными краями. Судя по всему, «причесали» из пулемета. Более повреждений нет. Иду назад, докладываю:

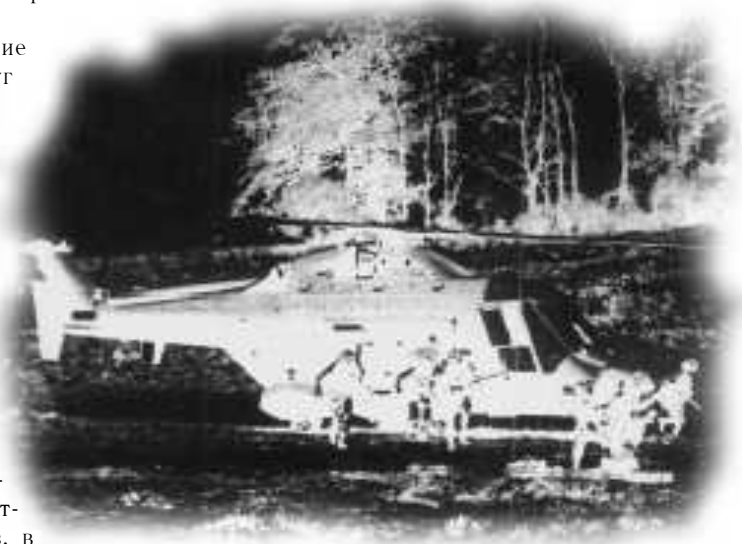
— Визуально — порядок, приборы — норма.

— Хорошо. Следи за давлением.

Миную крутой изгиб реки, снижаемся, делаем круг над местом размеченной посадки и приземляемся в двух километрах от разбитого войной, истерзанного села.

Здесь — движение. Кругом следы недавнего боя, бегут солдаты, волокут носилки и плащ-палатки с ранеными. «Тяжелых» грузят без очереди, аккуратно размещают в салоне, осторожно сдвигают ближе друг к другу. Десятки ведут под руки, поддерживают с двух сторон, принимают, усаживают... Белеют бинты, ярко выделяется кровь на повязках. В бледных изможденных лицах боль и непереносимая мука.

Я успеваю спрыгнуть, провести наружный осмотр. Бреду по грязно-снежной каше, проклиная неприятный ветер и гиблое место. Навстречу, лицом к лицу — женщина-врач. Кивает, как знакомому, и проходит мимо, едва не коснувшись пле-

чом. Следом плетется прапорщик, объясняет что-то, но она не слушает, будто занята своими мыслями.

— Все в порядке, летать можно. Правда, без дыр не обошлось, — докладываю результаты осмотра командиру.

— Ничего, свежее будет, — вставил Городец и пристально посмотрел на Степаныча, — Уходим, шеф?

— Задраивай! — командует Сухонин, добавляет обороты двигателя.

Осторожно переступив через носилки, закрываю дверь. С легкой вибрацией вертолет отрывается, набирает высоту и ложится на курс. Идем на базу.

— Помогите мне, — женщина дергает за рукав, показывает. Она пытается правильно наложить шину на ногу молодому десантнику, искушавшему до крови тонкие губы. Парень морщится, на грязном лице — светлая борода от пролитых слез. Придерживаю раздробленную в нескольких местах ногу, а врач ловко бинтует. Мелькают руки, кончается

бинт. Она достает другой, рвет упаковку, накладывает дальше, а кровь проступает следом, настигает. Наконец-то всё. Завязывает узел, укладывает ногу на носилки, достает шприц, колет в бедро обезболивающее, успевает слабо улыбнуться, пообещать авторитетно: — Через пару месяцев с тебя вальс.

Рядом, привалившись спиной к обшивке, стоит омовец. Грязные руки, пальцы бьют дрожь, а левее — полный контраст — спокойное знакомое лицо, пристальный взгляд и забинтованная по-комиссарски голова. Узнаю — это из группы Вальчукова, снайпер Дениска. Присел, сунул ему сигарету, зажег огонек, спросил: — Как ты?

— Херня. По касательной задела. Не башка, а колокол набатный, но сейчас отпустило, — глубоко затаившись, блажено щурится и, вдруг, прорывает его на соседа, стонущего омовца, — замолчи, ты, ради Бога. Одному тебе плохо, да? Терпи, все терпят.

Омовец не реагирует, лишь откидывается чуть вправо, дальше от говорящего. Его зацепило сильно — грудь перехвачена грязным, ослабшим бинтом, на рукавах камуфляжа свежая кровь.

Удар был настолько силен, что меня швырнуло назад, на лежащего без сознания раненого. В работе двигателя возник нарастающий с каждой секундой стук.

Дальше, как в страшном, кошмарном сне. Проскакиваю короткий отрезок салона, ныряю в рубку, падаю в свое кресло, тяну на уши ларингофоны и ловлю конец фразы Сухонина:

— ... правее двести два дробь девять...

Тряхнуло, сработали аварийные «сигналки», и тут же затрещало, загрохотало, запахло ядовито — горит проводка. Меня кинуло влево, ударило. Инстинктивно ставлю руку, защищаю лицо, но удар следует раньше и время исчезает, плывет марев тумана, в глазах — резь, вкус крови во рту, и пойманные слухом фразы:

— «Домосед» — «Одинокому», «Одинокий», прием, прием.

— Нас сбили, — кричит Гордец.

— ...Мальчики, — голос диспетчера.

— Мы падаем... — даже не знаю, кто это сказал. Может быть я? Треск в ларингофонах и тишина, мертвая связь. Мы ударились со страшной силой, и чудо спасения — лопасти еще крутились, смягчили, впились в землю, сломались, а машина ползла влево, влево, заваливалась, дергалась, скрежетала, пока не лопнуло в ней что-то со звоном. В кабине — снег и грязь, а глаза не видят и, кажется, ослеп, но мысль опережает испуг; рубка ткнулась в месиво, деформировалась и лишилась стекол.

Тишина лишь мгновение, а после — крики, стоны, проклятия. Рванул, пробрался к Сухонину. Командир уткнулся в панель управления. Хватаю за плечи, тяну и ужасаюсь — лица нет, серо-бурое месиво, хлещет кровь, заливает стекла приборов, бушлат, колени. Руки мои разжимаются сами и тело опускается... Тянет кто-то?!

Городец цепляется за рукав, рот распахнут в

беззвучном крике (или я не слышу?), хватаю его за бушлат, вытаскиваю из кресла в проход, тащу из рубки, пятась спиной к входу. Цепляет, мешает что-то. Его ботинки застряли, дергаю сильнее, матерюсь, а в ушах нарастает рев.

Треск, удары по борту и, прямо на глазах появляются дыры, шибает керосином — баки! «Бьет в баки, сука!» — свербит тревожная мысль. Мало того, в салоне — дым и вонь масла; в любой момент пыхнет свечкой — и «амба».

Врач и прапорщик расклинивают дверь. Салон перекошен влево, стойка вошла внутрь, придавила омовца и десантника с участливо забинтованной ногой. Люди возятся, протискиваются к выходу. Прапорщик вывалился наружу, тащит раненого, врач помогает, подает за плечи. Не удержали — упали! Раненый вскрикивает жалобно, ругается матерно, скребет ладонями снег с грязью, пытается подняться, поскальзывается и поднимается на локти...

Из левого навесного фонтаном бьет керосин, омывает борт и стекает вниз, теряется струйкой под корпусом. Городец на земле. Рядом еще двое и на них сваливается Дениска. Врач сует мне автомат со схваченными изоляцией магазинами. Скользкий ремень, холод железа будто отрезвляют, вселяют уверенность. Встречаемся глазами — близко-близко. Она в салоне, а я стою у самой двери:

— Прикрой хоть ты что ли! — и припадает к трапу. С характерным стуком впиваются в обшивку пули, кричит кто-то обреченно... Бьют по вертолету, дырявят его по всему правому борту, разносят иллюминаторы. Чудо — не горит еще правый бок, не иначе — решето! Падаю, ползу, огибаю рубку снаружи и, подтянув автомат ближе, выглядываю.

Мы на самом пупке высоты. Склон утыкан редким кустарником, пологий — у подножия растительность гуще и выше. Бьют оттуда не менее десятка стволов. Оглядываюсь — полста метров голое место, а ниже — впадина. Бежавший когда-то ручей вырыл русло, иссяк, но прежде обвалил края и получилась широкая трещина — отличное укрытие.

Совсем рядом вспух взрыв. Прячу голову, накрываюсь руками. Слышно, как осколки барабаният по корпусу машины. Переждав, вскидываю автомат, стреляю наугад короткими очередями в сторону вспышек, поливающих свинцом вертолет, лишаящих возможности высадиться и отойти. Кто-то тычет в плечо. Обернулся — Дениска:

— Отходим, рванет корыто!!!

В мертвой для обстрела зоне несколько раненых, врач и прапорщик. Городец наспех забинтован, лежит неподвижно. Мы с Дениской пригибаемся, бежим к врачу. Женщина неудачно спрыгнула с вертолета, пытается встать, падает — подхватываем на руки:

— Быстро, надо вынести раненых в укрытие.

— Там, — указываю назад, — есть разлом, или старое русло...

— Тогда живо, — она не дает договорить, берет ручки носилок. С другой стороны цепляется

прапорщик.

Взваливаю Андрея. Тяжелый, но идти можно. Автомат мешает, вешаю его стволом вниз, через плечо, и на подгибающихся ногах волоку пилота. Свист, падаем с разбегу, тыкаюсь лицом в снег. Ахнуло, еще раз, еще. Вжимаю голову в плечи, хочется слиться с землей, стать плоским, как блин. Что это было? Миномет у них что ли? Откуда? Как глупо все, будто де-жа-вю.

Чуть впереди нога, ботинок с налипшей грязью. Исчез. Это Дениска тянет десантника с изувеченным плечом. Пули впиваются совсем рядом, выбивают фонтанчики земли. Не иначе — нас обходят сбоку, пытаются отрезать. Через силу отрываю тело, хватаю пилота, волоку к укрытию.

Рвануло так, что почва ушла из-под ног. Потеряв равновесие, скатываюсь в старое русло. От удара спина отозвалась болью, будто доской вдавили с размаху.

Вспышка и красный свет — это горит взорвавшийся вертолет. От него отошли, но многие лежат на открытом месте, под обстрелом. Видно слабое движение и разгул свинца. Осторожно прислоняю Андрея к стенке обрыва, склоняюсь, но из-за грохота стрельбы определить невозможно, дышит или нет:

— Андрюха, я сейчас. Подожди, ага? — хриплый, горячий голос не узнать, а язык не слушается, ворочается с трудом. Говорю больше для себя — куда он уйдет?

Снимаю автомат, вскакиваю и бегу по открытому месту, падаю рядом с врачом. Она тяжело дышит, поворачивается:

— Носилки...

Понимаю, киваю, ползу к прапорщику. Он лежит на спине, раскинув руки и подогнув под себя левую ногу. В груди парит рваная рана — пуля угодила в спину и прошла навывлет.

Впереди, из-за укрытия, ожил автомат, и огонь из засады метнулся туда, вздыбил кромку разлома. Пользуюсь моментом, вскакиваю, хватаю скользкие мокрые ручки носилок. Врач повторяет маневр, бежим, женщина спотыкается, но в последний момент удерживает равновесие, и мы ныряем в укрытие немного правее лежащего здесь пилота. Чуть левее — Дениска меняет магазин автомата, ловко дергает затвор, прилаживается, стреляет куда-то вдоль укрытия. Быстро высадил магазин, обернулся:

— Прикрывай, пока остальные заберутся, ну? Чего там ползаешь, сюда иди, видимость отличная!

Мне кажется, Городец зашевелился, зовет. Пока врач колдует над раненым, лежащим на носилках, бегу, наклоняюсь, вслушиваюсь в едва заметное шевеление губ, но стрельба глушит голос пилота. Припадаю ухом:

— Что, что, Андрей?

— Юрка, хана, — отчетливо, обреченно, спокойным голосом говорит он.

Нужно ответить что-нибудь бодрящее, но в горле ком, и единственное возможное сейчас — это слушать горячий шепот товарища, впитывать сло-

ва как губка:

— Я тебе говорил ночью, да... Не слушай, все хлам... Живи, как жил, верь...

Шумно подбежал Дениска, рухнул рядом, выдернул из-под себя ремень автомата, посмотрел, выругался:

— Пристрелялись, гады, понял? Отходить надо, видал? — он кивнул на промчавшийся по кромке укрытия свинцовый вихрь. — Левее обходит, расшелкает, как в тире! Живое надо.

— Доктор, уходите вдоль русла, вправо, — говорю врачу и, сделав паузу, заявляю: — Не обойдут, я останусь и прикрою. Дениска, возьми пилота.

— Я отсюда не уйду, — такая обида в его голосе, будто обвинили в чем-то противозаконном. — Я спец, снайпер! Пусть они валят, мы с двух стволов нормально отработаем.

— Долго будете решать? — она подбежала к нам, склонилась над пилотом и, осмотрев зрачок, обреченно констатировала. — Всп, теряем.

— Андрей, — хватаю его за голову, приподымаю, просовываю руку за шею, — Андрюха, друган...

В нем что-то забулькало, тело дернулось, изогнулось, вырвалось последнее:

— Юра-а... — и все, изо рта хлынула кровь, запятнала воротник бушлата и мой рукав. Городец обмяк, расслабленно вытянулся.

Собравшись, шестеро уходят вдоль старого русла. Мы с Дениской остались вдвоем, собрали патроны, поделили. В довесок досталось по одной гранате. Последняя черта перед вечностью, я знаю это. Скорей бы все кончилось.

Чувства притупились перед неизбежностью финала, но жажда дает знать — пить хочется невыносимо. Взмокший от беготни, я остыл, зябну, поднимаю воротник бушлата. Шапка осталась в горящем вертолете — не до нее было.

Стараюсь не смотреть назад. В пяти метрах позади лежит Андрей Городец — второй пилот экипажа борта ноль один три семерки пять, мой товарищ, читавший стихи о ранней смерти и нырявший в окно к глазастой посудомойке. Нет и Сухонина, уважавшего песни Анны Герман.

— Ты повыше заберись, — советует Дениска, — обзор лучше будет, как на ладони. Расшелкаем, не переживай. Знаешь, как я попадал? Ого-го. Ничего, чмокнула зараза в голову, а я бегаю и стреляю еще проворнее, подлечива.

Сбивает с грустного настроения. Слушаюсь, каракаюсь к краю обрыва. Под ногами осыпается суглинок, прикрытый подтаявшим снегом. Пока выбираю место поудобнее, нахожу упор для локтя, Дениска не перестает глаголить:

— Как они бежали — ты бы видел! Ночью втихую хотели просочиться, но нарвались на заслон и пошла массовка — лупили до талого! Жаль, позже нас перебросили, не успел как следует размяться, тыкнула зараза, — он трогает грязную повязку, разочарованно добавляет, — ничего, зато теперь ва-банк пойдем и кассу срежем под чистую.

Слушаю и присматриваюсь. Впереди русло вы-

гибается вправо. У самого спуска к кустарнику оно расширяется, исчезает, и лишь два холмика указывают на опасное место. Чтобы проشمгнуть, они должны обязательно показаться, на секунду, на две, но появиться — иначе не взять нас, а в лобовую вряд ли пойдут.

Рекогносцировка отвлекает от нехороших мыслей, и уже начинает казаться, что они не пойдут, добились своего: сбили, обстреляли, подожгли, а оставшихся рассеяли... Все слишком быстро — мелькнула неуклюжая с виду фигура человека, запала меж холмиками. «Проскочил», — запоздалая догадка.

Прикладываюсь к оружию, ловлю на мушку холмик и, заметив движение, плавно нажимаю спусковой крючок. Автомат ожил, дернулся в руках. Летят вправо блестящие гильзы, исчезают в снегу, делают проталинки... Звук стрельбы глушит, рождает азарт.

Залегли. Кажется, попал в одного — лежит неподвижно, теплым бугорком. На всякий случай держу на прицеле, вдруг, отлеживается? Изнутри распирает злорадство — я попал в человека, возможно, сбившего наш санитарный рейс или убивавшего раненых.

Совсем рядом фонтанчики. Больно стегнуло в лицо поднятой из-под снега землей. Свинцовый привет уже миновал, бежит дальше, долбит кромку разлома со свистом и стуком. Как быстро все произошло, в десятке сантиметров, перед лицом пуля вошла в снег и застряла в грунте.

Ожил автомат Дениски. Не вижу его: прополз вперед, к повороту и лупит длинными очередями, не жалея патронов, будто спешит выпустить боезапас...

Нас накрывает знакомый гул. Задираю голову — наши «крокодилы» идут парой: один чуть позади и левее, другой — доходит на высотку. Нутром чую — сейчас вдарят, мало не покажется.

Стрельба мгновенно затихает, но я не свожу глаз, жду того, что успел перебежать открытое место первым. Сейчас будет возвращаться, если Дениска не уложил.

Дрогнуло. Свист рассекаемого воздуха — вот-вот, сейчас, а голова сжимается в плечи, сползаю по откосу, сжимаюсь в позу эмбриона... Ж-жах! Меня подбрасывает, как мячик.

Взрывы покрывают всю высотку. Летит земля, ударяет по спине и ногам. Трясу головой, в ушах звон, пахнет гарью. Делают круг, заходят вновь, атакуют, но на этот раз ниже по склону высоты — густые заросли кустарника, где я впервые увидел обстреливающих вертолет. Там хаос, черный, вздыбленный склон, какие-то фрагменты, комья, кусты — все летит в воздух... Рывок за ногу. Обернулся — Дениска дергает, улыбается, орет оглашенно:

— Давай по руслу сейчас прочешем, на горяченькое!

— Вдвоем? — удивлению нет предела. — А если еще зайдут?

— Нет, не должны. Поработали славно, видел? Камня на камне не оставили. Это, летчика накрыть надо. Ишь, присыпало как...

Городец серый от земли. На лице, руках и одежде она искрится влагой. Пока снимаю с него бушлат, укрываю голову, складываю руки на груди — вертолет зависает над руслом. Второй идет кругами над высотой — прикрывает с воздуха.

Горохом посыпался десант. Бегут в разные стороны, будто нет руководства, но это лишь кажется. Живо рассредоточились, прочесывают кустарник. Нас заметили. Двое подошли с оружием наготове. Молодые, румяные от бега лица.

— Эй, славяне, не дури! — Дениска вешает автомат на плечо, кивает на вертолет.

— Мы оттуда.

— А этот? — будто нет меня вовсе.

— Бортмеханик, не видите? Надо к начальству, чтоб срочно подняли машину и подобрали раненых, — показывает вдоль русла, туда, где исчезли уцелевшие после катастрофы.

Мы садимся в вертолет. Подходят пилоты, здороваются, хлопают по плечу, тянут в рубку. Просторно у них, комфортно, тепло. Узнаю — это экипаж с нашей площадки. Суют в закороченные руки кружку. Не глядя выпил, задохнулся о обжигающего нутро кипятка.

Закурил. Смотрю на руки — дрожат, как у эпилептика, а когда стрелял — вроде нормально, держал оружие надежно. Входит женщина-врач, садится рядом, получает согревающее и долго-долго пьет, впихивает в себя спирт, разведенный чаем. После просит сигарету:

— Прикури сразу, ага?

Выполняю просьбу, отдаю:

— Как тебя зовут?

— Рита, а тебя?

— Юрий.

— Вот и познакомились, — она слабо улыбнулась, а я почему-то, вспомнил, что женщины пьянеют быстрее. Наступает умиротворение, отсутствие тревоги и душевное равновесие — результат хорошего приема пилотов.

Мы возвращаемся на базу. Закрываю глаза, прислушиваюсь к ровному гулу двигателей, стараюсь не думать о предстоящем испытании — вещами.

Это очень сложно — трогать руками вещи, принадлежащие человеку, которого ты знал, пусть три-четыре дня, но узнал так, как иных за всю жизнь не узнать...

Техники на площадке, как брошенные на произвол сироты. До сих пор не могут поверить, что машина с бортовым номером 017775 не вернется на базу и не нуждается в обслуживании. Вот, увидели, бегут, тянут куда-то в сторону, но появляется Михалыч, вырывает из сети вопросов, заталкивает в УАЗ, приговаривает:

— Ничего, ничего. Ишь, налетели, любопытники! А, на автобус не смотри, дался он тебе. Довезу, не впервой, — хлопает за мной дверцей, садится на водительское сидение, трогает машину с места. — Как ты, Юра?

— В порядке. Озяб немного.

— Как же так, а? Летали, летали...

— Не знаю, Михалыч. Сбили.

— Вот суки! Бандиты, исподтишка, из засады, по санитарке! Ненавижу.

Едем и не говорим больше. Вот и штаб. Выхожу, медленно поднимаюсь на АДП, докладываю. Меня не щадят, сажают за стол, дают ручку и несколько листов форматной бумаги. Надо написать полный, детальный отчет, пока в памяти все мельчайшие подробности произошедшей трагедии. Занимается мной подполковник, знакомивший с экипажем.

— Не могу я, Алексей Иванович!

Он садится напротив, сжимает пальцы в замок:

— Надо. Сейчас и надо. После комиссия допросит, особый отдел, а теперь — пока все живо и реально, перед глазами. Звуки, слова, жесты, вс! Ящик нашли, отправили экспертам, но живой очевидец, профи — это клад! Запомни. И еще, сынок. Я знал Сухонина десять лет. Вместе пришли в полк и женились в один год, и новоселье справляли, и за столом не раз сживали. Хорошо так сидели, по-нашему, по-русски. Может, водки тебе дать?

— Нет, не надо. Давайте я пойду и там напишу, в комнате.

— Хорошо, — легко согласился он, — скажи Михалычу, чтоб отвез. Да, вещи собери, ладно? Я жене его отвезу.

* * *

Вот и вс. Отчет завершен. Ставлю дату, время и размашистую подпись. В этот момент кто-то робко стучит в дверь.

— Войдите, открыто!

Стеснительно, будто сейчас выгонят, входит женщина. Темно-синее пальто, черный беретик, сумочка из коричневой кожи, с застежкой в виде змейки, изогнувшейся в знак вопроса — это она:

— Здравствуйте. Скажите, это правда?

— Да. Проходите, прошу вас, — поднимаюсь и приглашаю присесть.

— Это его кровать? — угадала безошибочно.

Киваю молча. Она садится, ставит сумочку на колени, достает из нее платок и, аккуратно вытирая глаза кончиком, всхлипывает.

— Знаете, а он стихи писал мне.

— Да, я знаю.

— Как же так, нечестно? Почему именно он?

Я чувствую себя виноватым, смущаюсь, присаживаюсь напротив на пустую койку. Что ответить? Знаю, надо пережить этот момент, дать ему уйти в прошлое, в воспоминание...

— Смерть выбирает лучших, как правило. В древности говорили, будто боги забирают своих любимцев рано, — неожиданно вскакиваю. Выдерги-

ваю из его тумбочки шуфлятку, нахожу блокнот и завернутый в прозрачный пакет небольшой фотоальбом с цветами на обложке. Имею право на такой поступок? Сейчас об этом не думается — это порыв:

— Возьмите. Пока есть память... — замолкаю, слов нет.

— Спасибо, — она принимает, как сокровище, держит в руках, добавляет, — его к матери повезут, в Тулу.

— Вы тоже можете поехать. Если бы Андрей был жив, женился бы на вас обязательно. Он так и планировал. Поэтому возьмите, что считаете нужным. Я уверен, вы сбережете... — Зачем я ей вру о женитьбе? Ненавижу себя за это, но остановиться не могу, говорю и говорю, пока не выдыхаюсь окончательно.

Она так и уходит — с альбомом и блокнотом в руках, без перчаток. Я долго смотрю на медленно закрывающуюся дверь. Уверен, что никогда ее не встречу больше, но это не так. Пройдет всего четыре года, и в обычной промозглой электричке, листая журнал, я увижу объявление о знакомстве, написанное женщиной-заключенной, с фото пятилетней давности. Именно вот в эти секунды с ней происходит страшное — она падает в омут безразличия к жизни... Но мне это неизвестно.

Хлопок уличной двери, снабженной пружиной, выводит из раздумий. Подхожу к приемнику, включаю «Маяк» — станцию патриотов. Хочу поймать новости, чтоб голос диктора развеял эту страшную тишину. Но еще не срок курантам, динамик выхватил песню, пустил в помещение, как вестника продолжения жизни:

*...Суженный мой ряженный
Мне судьбой предсказанный,
Без тебя мне белый свет не мил...*

Фотографии
из армейского альбома
Ю.О. Барканова

«МАЛАЯ» ТЕАТРАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

К 15-летию Новгородского театра «Малый»

Швейцарская газета «Dienstag» назвала статью о Новгородском театре для детей и молодежи так: «Старое дерево российского театра с новыми ветвями». «...Театр в России, как чрезмерно разросшееся дерево: глубоко укореняется в культуре страны и душах людей, это порода ценнейшего дерева со старой корой. Женщинам, таким, как Надежда Алексеева, художественный руководитель театра «Малый», нелегко, ее опыт и желание идти новыми путями будет снова и снова резко подвергаться нападению со стороны критиков и коллег. Однако, ее театр полон, ее компания избрана и по выдающемуся сыграну, как команда, ее фестиваль растет; и великие, старые традиции здесь обогащены желанием игры и поиском нетрадиционного. Старое дерево сейчас выпустит молодые, новые ветви из прочной коры, которые понесут другие листья, свежие и стойкие».

Новгородский театр для детей и молодежи «Малый» в 2004 году празднует юбилей — свое пятнадцатилетие. Кажется, что совсем недавно проходил десятый день рождения с поздравлениями гостей со всего света и финальным фейерверком, но вот уже в афише «пятнадцатый театральный сезон», знаменующий круглую дату для театра. Что изменится в новом году? Театральные витражи в фойе, ныне представляющие маски персонажей комедии дель-арте, шутов и античные фигуры, сменяют эскизы моделей машин, аппаратов и картин Леонардо да Винчи, в ежедневнике появятся записи о подготовке к новым фестивалям и проектам, художественный руководитель Надежда Алексеева задумает и осуществит новые спектакли...

Любой театр отслеживает свою историю по векам — такими «путевыми столбами» считаются спектакли, собственные гастроли и наиболее видные проекты, в которых театр участвует. Для театра «Малый» любой год богат на события, театр живет в собственном ритме, пульсирующем, стремительном, ярком.

Возможно, принципиальное отличие «Малого» — в его постоянном желании экспериментировать с театральными формами; в театре никогда не хотели изобрести проверенный «эликсир молодости» и навсегда закрепить форму спектакля «Который нравится зрителю». Каждая постановка здесь всегда — как длительный эксперимент в лаборатории алхимика в попытке найти философский камень и вместе со зрителем пройти путь познания, радости, встречи с живым и сиюминутным театральным искусством, прелесть которого в подлинности происходящего. Однако театр всегда придерживается правила — классика в репертуаре — без погони за модными

пьесами и попыток занять зрителя на один вечер чем-нибудь легким и удобным. Для зрителя любой спектакль театра, в определенном роде, священнодействие, соприкосновение с театральной культурой и путешествие не только во времени, но и в культуре, в эстетике, в новой форме. В спектакле «Чудесный клад» режиссер, актеры и педагог по вокалу работают с приемом театра «Кабуки», разучивая голосовые партитуры персонажей и изобретая

закрепленный строгий танцевальный рисунок роли. Особый артистический грим, полностью скрывающий лица персонажей, тем не менее, представляет спектакль не для театральных критиков, а для самой придирчивой публики — детей и подростков, которых Диснеем-то теперь не удивишь. И вот уже во время антракта в фойе девочка кричит: «Я — Янжима» и пытается протанцевать партию восточной красавицы, запомнив ее жесты и мимику. А «Маугли» Киплинга, изученный по сотне экранизаций и мультфильмов, вдруг становится древней легендой ацтеков. Здесь все животные — не звери, а тотемы-боги индийских племен, со своей атрибутикой, в сложных костюмах и головных уборах,двигающиеся под индийские завораживающие тамтамы. Кто скажет, что Киплинг, наделяя животных речью, не предполагал, что они могут быть древними богами?..

Театральный эксперимент вовсе не означает экстравагантное представление классики, которая «все стерпит» — отнюдь, театр всегда стремится найти тот источник, который питает вечностью классическое произведение — будь то отчаянная романтика моря и шпаги, любовно перенесенная из «Острова сокровищ» Стивенсона в зал, где детская публика очень бурно реагирует на пиратские схватки и затаивает дыхание, глядя на явление английской королевы, или гомерически смешные персонажи гоголевской «Женитьбы», от которых зритель сначала радостно хохочет, а в финале вдруг замирает под музыку

Художественный
руководитель театра
«Малый» Н.В. Алексеева

Шнитке при появлении фантастической невесты с саблей!

Актеры театра вынуждены быть готовыми к различным новым поворотам профессии — завтра может начаться работа над драматическим балетом, как это было в спектакле «Пустота», когда они должны были сочетать хореографию, постановку аргентинского танго, современную пластику и актерскую игру, не отделяя одно от другого. Актеры занимаются в танцклассе под руководством балетмейстера

В. Шекспир «Зимняя сказка».
Гермиона — Л. Злобина

театра Елены Федоровой. Они должны быть готовыми и к музыкальным номерам, и разучиванию новых песен для детского спектакля, должны элементарно суметь «раздышаться» перед ответственной работой в спектакле. Все это актерам дают занятия вокалом и работа с музыкой — театр на своей базе записывает музыку и аранжировки...

Маркус Зоннер, швейцарский режиссер и актер, давний друг театра, когда ему перевели название театра «малый» как «небольшой», рассмеялся, сказав, что театру просто повезло — ведь такой мобильной команде удобнее всего не только рождать новые формы, договариваться между собой, быть в единой команде, но и ездить по свету и бывать на фестивалях. Это действительно продолжает оставаться существенным плюсом театра, но к своему будущему театр относится трепетно и, желая видеть молодое поколение в своих рядах, с недавнего времени совместно с НовГУ имени Ярослава Мудрого открыл актерскую специализацию на кафедре музыки нашего Университета. Молодая поросль со временем вольется в его ряды. Мастером и куратором курса стал народный артист России, профессор и один из самых знаменитых в истории российского театра режиссер Зиновий Короводский. В повседневной жизни курсом руководит художественный руководитель театра Надежда Алексеева. Студенты уже постепенно входят в часть спектаклей театра, и Надежда Алексеева надеется, что в скором времени зритель увидит новые лица в новых пьесах.

НА СЦЕНЕ

Когда-то (в далеком 1995 году) спектакль «Король умирает» по Эжену Ионеску стал знаковым для театра. Спектакль по сей день можно считать неумирающим, хотя он и сошел со сцены — ведь до сих пор раздаются звонки зрителей, и журналисты спра-

шивают, когда же на сцену вернется эта постановка. Генеральный консул Франции в Санкт-Петербурге Мишель Турэн был настолько покорен увиденным, что не только пригласил режиссера Надежду Алексееву принять участие в работе одного из самых знаменитых фестивалей Европы — Авиньонского, но и помог осуществлению проекта совместной постановки с режиссером из Франции Кристофом Фетрие. Спектакль «Вокруг Ионеско» театр представлял петербургской публике в Доме актера. Такой же вехой в творчестве можно считать спектакль по новелле Э.Т.А. Гофмана «Золотой Горшок» — «Сказка из новых времен», которому стоя аплодировали зрители театрального фестиваля и с которым театр связывает одни из самых дорогих воспоминаний о работе с Фетрие, музыкой Моцарта и удивительным миром гофманиады. С тех пор волшебник Архивариус Линдгорст, вышагивающий из зеркала другого мира и придиричливо подносящий лорнет, увековечен на эмблеме театра. Внимательный Архивариус за свой рост и нос с горбинкой одним из юных зрителей был опознан как Петр I, очевидно, в преддверии 300-летия Санкт-Петербурга.

Но до сих пор одним из театральных долгожителей можно считать спектакль «Зимняя сказка» — один из самых масштабных проектов театра по Уильяму Шекспиру. Спектакль отметил уже немало юбилеев и продолжает радовать зрителей. Сменилось несколько придворных, королей, бесчисленное количество персонажей, которые в программке указаны как «Время», выступающее здесь единственным судьей и единственной стихией, в которой существуют шекспировские герои. А огромный замок, в который попадают зрители, продолжает таить интриги и любовные сплетения, со стен смотрят герои картин Леонардо да Винчи, на костюмах персонажей поднимают головы мифические грифоны и ангелы, отображающие суть королей и их верных слуг. Цвета тканей подобраны с учетом средневековой символики цвета, и шекспировские страсти снова закипают на глазах у притихшей публики.

Одним из неосуществленных пока для зрителей, но, тем не менее, существующих «виртуально» можно считать проект «Макбет». В рамках международного проекта «Волшебный Дом», который в разных странах занимается адаптацией классики для подростков, театр осуществил видеопроjekt «Сцены из „Макбета“», который режиссер Надежда Алексеева представила на конференции в Амстердаме. На общий суд европейских режиссеров их российские коллеги представили свое видение «Макбета». Новгородский «Макбет» голландской стороной был признан лучшим. Трогательная, лирическая и кровавая от любви леди Макбет (Любовь Злобина) и отчаянный, мятущийся Макбет (Андрей Данилов) составляли удивительную пару, повенчанную преступлением и кровью. Решаясь на убийство, они творили ритуал, покрывая друг друга жидкой глиной, которая застыла на их лицах, а к третьему акту оба превращались в глиняных богов, у которых от каждого слова потрескивалась глиняная маска на лице и тонкой песочной струйкой осыпалась по богатым алым одеждам.

2003 год для театра ознаменован постановкой «Евгения Онегина» — быть может, самого ответственного для театра произведения русской литературы, который стал своеобразной проверкой на состоятельность и мудрость, способность на подвиг и полет. Для того, чтобы обратиться к «Онегину», надо открыть его заново, перечеркнув шаблонность и некую «оперность», найти что-то новое, что может прозвучать со сцены. На сцене зритель видел всего лишь четырех персонажей, закованных в черное. Двух мужчин и двух женщин, которые внутри спектакля проводят собственное расследование причин и следствий. Молодые помещики играют в бильярд наливными яблоками, Татьяна, меняя статус девицы на статус замужней дамы и светской львицы, натягивает белые оперные перчатки, ее горячее письмо к Онегину звучит по-французски, и уже в устах Онегина, внимательно перечитывающего ее восторг и радость, письмо становится стихотворным текстом. Актеры, исследующие роман, в финале получают пулю, как некогда и создатель романа. Дуэльная пуля, пуля горечи за любимого, паника и шальная пуля или последний выстрел, обрекающий на вечность, невидимое ружье провисело до финала и выстрелило, оставляя зрителю лишь небесно-голубые облака на горизонте и пронзительно-страдающее танго Астора Пьяцоллы.

Спектакль вызвал массу зрительских откликов и даже писем, в одном из которых зрительница рассказывала, что она впервые «ощутила гордость за русскую культуру, вспоминая Пушкина». Спектакль прошел отборочный конкурс театральных критиков Государственного Пушкинского театрального центра в Москве, и Центр пригласил постановку на XI Пушкинский театральный фестиваль, ставший одним из самых известных театральных фестивалей страны. Традиционно в рамках фестиваля пройдет творческая лаборатория, собирающая крупнейших ученых-пушкинистов и практиков сцены, в которой на этот раз должны принять участие Валентин Непомнящий, Сергей Фомичев, Петр Фоменко, Анатолий Васильев, Станислав Рассадин и другие видные деятели российской культуры. «Евгению Онегину» предстоят первые театральные гастроли и иная публика — но новгородская уже сумела оценить и полюбить новый спектакль.

За прошлый год театр также успел обзавестись собственным привидением — им стал вовсе не постоянный зритель, умерший от восторга, и не старелый актер, заблудившийся в декорациях. Мы обратились к английской классике, и в репертуаре появилось «Кентервильское привидение» по рассказу великого остряка и выдумщика Оскара Уайльда. Спектакль продолжает оставаться одним из «театральных хитов» — то ли юные зрители так любят готическую литературу, то ли их привлекает возможность провести время в уютном английском склепе, помещенном внутри мирного британского замка, который покупает чета американского посла с детьми. Зритель попадает прямо на сцену и видит действие изнутри глазами привидения Симона де Кентервиля (Олег Зверев). Он воспринимает мир людей всего лишь как теневой театр, в котором играет главную

роль, доводя мирных обитателей до обмороков. Но, как известно, самому призраку суждено столкнуться с реальностью, в которой нет места поэтическим неуспокоенным душам. Призрак спасается только при помощи девочки Вирджинии, чья смелость помогает ему преодолеть адское проклятие и навсегда покинуть этот мир ради ангельской вышины. В финале цветет засохшее миндальное дерево, ангелы спускаются в старинный склеп и звучит гимн, провожающий отлетающего духа...

В ПУТИ

Поездка на фестиваль — это новый вдох, это необходимый нерв и радость от общения с коллегами, встречи с другим городом, другой страной и, в первую очередь, с другим зрителем. Последний год был ознаменован несколькими зарубежными поездками театра. Эстонский фестиваль Bananikkalla, который уже принимал театр, с радостью встречал целых два спектакля «Малого» — «Бестолковые люди» и «Синдбад и К°».

«Бестолковые люди» по стихам Рудольфа Блаумана — спектакль тонкий и лирический, как незамысловатая мелодия флейты, спектакль-настроение, сотканный из музыки, танца и тонкой мелодики стихов известного латышского писателя.

На сцене поэт встречается со своими музами и персонажами, сочиняет новые жизни и будущее для двух девочек, проходящих через влюбленность и разочарование с бесконечным лейтмотивом «ты не знаешь еще...», поэт вслушивается в напевы муз и народные песни, не желает вглядываться в реальность, прячется за стеклами очков и во внутреннем мире, где есть место красоте и порядку, радости танца. Но судьба по-своему вышивает бесконечное черное полотно нитями жизней и превращает маленькие комедии в саму жизнь, когда этим персонажам, встретившимся на железнодорожной станции, суждено войти в историю и в большую литературу, чтобы из простых людей превратиться в героев.

Этот спектакль сдержанный эстонский зритель принял аплодисментами, и театр после спектакля даже обзавелся собственными поклонниками в другой стране (и до сих пор получает письма от семьи Вааб, которая осталась под впечатлением и делится с театром своими воспоминаниями и восторгами). Постановка получила сразу несколько призов — «Лучшая музыка», «Лучшая хореография», а балетмейстер и хореограф спектакля Елена Федорова получила приз «За лучшую женскую роль фестиваля».

Спектакль «Синдбад и К°», поставленный в традиции театра пантомимы и почти обходящийся без слов, все чаще становится «интернациональным открытием» — спектакль блестяще прошел в Эстонии и получил сразу два приза: «За актерский ансамбль» и Гран-При фестиваля. Вечный путешественник и неудачник Синдбад мечтает о путешествиях и открытиях, но неизменно приносит горе и несчастье каждому кораблю, на котором оказывается — театр создал спектакль, которому практически не нужны словесные объяснения. Актерскую импровизацию поддерживает особая структура ткани костюмов, при ее помощи актеры превращаются в пластичных, точно

сошедших с компьютерной графики, монстров, шайтанов, тварей, поджидающих вечного скитальца. Иностранному зрителю, обычно готовому к тому, что на спектакле он не поймет ни слова, такая постановка становится радостным выдохом, и воспринимается она буквально всеми, кто обладает воображением и готовностью к новым театральным открытиям.

Примерно тоже произошло и в Болгарии, где в осеннем Пловдиве театр представлял своего «Синдбада» перед разношерстной фестивальной публикой — голландцами, испанцами, итальянцами, болгарами. Такого заразительного хохота и эмоций театр не получал даже от родного новгородского зрителя, воспринимающего «Синдбада» скорее как интересный театральный эксперимент. Испанцы кричали «Вива, Россия!», аплодисменты не смолкали, зрители раз за разом вызывали актеров на поклон, а в финале директор фестиваля Виктор Димитров-Бойчев вручил театру специальный приз «Петрушка».

Эти два спектакля — «Синдбад и К» и «Бестолковые люди» — продолжают оставаться своеобразными талисманами театра: оба спектакля получили новые приглашения на фестивали. «Бестолковые люди» уже успели получить приз «За самый интересный и дискуссионный спектакль». А приз «Лучшему хореографу» вручен на X Международном театральном фестивале «Рождественский парад» в Санкт-Петербурге Елене Федоровой. Следующей гастрольной точкой становится г. Лиепая (Латвия), где состоится крупный театральный фестиваль театров для детей и молодежи АССИТЕЖ. О показе «Синдбада» ведутся переговоры с театральным фестивалем в Будапеште (Венгрия), и театр продолжает вести гастрольную деятельность, чтобы жить, творить, видеть новое и иметь возможность встречаться глазами со зрителем, который, возможно, ни слова не поймет из того, что ты скажешь в реальной жизни, а со сцены — увидит и поймет без знания языка. Такое возможно только в театре.

ЗА КУЛИСАМИ

Фестиваль «Царь-Сказка» удачно отметил свое десятилетие — пожалуй, это самый стойкий проект и самая большая гордость театра. *«Если бы такого фестиваля не было, его следовало бы придумать»*, — так можно перефразировать слова Президента Всемирной Ассоциации театров для детей и молодежи АССИТЕЖ Вольфганга Шнайдера, ставшего почетным гостем фестиваля в 2003 году. *«Я хочу отметить, что Ваш фестиваль абсолютно уникален,*

потому что по роду своей профессии я много путешествую по миру и встречаюсь с театрами и фестивалями. Ни один фестиваль в мире, кроме новгородского, не посвящен сказке и не уделяет ей столько потрясающего внимания», — сказал он.

Действительно, сейчас театральный фестиваль, ранее задумывавшийся как праздник для юных зрителей и обмен опытом для молодых театров, постепенно приобретает международный статус. Из Всероссийского стал Международным, обрел поддержку не только Администрации города, но и Министерства культуры Российской Федерации, Всемирной организации театров для детей и молодежи АССИТЕЖ, многочисленных международных фондов и организаций. В разные годы поддержку фестивалю оказы-

вали Институт Франции, Немецкий Гете-Институт, швейцарский фонд Pro Helvetia. За время проведения фестиваля «Царь-Сказка» гостями его становились театры из полусотни российских городов, от обеих столиц до Барнаула и Няганы, а европейские гости прибывали как из балтийских стран — Латвии, Эстонии, Литвы, Швеции, так и из Германии, Швейцарии, Франции, Болгарии. В фестивальной афише маститые лауреаты

Спектакль «Желтый карлик». Актеры Е. Федотова и А. Данилов

Российской Национальной премии «Золотая маска» соседствовали с молодыми прогрессивными театрами Европы, также получавшими высшие премии своих стран. Случалось так, что спектакли шли по четыре-пять раз в день, и афиша спрессовывалась до предела, приводя в ужас организаторов, мечтавших уделить время каждому участнику. Теперь наполненность фестивальной афиши тщательно отслеживается — шестнадцать театров едва-едва умещаются в пять фестивальных дней.

Ориентация на сказку помогает фестивалю, потому как организаторы в этом понятии видят и фантастическую историю, и миф, и легенду. В афише мистическая «Пиковая дама» Пушкина в исполнении театра «Монплеизир» может соседствовать с эпической «Одиссеей», которую привозит всемирно известная «Театральная компания Маркуса Зоннера». А если спектакль и не попадает в тематическую палитру, художественный руководитель фестиваля Надежда Алексеева приглашает лучшие спектакли в Новгород. Так, например, новгородский зритель увидел и полюбил трогательную историю «Носит ли дедушка костюм?» в исполнении немецкого «Театра из Мариенбада» — о мальчике, осознающем разницу между жизнью и смертью, между любовью и печалью, или блестящий спектакль Новосибирского театра «Глобус» — «Игроки» по Гоголю в постановке Александра Галибина.

— *Обстановка, которая сложилась в течение десяти лет на этих фестивалях, вполне дает мне право называть всех друзьями, ибо самое главное, что сформировалось на фестивалях «Царь-Сказка» — это, прежде всего, уникальная дружеская атмосфера нашего закулисья, чего практически не бывает в театрах, где за кулисами и конкуренция, и напряженные отношения, и многие другие факторы действуют. А здесь — сказочная обстановка, люди приезжают для того, чтобы пообщаться, поговорить о чем-то нереальном во вполне реальной обстановке — сказал московский критик Виктор Калиш, который уже не первый год председательствует в жюри и ведет творческие лаборатории фестиваля, посвященные исследованию жанра театральной сказки — ведь организаторы изначально заявили, что фестиваль — это не только парад театральных достижений, но еще и исследование жанра.*

— *Творческая лаборатория наша образовалась не сразу — мы набирали дыхание, мы присматривались к фестивалю, мы пробовали самых разных наших мыслителей, историков, культурологов, театроведов. Пробовали их на то — привяжутся ли они к самой идее этого фестиваля или это будет для них просто такое разовое путешествие в хороший город, с именем которого связано наше историческое прошлое, наша историческая память. Само слово «Новгород», конечно, рождает некоторые эмоции, и наша с вами, даже самая общая, культурная подготовка вполне позволяет нам представить себе место этого города и в истории нашей страны, и в истории самой нации (я в широком смысле говорю о нации), и в биографии каждого из нас. Этот город я полюбил, привязался к нему, он на меня производит терапевтическое воздействие, успокаивает своей неспешностью, — признался Виктор Калиш.*

Кроме того, важной частью фестиваля продолжают оставаться мастер-классы — эти своеобразные мастерские, где актеры открывают свои секреты мастерства, уникальную методику работы, возможность всем участникам фестиваля, вне зависимости от возраста и регалий, вновь ощутить себя учениками и понять, что театр — искусство живое и постоянно меняющееся, созданное из огромного количе-

ства форм, импровизаций и вечного познания. На последнем фестивале Маркус Зоннер работал со студентами театрального курса «Малого» и несколькими актерами петербургских театров, а Зиновий Корогодский проводил свой творческий вечер — вернее, творческий показ мастерства, когда его ученики в форме этюдов и импровизаций сделали целый спектакль «Играй, театр!», в котором показали методы работы мастера.

Следующая, восьмая по счету, «Царь-Сказка» откроет свой занавес весной 2005 года — уже ведутся переговоры с театрами из Сан-Марино и Бельгии, Сербии и Болгарии, Великобритании и Италии. Отдельную программу представят несколько крупнейших театров Швейцарии: из Берна, Женевы, Тичино. Швейцарская театральная культура будет интересна новгородцам, которые восторгаются талантами «Театральной компании Маркуса Зоннера» и будут рады познакомиться с его коллегами. Также российской программа постепенно формируется из театров Москвы и Санкт-Петербурга, Вологды и Самары. Организаторы раньше времени не любят приглашать участников будущего проекта, тем более, что, возможно, из новых поездок на другие фестивали сам театр «Малый» привезет немало новых контактов и новых гостей.

В БУДУЩЕМ

Театр «Малый» уже долгое время входит в исполнительный комитет Российского центра АССИТЕЖ (Международная ассоциация театров для детей и молодежи) и Кабинета детских театров Союза театральных деятелей России, а режиссер и художественный руководитель театра Надежда Алексеева неоднократно становилась членом жюри и участником конференций на Международных театральных фестивалях, что, безусловно, расширяет географические горизонты театра и фестиваля. Пятнадцать лет дали театру не только хороший и стремительный разбег, но и подарили массу друзей и коллег из разных стран, пеструю карту гостевых туров и фестивалей, огромную волну зрительской любви и оставили в театре жажду творчества, стремление к поиску новых форм и вечное желание быть самим собой.

ТРАДИЦИИ НАДО БЕРЕЧЬ

Я не помню, когда у меня созрела идея создать студию. Началось все с поездки в Ригу на Дни российской культуры осенью 1991 года. Я тогда работал в Областном центре народного творчества, и по долгу службы мне пришлось сопровождать один областной фольклорный ансамбль на этот фестиваль. В программе фестиваля было посещение студии прикладного творчества «Тинэ» во Дворце культуры работников просвещения Латвии. Мы пробыли в студии всего около часа, но впечатление я получил большое. Тогда даже беглый рассказ о студии меня впечатлил. Слово «Тинэ» в переводе с латышского означает корзина для белья. Это такой большой чан с крышкой, плетеный из ивового прута. Впоследствии в магазинах Риги я видел много таких корзин, и видно было, что такие изделия пользовались популярностью у рижан.

Студия для взрослых с двухгодичными курсами по плетению. Студия, в которой около 60 участников и несколько «народных» мастеров?! Руководитель студии Эдите Лайвина увлекательно рассказала об участниках, об изделиях. Мы были очарованы, и перед уходом я попросил разрешения у руководителя приехать в Ригу еще раз для детального знакомства с работой студии. Такое разрешение я получил и в сентябре следующего 1992 года, предварительно выпросив командировку у своего начальства, отправился в Ригу на целую неделю. Приняли меня дружелюбно,

разместили на дому у хорошего мастера, и стал я заниматься в студии ежедневно по несколько часов. Детально изучил структуру студии, программу работы, посетил Музей народной деревянной архитектуры, который, если мне не изменяет память, был организован в Риге в 1929 году. Это старейший музей под открытым небом в бывшем СССР. Я тогда учился плетению из корня, сам поучил рижских студентов берестяному творчеству. Меня поразила статистика размаха студийной работы по традиционным ремеслам в Латвии. На тот момент в республике существовало 79 крупных студий прикладного творчества, и 25 из них — в Риге. В восьми студиях занимались плетением из ивового прута. Но на первое место выходили студии по ткачеству.

Кто и когда создал такое количество студий? Откуда появилась эта целая система?

Позже я выяснил, что родоначальником ее была Эрна Рубене — ткачиха, преподаватель прикладного училища. Оказывается, с середины 50-х годов прошлого столетия она стала ездить по республике, выискивать людей, агитировать к созданию студий. В результате, через какое-то время они стали появляться в республике.

Но возвратимся к студии «Тинэ». Две группы. Первая — это двухгодичные курсы. Набирают по 20 человек. Занятия платные. Занятия в обеих группах по одному разу в неделю по четыре учебных часа.

Первый год — работа с ивовым прutom, второй год — работа с корнем сосны, а потом — опять лоза. После окончания каждого курса (сентябрь — апрель) в мае зачетная выставка — не менее одной работы. По окончании второго курса — две работы: одна из корня, другая из лозы.

По окончании курсов участники получают удостоверение и возможность вступить в студию.

Разработан ритуал вступления с клятвой и вручением фирменного значка.

Вторая группа — это бессрочная студия, около шестидесяти участников. Студия собира-

Студия «Новгородская береста»

ется четыре раза в месяц для обсуждения работ, приобретения дополнительных навыков. Один день в месяц общий и три консультационных. На консультационных встречах обязательно кто-то из мастеров, членов студии, демонстрирует свое мастерство. Каждый участник студии сдает одну работу в фонд студии. Есть также членские взносы. В первую субботу июня студия выезжает в Музей этнографии на Праздник ремесленника.

Ивовый прут студийцы выращивают сами на специально отведенных полях.

Немного статистики студийной работы в Латвии к началу 90-х годов прошлого века:

79 студий — 4740 мастеров,

25 студий в Риге — 1500 мастеров.

В том числе по плетению из лозы:

восемь в Латвии — 480 мастеров,

три в Риге — 180 мастеров.

К началу 80-х годов структура мастеров в традиционных ремеслах Латвии выглядела следующим образом:

52 процента — ткање на крестьянских станках;

23 — плетение из лозы и корня;

12 — вязание на спицах;

3 — работы по коже;

3 — гончары;

3 — столяры, токари, резчики по дереву;

3 — работы по янтарию;

1 — украшения из металла.

В период с 1970-го по 1985-й год начинает распространяться рекомендованный художницей Эрной Рубене принцип устройства выставок, согласно которому, экспозиция изделий декоративно-прикладного творчества должна быть оформлена в соответствии с правилами организации домашнего интерьера. Чувство монотонности прерывается разнообразием предметов¹.

Понятно, что на такой теоретической основе, с наличием огромного Музея народного деревянного зодчества и такого количества студий и мастеров в них — маленькая Латвия была передовой державой развития народного прикладного творчества в СССР. Надо заметить, что я до сих пор сохранил теплые отношения со многими латышскими мастерами и иногда, при случае, обмениваюсь с ними информацией.

А вот, как выглядела Программа курсов студии «Тинэ». Это была простая школьная тетрадка, расчерченная на клеточки по количеству учебных недель-занятий. В каждой клеточку было внесено название очередного изделия для изучения на занятии. И это было все! Никаких методических, дидактических разработок, обработок, целей и задач, знаний, умений и навыков и т. д.

Под огромным впечатлением от узнанного в Риге я возвратился домой и энергично взялся за создание студии в Новгороде, в тогдашнем Областном центре

народного творчества. Целый год я посвятил обдумыванию материала, собиранию мыслей в кучу и решению вопросов, связанных с материальной базой будущей студии. В этом же году я подготовил и провел персональную выставку своих работ в Новгородском музее. И вот, первое занятие в студии состоялось 5 сентября 1993 года, то есть через год после возвращения из Риги.

За основу я взял структуру рижской студии. Мне она показалась хорошо выверенной и проверенной временем. Но я внес несколько изменений. Вместо двухгодичных курсов — учеба три года. Также я стал заниматься с детьми и образовал детскую группу. Потом появилась группа пенсионеров, и я стал увлеченно заниматься с ними. Я понял, что пожилые люди — самая преданная аудитория, и что пожилые люди тоже могут добиться великолепных результатов в ремесле. Дважды в год стал проводить семинары-практикумы для начинающих мастеров, живущих в других населенных пунктах Новгородской области и других областях. Семинары проходили неплохо, и вскоре стали приезжать люди из других городов. Это — Ленинград, Челябинск, Ярославль, Самара. Однажды приехала женщина из Норвегии и тоже посетила несколько занятий студии. Сплела небольшие корзинки и осталась довольна.

Через два года, перейдя со всей студией в Городской дворец культуры, я подумал, что неплохо было бы создать ярмарку для мастеров города и студии. Такое небольшое клубное мероприятие в зимнюю пору, где мастера могли бы показывать свои изделия, а посетители любоваться и что-то покупать. И мы решили попробовать в канун 8 Марта. Сейчас я не могу сказать, прижилась ли ярмарка, но мы провели ее уже девять раз и собираемся проводить еще. Большинство мастеров на ярмарке, которую мы назвали «Праздник ремесел», это, конечно, мастера по бересте. Мы проводим ее в один день, и 300—350 посетителей всегда на нее приходит.

Как обычно, заканчивали учебный год отчетной выставкой в Новгородском музее. Несколько раз на таких выставках использовали изделия из фондов Новгородского музея. Наши новые изделия, соседствуя со старинными и древними из археологического отдела музея, как бы символизировали вечную преемственность, которую так отличает сам принцип развития народного прикладного творчества. Одна из выставок получилась тематической. Она была посвящена новгородскому туеску. Назвали ее «10 веков новгородскому туеску». Мы взяли из музея фрагменты древненовгородских туесков из археологических раскопок, добавили работы крестьянских мастеров позднего периода и сопоставили их с нашими, новыми, сделанными на основе изученного материала. Получилось очень интересно.

К программе работы студии я отнесся, по российским меркам, достаточно легкомысленно. Я не стал излагать ее подробно на бумаге, так как не считал это важнейшим элементом в работе. К слову, как я уже говорил, не было подробно изложенной письменной программы и в Риге. Там была просто разбивка по занятиям и напротив каждого занятия зна-

¹ А.П. Алсуне, А.Я. Каргане. Народное прикладное искусство советской Латвии 1970—1985 г. Рига, 1988.

чилося конкретное изделие. Точно так же сделал и я. Позже за такую программу я получил хороший нагоняй от начальства. Так же эта «Программа» была одной из причин моего ухода из Центра народного творчества. Это сейчас я понимаю, что без развернутой, написанной на бумаге программы у нас в России никто не даст работать. И главное, в такой программе должно быть изложение общих принципов педагогики — цели, задачи обучения, принципы и подходы, чувство патриотизма, нравственные качества, вырабатываемые в ученике, и т. д. То есть все, что угодно, но только не изложение конкретных способов изготовления изделий. Я не берусь дать оценку такому положению вещей. В Латвии такой программы не требуют, но там много студий. У нас требуют, и почти нет студий. Есть ли здесь зависимость, покажет время.

Еще несколько лет спустя, совместно с членом студии, преподавателем Новгородского университета, Ольгой Юрьевной Тимониной мы решили написать книгу о берестяном творчестве. И написали. Научный руководитель диссертации Ольга Юрьевна московский профессор Шпикалова Тамара Яковлевна нашла издательство в Москве. Приехал представитель издательства, долго объяснял, как будет двигаться работа. Рукопись у нас забрали. Через некоторое время сообщили, что надо усилить методический блок в том, что мы написали, так как издательство выпускает, в основном, методическую литературу. Это означало, что надо было подробно указать о том, как мы собираемся учить людей художественной обработке бересты, вместо того, чтобы подробно написать о том, как делать то или другое изделие. Как раз о том, как делать изделия, нас попросили сократить. В конце концов ничего из этого сотрудничества не вышло. Позже мы переработали свои главы и все их опубликовали в виде статей в журнале «Чело». Спрос на статьи был огромным.

В других странах никто такой программы не требует. В США, например, нужна только технологическая карта того изделия, изготовлению которого намереваешься обучать людей. Что сюда входит?

1. Фотография изделия и его размеры.
2. Количество времени для изготовления изделия.
3. Количество и размеры материала, которые необходимы для изготовления изделия.
4. Инструменты и приспособления для работы.
5. Подробное изложение хода работы над изделием.

Проводится экспертная оценка доступности, понимаемости текста, изложенного в технологической карте. Для такой оценки приглашается мастер, незнакомый с данным материалом. Ему дается мате-

риал, эта технологическая карта и предлагается изготовить изделие за отведенное количество времени. После такой работы карта переделывается с учетом замечаний эксперта. По окончании работы в технологической карте указывается фамилия эксперта. То есть, все выверяется очень серьезно. Делается такая технологическая карта для того, чтобы после занятия любой твой ученик или любой интересующийся смог повторить изделие в будущем, используя только эту карту.

Конечно, даже в США, не везде такие жесткие требования к технологической карте. Во многих местах можно учить и без нее. Но наличие такой карты выдает в вас профессионала.

Вернемся же к студии.

Уже через два года мы подумали о присвоении студии звания «Народная» и обратились с этой просьбой к директору. Вскоре в кабинете произошел интересный разговор. Приехала дама из Москвы, кандидат наук. Я был вызван. Мне показали мою Программу и сказали, что это не студия. Что такая программа не может быть у студии.

На мой справедливый вопрос о том, какой должна быть студия, и какой должна быть у нее программа, я не получил вразумительного ответа. Тогда, в свою очередь, спросил у дамы из Москвы, какую студию она могла бы по-

рекомендовать мне для того, чтобы я взял с нее пример. Дама ответила, что она не знает таковой и что весь ее опыт знакомства со студиями прикладного творчества — это какая-то детская студия в средней полосе России, которую она посетила несколько лет тому назад. Я тогда сильно рассердился, хлопнул дверью и, поступив невежливо, покинул кабинет директора. Неудивительно, что очень скоро мне пришлось со всей студией перебираться на новое место. Надо сказать, что звание студии «Народная» было, наконец, присвоено — с четвертой попытки, и только через семь с половиной лет после этого разговора. А законное государственное финансирование руководителя студии было открыто еще через полтора года. Здесь налицо «хорошая» государственная поддержка народного творчества.

Я не могу сказать, что мы боролись, добивались или еще как-то воевали. Ничего этого мы не делали, да и не нужно было. В Городском Дворце культуры нас приняли и почти не трогали. И все последующее время мы просто работали, как могли и хотели. Новгородский музей всегда предоставлял нам помещение для наших отчетных выставок, в том числе и для юбилейной, посвященной 10-летию студии. Несколько выставок с большим успехом мы провели в районных центрах области: Шимск, Старая Русса, Чудово, Мошенское, Хвойная и Малая Вишера.

Владимир Иванович Ярыш

Вот некоторая статистика работы студии за 10 лет:

1. За это время через студию прошло около 200 учащихся.
2. Среднее количество студийцев за каждый год было 25—30 человек.
3. Проведено выставок — 16.
4. Семинаров-практикумов для начинающих мастеров — 19. На них побывало около 70 мастеров.
5. Приезжали иностранные мастера (из США, Германии, Швеции) для работы со студийцами — шесть раз.
6. Однодневных ярмарок для мастеров в стенах ГДК проведено — 9.

Меня всегда занимал вопрос о передаче ремесленных знаний. В нашей стране почти никто из мастеров не готов учить взрослых своему ремеслу. Но почему мастеру очень выгодно учить людей?

Это просто. Когда ты учишь, то и тебя учат. Особенно, когда учишь взрослых людей. В нашей студии, например, все занятия платные. И это правильно. Естественно, никто не будет оплачивать занятия, которые неинтересны и бесполезны. Но, чтобы обеспечить интерес и полезность, надо хорошо знать все, чему собираешься учить. Надо придать этому увлекательную форму, то есть создать побуждающие к учебе стимулы. Это значит, что начинающий мастер должен иметь возможность не только научиться что-то делать, но и пройти полную цепочку развития ремесла от создания конкретного изделия до его показа на выставке и реализации на ярмарке. Получается, что обеспечивая своим ученикам такое разнообразие форм в работе, ты, как руководитель студии, сам постигаешь что-то такое, о чем до этого и не думал, что-то новое и очень интересное.

Смею утверждать, что учить традиционным ремеслам взрослых людей интереснее и перспективнее, чем детей. Взрослые всегда сознательно идут на тот или иной вид творчества. Дети часто по велению родителей осуществляют поиск перспективы развития.

Взрослые уже сейчас реализуют свои навыки и если продолжают заниматься, то создают благоприятный фон для развития и сохранения ремесел вообще. То есть, взрослые, даже если занимались в студии недолго, то становятся качественными потребителями данного и других видов ремесел. Если они сами не овладели навыками ремесла, то разбираться в нем они немного научились и требовательность такого покупателя, по сравнению с неподготовленным, во много раз выше. Отсюда и качество ремесла возрастает. Все мастера жалуются, что трудно продать изделие, покупатель не дает цены. Но мало кто из мастеров задумывается, что покупатель не дает цены, потому что не видит в изделии огромного труда, не понимает особенностей ремесленного творчества. Именно в этом кроется рациональное зерно в обучении ремеслам взрослых. Дети редко добиваются хороших результатов и часто прекращают заниматься без всяких объяснений: возраст влюбчивый наступил, в университет поступать надо, просто захотелось... Полученные навыки у детей могут прорасти не очень скоро или вообще не прорасти никогда.

Какую форму для передачи ремесленных знаний надо избрать? Может быть студия — это не самая удобная структура? Где и как учить традиционным ремеслам, которых у нас в стране множество, и каждый вид имеет глубокую традицию и древнюю историю? Береста, ивовый прут, плетение из корня, резьба по дереву, ткачество, вязание, вышивка, кузнечное дело, глиняная игрушка и т. д. У нас почти нет учебных заведений для обучения этим видам ремесел.

А как вообще раньше передавались ремесленные знания?

В Древнем Новгороде ремесла процветали. Какие школы там были? Скорее всего, навыки передавались по принципу мастер—подмастерье.

Позже, у крестьян, от родителей к детям. Жизненная необходимость подталкивала.

Создавались и артели бродячих мастеров: кто валенки валял, кто печи клал, кто избы рубил. Наверное, не от хорошей жизни крестьяне шли на отхожие промыслы, невольно развивая ремесла и распространяя его продукт.

После отмены крепостного права за дело вскоре взялись земства. Они создавали ремесленные школы, организовывали кооперативы и специальные склады изделий мастеров в больших городах для последующей продажи изделий художественного ремесленного творчества, способствовали организации музеев, боролись с перекупщиками. В 1872 году при Совете и мануфактуре Министерства финансов была создана специальная комиссия для исследования кустарных промыслов. Ею опубликовано 16 томов «Трудов», в которые вошли исследования многих промыслов в различных местностях России. В 1888 году работу продолжило Министерство Государственных Имуществ, специальная комиссия которого выработала меры по поддержке промыслов. К числу таких мер были отнесены:

1. Распространение и улучшение обучения ремеслам в сельских школах ведомства.
2. Учреждение спецшкол для некоторых видов кустарного производства.
3. Распространение полезных для кустаря сведений путем печати.
4. Устройство специальных кустарных выставок.
5. Устройство центрального кустарного музея при Императорском сельскохозяйственном музее.
6. Содействие устройству провинциальных кустарных музеев и складов для продажи кустарных изделий.
7. Образование кустарных комитетов и привлечение местных деятелей.
8. Разъяснение указаний, относящихся к кустарной промышленности.²

Большая работа земств прослеживается вплоть до революции.

² Доклад Новгородской губернской земской управы губернскому земскому собранию очередной сессии 1892 года. О кустарной промышленности. ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2399. Л. 1.

Здесь видна целая система по поддержке и развитию кустарных промыслов. Понятно, что в момент бурного развития промышленности и капитализации общества кустарные производства без поддержки со стороны государства приказали бы долго жить. С другой стороны, крестьяне, которые не могли зарабатывать достаточно средств летними работами и вынуждены были заниматься кустарными промыслами в зимний период, нуждались в такой поддержке.

Ситуация с промыслами и ремеслами вековой давности очень похожа на настоящую. Изучая ее, мы можем узнать много о том, что уже тогда было осмыслено и сделано для продвижения ремесел в крестьянской, и не только, среде.

В конце XIX века возникли две интересные ремесленные школы.

Абрамцево под Москвой (в поместье Саввы Мамонтова) и Талашкино под Смоленском (в поместье князя Вячеслава Тенишева), где учили традиционным ремеслам крестьянских детей. Ситуация, когда просвещенные городские мастера учили простых крестьян, блистательно реализовалась в этих двух ремесленных школах. Ремесленные школы в Абрамцево и Талашкине, получается, явились закономерным и законченным выражением многосторонней и детальной политики государства в данном направлении. Эти школы, правда, подвергались критике за то, что на основе крестьянских образцов создавали вещи с новым эстетическим вкусом. За то, что отходили в этом деле от вековой традиции крестьянского ремесла. Но, во-первых, они создали значительные образцы прикладного творчества, которые в цене по сей день. А, во-вторых, через сотню лет после этого блистательного опыта, после нашей перестройки наше поколение, похоже, двигается по этому же пути. И если сопоставить то, что делают мастера сейчас в городской просвещенной среде с тем, что донесла до нас народная традиция, то можно прийти к выводу, что современность несколько повторяет опыты столетней давности. Это показывает, что другого пути нет, если ты занимаешься народным искусством в городской среде. Вопрос только в том, сможем ли мы, современные мастера, когда-то дойти до уровня ремесленных школ в Абрамцево и Талашкине.

А как передают ремесленные знания в наши дни в других странах? Опыт Латвии показывает, что форма студийной работы с мастерами интересна, жизнеспособна и перспективна. Опыт нашей студии в Великом Новгороде тоже говорит об этом же.

Интересен опыт и в Америке. Здесь формы работы с мастерами, пожалуй, доведены до совершенства. Эта работа приобрела государственный размах. Каждый, кто хочет, может найти место для того, чтобы получить или отдать ремесленные знания. Для общения, для приобретения инструментов, материала или литературы, а также участия в выставке, продаже или купле какой-то понравившейся вещи ручного художественного труда — есть место в каждом штате. Любой материал всегда можно заказать по почте.

По традиционным ремеслам на первом месте в США стоит техника «лоскутного одеяла». Сотни, если

не тысячи, людей повсеместно занимаются этим увлекательным видом прикладного творчества. На втором месте — корзиночное творчество. Плетеные изделия из различных материалов здесь широко распространены. Почти в каждом штате есть гильдия мастеров по плетению. В Виржинии — около 150 членов такой гильдии, в Северной Каролине — 750. Члены гильдии собираются для решения различных проблем обычно один раз в месяц. Каждая гильдия один раз в два месяца выпускает специализированный журнал, в котором содержатся не только интересные статьи, но и расписание классов, в которые могут записаться желающие. Раз в год каждая гильдия проводит крупное мероприятие, в котором может принять участие любой мастер не только из США, но и из другой страны. Если мероприятие — это ярмарка, то желающий принять участие заранее подает заявки и оплачивает организационные взносы. Если это выставка, то претенденты проходят тщательный отбор, посылая вместе с заявлением слайды изделий и их описание. Если это учебное мероприятие — конференция, то все претендующие на место учителя должны предоставить проекты своих классов (изделия и их описание), и независимое жюри выбирает тех, кому отдается предпочтение выступить в качестве преподавателя. В любом случае, чтобы иметь возможность принять участие в том или другом мероприятии, каждый мастер должен быть членом гильдии, которая проводит выставку или конвенцию. Поэтому очень часто мастера являются членами нескольких гильдий. Членом гильдии может быть и иностранец, иначе он не смог бы принять участие в мероприятии. Конференция — это крупное комплексное мероприятие, где проводятся не только классы по обучению, которые, конечно, являются главными, но и конкурсные выставочные показы, лекции, продажа литературы, инструментов, материалов для работы и самих изделий. На конференцию собирается до тысячи мастеров со всех штатов и из-за рубежа. Крупнейшие конференции проводятся в Мичигане, Северной Каролине, Индиане. В некоторых других штатах на конференциях присутствуют по 100—150 мастеров. Конечно, чтобы учить мастеров на крупнейших конференциях, нужно выдержать большой конкурс, а чтобы поучиться — не надо участвовать ни в каком конкурсе. Надо только как можно раньше подать заявку на класс того или другого мастера-педагога или нескольких, указав их в списке по шкале предпочтения и вовремя оплатить стоимость обучения. Если ты запоздал с заявкой, то есть опасность, что компьютер занесет тебя в класс не самого желаемого преподавателя, указанного тобой в шкале предпочтения. Компьютерная выборка по шкале предпочтений, где напечатано, каким по счету данный учитель среди других учителей является предпочтительным для данного ученика, в конце конференции вручается и преподавателю. Взглянув на такой листок, сразу видишь, каким ты, как педагог, стоишь по счету у данного ученика по шкале его предпочтений. Ученики в таком листке выступают под номерами, фамилии не указываются. Загруженность классов, как обычно, 10—12 учеников. И если у большинства из них в

шкале предпочтения ты стоишь на четвертом, пятом, и так далее, местах, то понятно, что на этой конференции ты не самый популярный педагог. Ничего страшного нет, но подумать на эту тему уже надо.

На всех крупных конференциях в конце каждого класса проводится анкетирование на предмет оценки мастера-педагога учениками.

В анкете в том числе и такие вопросы:

Я выбрал(а) этот класс из-за изделия, из-за учителя или из-за того и другого (нужное пометить).

Как Вы оцениваете способности учителя: великолепные, хорошие, умеренные, плохие.

Качество информации, представленной учителем: великолепное, хорошее, умеренное, плохое.

Закончили ли Вы делать изделие в отведенные часы или нет: да, нет.

Хотели бы Вы записаться еще раз к этому учителю: да, нет.

Что больше всего мне понравилось в этом учителе: свободный ответ.

Что могло бы улучшить данный класс: свободный ответ.

И другие вопросы. Перед закрытием конференции дубликат всех анкет вручается преподавателю. Читать очень интересно, так как здесь прямая оценка твоих дарований.

Понятно, что если большинство ответов на поставленные вопросы ближе к отрицательной оценке, то тоже стоит задуматься. Ознакомившись с этими двумя грозными документами, сразу понимаешь, выберет ли тебя жюри в качестве мастера-педагога на следующий год или нет. Все предельно просто и объективно. Надо заметить, что такая же система классов для мастеров существует, например, в Англии, Австралии, Норвегии.

Почему, все-таки, в России студии, гильдии и другие ячейки по обучению мастеров пока еще не приобретают широкого распространения?

Прежде всего, из-за отсутствия специалистов. Никто нигде не учит учить людей традиционным ремеслам. Наше Областное училище искусств имени С.В. Рахманинова открыло недавно на заочном отделении специализацию «Руководитель студии декоративно-прикладного искусства». Очень, на мой взгляд, перспективная специальность, позволяющая не только учить людей, но и самому учителю развиваться как мастеру. Причем, здесь все пойдет в другой очередности, чем дает сегодняшняя отечественная жизненная практика. Вначале из студентов го-

товят руководителей студии, а потом уже они будут решать, развивать им самих себя как мастеров, или нет. Во-вторых, проблема нехватки специалистов в этой области кроется и в специфике сознания рядового мастера. Все можно свести к простому суждению: зачем учить себе подобных, плодить конкурентов, делиться секретами, годами нажитыми. За такими суждениями, конечно же, кроется и не только нежелание мастера учить своему ремеслу, но, в большей степени, неумение делать это и отсутствие перспективной поддержки со стороны государства. То есть, мастер не только не хочет делиться своими секретами, но и не умеет этого делать, а поэтому и не видит в этом смысла. Он делает то, что умеет, и ревниво относится к тем, кто учит других тому же, что делает он.

Интересен факт нашей истории, свидетельствующий о том, что к концу 20-х годов прошлого столетия ремесла и промыслы были одной из существенных статей валютного дохода для молодого советского государства. На этот момент в стране на экспорт работало около 40 тысяч мастеров ведущих промыслов и ремесел. Здесь токарно-полированные изделия, расписанные и крашеные игрушки, белые резные игрушки, полированные резные изделия, хохломские изделия, корешковые изделия, папье-маше, пуховые вязаные платки, строчка и вышивка, кружево³. Куда девалось все это богатство ремесленного творчества — мастера и их продукция после 1930-х годов — вопрос риторический.

Все эти сведения показывают, что у отечественных промыслов и ремесел огромное будущее. Есть над чем задуматься, есть что возрождать и поддерживать, есть даже понимание, как это делать. И даже сделаны шаги в заданном направлении.

Мы в своей студии не ставим сверхзадач — развивать, сохранять или поддерживать народное творчество. Мы просто делаем то, что нам нравится, а если время от времени напрашиваются какие-то выгоды, то это суть продукты нашего человеческого сознания.

³ Сведения Всесоюзного общества кустарей, изготовляющих для экспорта художественные изделия на 1 сентября 1928 г. Советское декоративное искусство. Материалы и документы 1917—1932. Народные художественные промыслы / Под ред. М. А. Некрасовой, С. М. Темериной, М., 1986. С.114.

Сергей ЯРОВ

СОВЕТИЗАЦИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

О книге М. Бейзера «Евреи Ленинграда. 1917—1939.

Национальная жизнь и советизация»

Обращение к социальной истории — характерная примета нашего времени. Постичь судьбы эпохи через судьбы людей — этой возможностью историки не пренебрегали никогда, но именно сейчас мы наблюдаем своеобразный ренессанс исследований, посвященных описанию духовного облика, быта, обычных норм поведения, политических, этических и эстетических предпочтений социальных низов. Особенность жанра социальной истории — отсутствие строгости в отборе тем и сюжетов, постоянный поиск инструментария, позволяющего за бесстрастными строками документов, субъективными дневниковыми записями, обрывками слухов, заклишированными жалобами и обращениями увидеть сущностные элементы духовной жизни людей прошедших лет. Каждый пытается разгадать ее по-своему — доверяясь только бесспорным источникам или поверяя их и собственным духовным опытом, акцентируя внимание на непривычном или отдавая предпочтение тому, что узнаваемо, что имеет отпечаток традиции и дошло в виде реликтов и до сегодняшних дней.

Но и при таком разнообразии подходов точно определить жанр книги М. Бейзера очень трудно. Это целая энциклопедия еврейской жизни в Ленинграде между двумя войнами. Здесь мы встречаем и исследование социальной психологии национальных групп (не только евреев), и очерки по истории культуры и образования, и зарисовки быта, и анализ непростых взаимоотношений между ведущими еврейскими организациями и описание политической борьбы внутри и вне еврейской диаспоры. Такой прием автора не кажется случайным и прежде всего определен состоянием историографии, касающейся региональной и этнической истории евреев в советское время. Трудно начинать исследование частных проблем еврейского движения в Петрограде, учитывая, что сама его история еще не стала предметом целостного и подробного анализа, полна неясностей и окружена завесой молчания.

Эта историографическая ситуация определена множеством факторов, и не столько научных, сколько политических, идеологических и этносоциальных. Отрицая наличие еврейского вопроса в СССР, но повсеместно сталкиваясь с ним, власти оказались перед трудным выбором. Изучить прошлое — в

такой ситуации это означало приподнять завесу над настоящим, что вынуждало отвечать на вопросы, на которые отвечать не хотелось. Был найден выход, обычный для недемократических режимов, где чем вопрос сложнее и запутанней, тем тщательнее он ретушируется, окутывается тайной, уходит в тень.

Имела значимость здесь и еще одна проблема — отсутствие надежных источников. Сведения собираются буквально по крупицам, особенно там, где речь идет о межнациональных отношениях, восприятии еврейского вопроса в городской среде. Картина здесь неизбежно мозаична — она складывается из обрывков слухов, случайно услышанных разговоров, фрагментов перлюстрации писем, «общих впечатлений». Ни о какой беспристрастности документа тут говорить не приходится — но других источников нет. Поэтому надо отдать должное виртуозной, но не лишенной осторожности механике «лепки» повествования. Каждое сообщение по возможности сочетается с другим, близким ему, или подкрепляется им, проверяется, оценивается, принимается с оговорками. Оговорки — это знак качества работы. Чем явственнее искушение беллетризировать и «систематизировать» рассказ, пользуясь отсутствием фактов, тем привлекательнее выглядит добросовестность исследователя, предпочитающего оставить лакуны в тексте, а не вызывать удивленные вопросы у читателя.

Две проблемы, которым автор уделяет самое пристальное внимание, обозначены уже в названии книги: «национальная жизнь» и «советизация». Национальная жизнь городских евреев в советское время здесь впервые в отечественной литературе отражена с исчерпывающей полнотой. Это превосходный очерк культуры, быта, нравов, политической и религиозной истории еврейской общины в Ленинграде. Он основан на обширной источниковой базе — прессе, воспоминаниях, статистических сборниках, программных и уставных документах общественных и религиозных движений. М. Бейзером детально изучены и исследования по истории евреев в СССР — как отечественные, так и зарубежные.

Интересно то, как автор освещает сложные вопросы внутриобщинной борьбы в Ленинграде. Не

становясь адептом какой-либо точки зрения, выдвинутой в пылу партийных столкновений, М. Бейзер подробно и беспристрастно описывает мотивацию и логику различных идеологических и религиозных программ. Он скрупулезно выявляет весь спектр причин — от политических до личных — вызвавших противоречия в еврейской городской общине.

Гораздо сложнее обстоит дело с «советизацией». Здесь заслуга автора состоит прежде всего в том, что он поставил вопросы весьма неоднозначные и крайне важные для понимания политической ассимиляции евреев — вопросы, на которые пока еще трудно дать уверенные ответы, которые еще долго будут изучаться как историками, так и социальными психологами.

Что такое советизация? Это весьма длительный акт, ведущий к изменению не только политического поведения, но и быта, нравов, обычаев и норм, составляющих ткань человеческого существования в послереволюционную эпоху. Автор справедливо подчеркивает, что этот процесс не может быть сведен лишь к перемене политических симпатий, и отмечает, в числе прочих, и такие его составляющие как «советская» служба, политическая лояльность школы, печати и общественных союзов, публичная поддержка мероприятий советской власти и даже отход от привычных форм трудовой деятельности. Достоинства столь широкого толкования автором проблемы советизации несомненны: она показана прежде всего как культурный феномен, как не только итог того, что происходило вне городской общины, но и как отражение внутренних импульсов. «Внешние» обстоятельства — политические и экономические — оказывали несомненное влияние на жизнь еврейской общины, но служили лишь первым толчком для проявления тех тенденций, которые развивались в еврейской среде уже по своим, внутренне присущим законам. Проблема конформизма рассматривается автором как бы в двух ипостасях — косвенно, посредством анализа советизации прессы, школ, общественных институтов, систем и методов образования, политической и общественной активности евреев, и прямо — путем выявления общей механики конформизма и его существенных элементов. Национальная жизнь, естественно, не может быть отделена от ее «конформизации». Оба эти явления рассматриваются здесь в неразрывной связи, выявление которой, правда, для читателя несколько затруднено тем, что автор не всегда специально акцентирует его внимание на «конформистском» элементе ряда фактов национальной жизни. Именно изучение основных конструкций того механизма, который совокупностью различных факторов — экономических, социальных,

политических, идеологических, репрессивных — привел к общественному конформизму, является актуальной научной проблемой, исследование которой должно быть основано на использовании разных видов социально-психологических свидетельств. Но такого рода документы обнаружить очень трудно в силу специфики советского режима, оставившего после себя множество конформистских свидетельств, и очень мало (по понятным причинам) тех исторических источников, где отражена особая, неортодоксальная позиция людей — религиозная, мировоззренческая, политическая. Еще сложнее и подчас неуловимее выглядит та причинно-следственная цепочка, которая предопределила конформистские настроения в городской общине. Что здесь было первичным, а что вторичным, что играло главную роль, а что было только побочным обстоятельством, как, образно говоря, сцеплялись и взаимодействовали шестерни в механизмах общественного приспособления — факты, изученные М. Бейзером, дают в значительной мере ответы на эти вопросы, но многое еще предстоит тут выяснить и уточнить.

Некоторые положения книги М. Бейзера могут вызвать возражения. Вряд ли стоит на основании одной фразы Г.Е. Зиновьева («у них есть свой Ротшильд, наподобие нашего Путилова») делать вывод о том, что глава Петроградского совета причислял себя к русским. Скорее всего, это являлось лишь риторическим оборотом; точнее было бы отметить, что и Зиновьев и прочие «вожди» (не обязательно евреи) не акцентировали внимание на своем происхождении. Ряд сюжетов книги охватывает не только Ленинград, но и сельские районы, и даже другие города (в частности, Псков). Отчасти это оправдано, но, видимо, автору следовало бы подробнее мотивировать расширение рамок исследования. Следовало бы уточнить вывод о том, что «повышенный уровень жизни приходилось отрабатывать демонстрацией верности режиму». Участие в митингах, требовавших расправы над «врагами народа», было следствием разных причин. Главная из них — боязнь репрессий в тех условиях, когда приходилось защищать не повышенный уровень жизни, а самую жизнь, независимо от того, каким был недостаток людей.

В целом же работу М. Бейзера следует признать удачной. Она четко построена, в ней проявлены огромная эрудиция и добросовестность исследователя. Исследование написано хорошим литературным языком. И главное, книга открывает перед историками новые перспективы в изучении региональной тематики — хотя только будущее покажет, насколько они воспользуются проложенными М. Бейзером тропами.

Поддержка данного проекта была осуществлена АНО ИНО «Центр» в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США), при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

В НОМЕРЕ ПУБЛИКОВАЛИСЬ

Александр АНТОЩЕНКО, доцент Петрозаводского Государственного университета, кандидат исторических наук, Петрозаводск.

Елена БИАНИ, член Географического общества, Санкт-Петербург.

Татьяна БОБРОВА, пресс-секретарь театра «Малый», Великий Новгород.

Татьяна БОГОМОЛОВА, сотрудник Белозерского историко-художественного музея, Белозерск.

Сергей ВИТУШКИН, заведующий отделом публикации документов ГАНПИНО, руководитель рабочей группы Книги Памяти, Великий Новгород.

Петр ГАЙДУКОВ, доктор исторических наук, Российский гуманитарный научный фонд, Москва.

Виола ГУЩИНА, старший научный сотрудник музея-заповедника «Кижи», Петрозаводск.

Татьяна ДАНЬКО, заведующая отделом использования и публикации документов ГАНО, Великий Новгород.

Нинель ДОЙНИКОВА, доцент кафедры гуманитарных дисциплин НРЦРО, Великий Новгород.

Николай ЕФИМОВ, педагог, Великий Новгород.

Николай КАНЕВ, писатель, Республика Коми.

Александр КИРИЛЛОВ, поэт, Великий Новгород.

Борис КОЛЧИН (1914—1984), доктор исторических наук, профессор.

Ольга КУЗЬМИНА, историк, руководитель военно-исторического клуба «Застава», Пенза.

Элизабет ЛЕФСТРАНД, преподаватель кафедры славянских языков Стокгольмского уни-

верситета.

Юрий МАРКИТАНОВ, краевед, Великий Новгород.

Наталья МОРЫЛЕВА, главный библиотекарь научной библиотеки НовГУ.

Галия НАСУРДИНОВА, старший преподаватель НовГУ, председатель благотворительного правозащитного историко-поискового фонда «История и судьбы».

Леонид НИКОЛАЕВ, ООО «Абсолют», руководитель группы туристов, Великий Новгород.

Ирина САВИНОВА, литературный сотрудник газеты «Время новгородское», член Союза журналистов России, Великий Новгород.

Валерий СВОБОДОВ, старший научный сотрудник сектора инструментоведения Российского института истории искусств, кандидат искусствоведения, Санкт-Петербург.

Людмила СЕКРЕТАРЬ, старший научный сотрудник Новгородского музея-заповедника.

Людмила ФИЛИППОВА, бывший искусствовед Новгородского филиала проектного института «Спецпроектреставрация».

Константин ФУФИН, фотохудожник, Великий Новгород.

Валентин ЯНИН, академик РАН, почетный гражданин Великого Новгорода, Москва.

Сергей ЯРОВ, доктор исторических наук, профессор Европейского университета, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, Санкт-Петербург.

Владимир ЯРЫШ, руководитель студии декоративно-прикладного искусства «Новгородская береста» Новгородского городского Дворца культуры, член Союза художников России, Великий Новгород.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

173007, Россия, Великий Новгород, Чудинцева ул., д. 6/64
Телефон: (816-22) 11-55-60, E-mail: chelo@novgorod.net

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Рег. номер 013934.

Подписано в печать 22.03.04. Заказ № 748.

Бумага 80 г/м².

Графика на обложке Владимира ПОВЕТКИНА

Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816-22) 27-883.

Редакция не рецензирует и не возвращает присланные рукописи.

*Перепечатка допускается по согласованию с редакцией,
ссылка на «Чело» обязательна.*

Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.

Над номером работали:

Главный редактор — Тамара СИГАЛОВА

Ведущий редактор — Елена БАРКАНОВА

Инженер-программист — Ирина АЛЕКСАНДРОВА

Редактор отдела — Нелли ПШАНСКАЯ

Редактор отдела — Александр КУДРЯШОВ